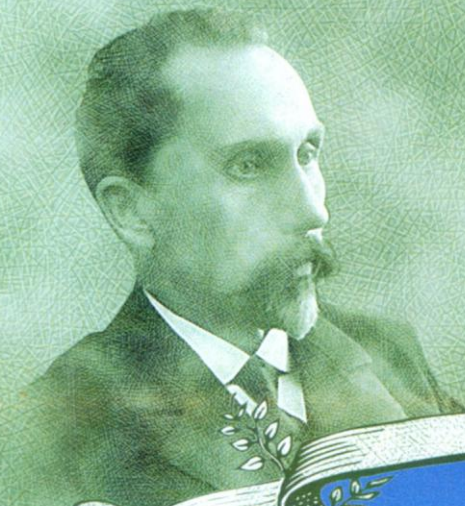


МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ



ТРЕТЬИ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
21-22 НОЯБРЯ 2006 г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный
музей-заповедник
имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*



**ТРЕТЬИ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

материалы
научно-практической конференции
21-22 ноября 2006 г.

К 100-летию Ставропольской
губернской ученой архивной комиссии

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Ставрополь – 2007

ББК 63.3 (2Р-4Ст)

П 78

Научное издание

Печатается по решению ученого совета
Ставропольского государственного
историко-культурного
и природно-ландшафтного
музея-заповедника
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе

П 78

Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 3: (научное издание)/ под редакцией кандидата исторических наук С. Н. Савенко. - Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2007. - 136 с.

Материалы сборника посвящены краеведческой тематике, представляют культурное и природное наследие, историческое прошлое и настоящее, социально-культурную жизнь города, края, региона.

ISBN 5-85714-061-4

© Ставропольский государственный
музей-заповедник
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, 2007 г.
© Авторы, 2007 г.
© Издательство «Вестник Кавказа», 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

- Колесникова М.Е.** Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории
- Акопьян А.П.** Использование архивных материалов в создании музейно-экспозиционного фонда по истории Ставропольского отделения Госбанка
- Еремина А. В.** Прозрителев Г.Н. – основоположник архивного дела

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

- Дронов А.В.** Каменный век Ставрополя: состояние и перспективы изучения
- Прокопенко Ю.А.** О раскопках в 1897 – 1898 гг. краеведов в юго-восточных районах Ставропольской губернии
- Савенко С.Н.,
Савенко Е.А.** Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Кравцова С.Л.** Леонид Никанорович Глушков в интеллектуальной истории города Ставрополя
- Состин Д.И.** История политических партий Ставрополя в свете новых методологических подходов и архивных исследований
- Охонько Я.Н.** ПСЗ как юридическая основа для изучения административной политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX в.
- Уляев К.С.,
Чесняк М.Г.** О современном прочтении труда «Военное прошлое наших калмыков»

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Андрющенко Т.Н.,
Драчева О.Н.** «Из истории села...». Театрализованный музейный урок для учащихся 1-5 классов
- Гайденок А.В.** Опыт взаимодействия экологии и искусства на примере картинной галереи П.М. Гречишкина
- Швырева А.К.** Отдел природы: история и программа развития до 2012 года (концептуальные предложения)

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

- Барабанова Е.Г.** [Исследование клада 5-копеечных российских монет второй половины XVIII века из ст. Александрийской Ставропольского края](#)
- Гончарова Г.А.** [Материалы И.Д. Сургучева в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве](#)
- Гордиенко А.Б.** [Инструментарий и продукция кустарных жестянщиков и кузнецов в собрании СГМЗ](#)
- Доронин И.В.** [История формирования и состав герпетологической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея. Сообщение 2](#)
- Сачук С.С.** [Коллекция «Печатные учебные наглядные пособия из собрания Г.К. Праве»: опыт систематизации](#)
- Отюцкий И.В.** [О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа \(часть 3-я\)](#)
- Феоктистова Л.А.** [Архив В.М. Реброва в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

- Бурков С.Б.** [Историко-культурное наследие Ингушетии: вопросы хранения, сохранности и использования \(музееведческий аспект\)](#)
- Зольникова Ю.Ф.** [Вклад научных обществ в изучение рекреационных ресурсов Северного Кавказа \(конец XIX – начало XX вв.\)](#)

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

- Голикова Е.** [Татарское городище – археологический памятник Ставрополя](#)
- Дорохина А.,
Драчева А.,
Каракашева К.** [Мой любимый экспонат](#)
- Кожевникова Ю.** [Документальные коллекции в ученическом музее МОУ СОШ № 1 г. Ставрополя и характер их хранения](#)
- Хачатурян И.** [История музея Боевой Славы МОУ СОШ № 28 г. Ставрополя](#)
- Цюпа А.** [Калмыки: становление общества, культура, быт, традиции](#)

От редакции

21–22 ноября 2006 года на базе Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе состоялась третья по счету музейно-краеведческая конференция – Прозрителевские чтения. По своим масштабам и охвату участников она заметно уступала II Прозрителевским чтениям, посвященным столетию музея и проведенным в рамках праздничных торжеств. Это обстоятельство вполне объяснимо. Но и III Прозрителевские чтения были достаточно представительными, так как в них приняло участие более 60 ученых, музейных работников, преподавателей вузов и школ, студентов и учащихся. Открывал конференцию заместитель министра культуры Ставропольского края Владимир Маркович Лычагин.

Как и на двух предыдущих конференциях, основными участниками стали сотрудники музея-заповедника и Ставропольского государственного университета. Впервые на конференции была выделена специальная секция для учащихся и студентов, что было сделано на основании специального решения ученого совета музея-заповедника. После проведения пленарного заседания все ученые и специалисты были объединены в секцию независимо от отраслевой принадлежности докладов. При этом сходные по тематике выступления были сгруппированы и заслушивались последовательно.

Чтения на этот раз были посвящены 100-летию Ставропольской губернской комиссии, что наложило определенный отпечаток на тематическую направленность и содержание части докладов. Всего было оглашено и обсуждено 47 докладов и сообщений.

На общее пленарное заседание были вынесены 9 докладов обобщающего характера и выступления, связанные с основной темой конференции. С особым вниманием был прослушан основной доклад доцента СГУ, заведующего отделом аспирантуры университета, члена ученого совета музея-заповедника, кандидата исторических наук М.Е. Колесниковой «Ставропольская ученая архивная комиссия: страницы истории». В нем были показаны особенности становления и основные направления деятельности Ставропольской губернской комиссии (февраль 1906 – август 1920 гг.) – организации, стоявшей у истоков архивного дела края. С данным докладом перекликалось и сообщение студентки магистратуры Ставропольского государственного университета А.В. Ереминой «Прозрителев Г.Н. – основоположник архивного дела в крае». С историко-архивной проблематикой были связаны еще несколько докладов и сообщений пленарного и секционных заседаний. Из-за значимости содержания доклада М.Е. Колесниковой для программы Третьих Прозрителевских чтений с его материалов и начинается данный сборник.

Ряд ученых и специалистов посвятили свои работы проблемам региональной археологии. В сообщении педагога Краевого центра экологии, туризма и краеведения, стажера Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург) А.В. Дронова были определены состояние и перспективы изу-

чения древнейшей эпохи истории населения края – каменного века. Эта слабо изученная проблематика в последние годы стала вновь привлекать более пристальное внимание ученых. Но пока на обширной территории Ставрополья выявлены только единичные местонахождения и объекты, относящиеся к различным этапам палеолита, мезолита и неолита, в том числе и самые ранние из них – находки ашельских орудий на горе Кинжал в районе города Минеральные Воды. Открытия в этой области, по всей вероятности, еще впереди. Очередной оригинальный сюжет по истории археологического изучения юго-восточных районов края в конце XIX был обнародован доцентом СГУ, кандидатом исторических наук Ю.А. Прокопенко. С важной юбилейной датой в истории археологии всего Кавказа – 125-летием V Археологического съезда в Тифлисе (1881 г.) – был связан доклад С.Н. Савенко (Ставрополь) и Е.А. Савенко (Кисловодск) о вкладе Пятого Археологического съезда в изучение и сохранение памятников христианства. Кстати, с этой же юбилейной тематикой соотносилось и выступление директора музея-заповедника Н.А. Охонько, который являлся участником Всесоюзной конференции в Тбилиси и других городах Грузинской ССР в 1981 году, посвященной 100-летию Тифлисского съезда.

Значительная часть выступлений затрагивала различные аспекты исторического и литературного краеведения. В сборник включены материалы трех из них. Это доклад доцента Ставропольского филиала Краснодарской академии МВД РФ, члена ученого совета музея-заповедника, кандидата исторических наук Д.И. Состина об истории политических партий Ставрополья в свете новых методологических подходов и архивных исследований. В докладе аспиранта Ставропольского государственного университета Я.Н. Охонько был обозначен подход к разработке большой и актуальной темы «Полное собрание законов как юридическая основа для изучения административной политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX в.». По-новому и более внимательно попытались прочитать труд Г.Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмыков», изданный в сборнике Ставропольской архивной комиссии, учащийся Ставропольского лицея № 15 К. Уляев и научный сотрудник лаборатории СевКавГТУ, кандидат педагогических наук М.Г. Чесняк.

Методика и практика музейной деятельности представлялась и обсуждалась в докладах, сообщениях и выступлениях директора и младшего научного сотрудника историко-краеведческого музея села Татарка – филиала Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе – Т.Н. Андрющенко и О.Н. Драчевой, педагога краевого центра экологии, туризма и краеведения А.В. Гайденко, заведующего отделом природы Ставропольского государственного музея-заповедника, кандидата биологических наук А.К. Швыревой и других. Театрализованный музейный урок для учащихся 1 – 5-х классов Татарской средней школы, подготовленный сотрудниками сельского историко-краеведческого музея, значительно разнообразил и оживил программу конференции. В сборнике публикуется рифмованный текст монтажа данного урока. А.В. Гайденко вновь вернулся к важной, уже обсуждаемой ранее теме использования великолепных пейзажей заслуженного худож-

ника России, почетного гражданина города и Ставропольского края П.М. Гре-чишкина, собранных в картинной галерее его работ – отделе Ставропольского государственного музея-заповедника, их значения для понимания механизмов взаимодействия искусства и экологии и задач экологического воспитания. Серьезный документ по истории и концептуальным идеям перспективного развития отдела природы Ставропольского музея-заповедника (на длительный период, до 2012 года) был представлен на обсуждение участников конференции А.К. Швыревой.

Актуальные проблемы сохранения и изучения культурного и природного наследия нашли отражение в докладах постоянного участника конференции из Ингушетии – заместителя начальника научно-исследовательского сектора филиала СевКавГТУ в городе Назрани С.Б. Буркова и доцента СГУ, кандидата географических наук Ю.Ф. Зольниковой.

В докладах на конференции, уже традиционно, рассматривались вопросы изучения музейных коллекций. С ними на этот раз выступила группа сотрудников Музея-заповедника. Детальностью подхода и обстоятельностью разработки тем отличались доклады научных сотрудников музея Е.Г. Барабановой и кандидата исторических наук А.Б. Гордиенко, посвященные анализу одного из крупных ставропольских кладов российских монет второй половины XVIII века и наборов инструментария и изделий жестянщиков и кузнецов из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Интерес представляли и сведения о существенном пополнении музейного фонда известного ставропольского писателя И.Д. Сургучева, в год празднования 125-летия со дня его рождения. Материал представила заведующая музеем-усадьбой художника В.И. Смирнова – Г.А. Гончарова. Заведующая отделом этнографии музея С.С. Сачук предложила свой опыт систематизации обширной коллекции печатных наглядных учебных пособий из коллекции одного из основателей Ставропольского государственного музея-заповедника Г.К. Пправе. Коллекция, сохранившаяся частично, и в этом виде очень представительна и ценна для изучения темы развития народного образования в России в конце XIX – начале XX веков. Продолжили разработку тем, обозначенных еще на Первых и Вторых Прозрителевских чтениях, лаборант-исследователь отдела природы И.В. Доронин, представлявший герпетологическую коллекцию, и заведующий отделом археологии И.В. Отюцкий, выступивший с третьим сюжетом, посвященным археологической коллекции музея Северного Кавказа в общей структуре фондовых материалов музея-заповедника.

На Третьих Прозрителевских чтениях прозвучало и около 20 докладов, сообщений, творческих выступлений учащихся и студентов. Специальная комиссия из музейных работников и ученых отобрала для публикации 5 из них. Большая часть этих сообщений имела музееведческую направленность, так как была посвящена обобщенной характеристике отдельных музеев и филиалов, экспонатов и коллекций из музейных собраний. Автор одного из докладов – учащаяся 11 класса лицея № 5 города Ставрополя Анна Цюпа – под руководством своего научного наставника В.А. Борай живо, детально и аргументиро-

ванно рассказала об особенностях традиционного общественного устройства, культуры и быта калмыков.

В ходе проведения данной конференции, как и предыдущих, решались и организационные вопросы. Обсуждались периодичность проведения Прозрительских чтений в дальнейшем, процедура подготовки и проведения заседаний и т. п. На пленарном заседании Чтений из уст заместителя министра культуры Ставропольского края В.М. Лычагина прозвучала конструктивная критика формы представления материалов в сборниках первых двух музейных конференций. Суть ее состояла в том, что разнородные по отраслевой принадлежности и проблематике материалы не выделены по этому принципу, а даются в алфавитном порядке, исходя из фамилий авторов докладов и сообщений, что затрудняет целевой поиск. В связи с этим в данном сборнике введен отраслевой и проблемно-тематический рубрикатор при сохранении алфавитного принципа размещения докладов внутри разделов и рубрик.

Следует иметь в виду, что некоторые сокращенные варианты оглашенных на конференции текстов были значительно доработаны в соответствии с рекомендациями редакционного совета музея-заповедника, по этой причине они не вошли в данный сборник. Но нам представляется, что и в этом виде сборник будет интересен музейным работникам, ученым, краоведам различных областей, как давно уже состоявшимся и обладающим большим стажем исследований, так и начинающим.

С.Н. Савенко,
кандидат исторических наук



ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

Колесникова М.Е.

СГУ, доцент,
кандидат исторических наук

Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории

Одним из центров изучения региональной истории в начале XX в. была Ставропольская губернская ученая архивная комиссия (СУАК), единственная подобная комиссия из созданных на Северном Кавказе. Объединив лучшие силы ставропольской интеллигенции, комиссия сумела скоординировать усилия по изучению региона, спасти от уничтожения огромное количество исторических источников и памятников старины. Своей деятельностью комиссия заложила основы архивного и музейного дела в регионе.

Создание СУАК стало поворотным событием в развитии архивного дела на Северном Кавказе. Как и другие губернские ученые архивные комиссии, она была неповторимым явлением в истории отечественной исторической науки, которое продолжает вызывать интерес исследователей.

Вопрос о создании архивной комиссии обсуждался задолго до ее учреждения. И.В. Бентковский в 1886 году подавал ходатайство об организации в г. Ставрополе архивной комиссии, которое в тот период не было удовлетворено (1). Между тем, все основания для создания архивной комиссии в Ставропольской губернии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным образом. Губерния уже в конце XVIII в. имела богатейшие архивы, так как в период заселения и освоения Северного Кавказа здесь находились многочисленные государственные учреждения, управлявшие Кавказским краем. К концу XIX в., из-за переполненности архивов делами, сохранялись главным образом лишь документы текущего делопроизводства и те, которые представляли практический интерес.

Положение архивов Северного Кавказа оставляло желать лучшего, что было характерным явлением для России в целом и для других районов Северного Кавказа в частности (2, с. 15-24). Дела хранились в непригодных помещениях, а архивы многих учреждений вообще не имели собственных хра-

нилищ. Как правило, за состоянием архивов не следили, не занимались их разбором и учетом, архивные бумаги часто терялись, плесневели, гнили, повреждались грызунами. В результате погибали ценные источники по истории края. В старых бумагах видели «ненужный хлам», который выбрасывали, сжигали, использовали для переплетов книг, оклейки стен, в качестве оберточной бумаги (бывали случаи, когда на рынке г. Ставрополя в документы XVIII в. заворачивали продукты). Об этих и других подобных фактах находим свидетельства в работе Г.Н. Прозрителева «Кавказские архивы» (3, с. 1).

Имея сравнительно небольшую, зато богатую событиями и фактами историю, губерния хранила ценнейшие документальные комплексы, разработкой которых инициативно занимались лишь отдельные члены Ставропольского губернского статистического комитета. Ими и был вновь поднят вопрос об учреждении СУАК в 1905 г. Идея активно обсуждалась на страницах местной периодической печати, было проведено анкетирование местных архивохранилищ. На заседаниях Ставропольского губернского статкомитета 8 апреля, 16 июля, 19 августа 1905 г. были заслушаны доклады Г.Н. Прозрителева, А.С. Собривского, Н.И. Успенского и Н.И. Чененского о необходимости образования в Ставрополе губернской ученой архивной комиссии и устройстве губернского исторического архива. Спустя два месяца, после улаживания всех необходимых формальностей, 16 января 1906 г., на общем собрании членов Ставропольского губернского статкомитета было определено открыть в городе Ставрополе ученую архивную комиссию, а 24 члена-учредителя (А.В. Архангельский, К.А. Росляков, Н.Я. Динник, А.С. Собривский, В.С. Тринитатов, Н.И. Успенский, Л.Я. Апостолов, Ф.С. Снежков, Г.Н. Прозрителев, А.Г. Гурский, К.С. Педашенко, о. Никольский, Г.К. Пправе, К.С. Белецкий, Н.В. Григоращ, Г.К. Гаглазов, Д.Г. Исаев, М.Г. Лебедев, Н.М. Климов, А.И. Рублев, М.И. Шищенко, И.П. Кувшинский, М.Х. Холев, К.И. Лобасов), подписавших прошение, признать ее действительными членами (4).

Официальной датой открытия СУАК считается 17 февраля (по новому стилю 2 марта) 1906 г., когда состоялось первое организационное заседание комиссии (5). На нем были определены цель, задачи, основные направления деятельности комиссии, общий и руководящий состав. Председателем был избран городской нотариус, присяжный поверенный Григорий Николаевич Прозрителев, краевед, историк, археолог, этнолог, просветитель, видный общественный деятель Северного Кавказа. Он практически бессменно возглавлял комиссию до 1920 г., что во многом и предопределило относительную стабильность в ее работе. Только непродолжительный период, с мая 1916 г. по июнь 1919 г., комиссией руководил С.Н. Костямин, в силу того что Г.Н. Прозрителев в 1915 г. был назначен председателем Кавказской археографической комиссии в г. Ти-

флисе (6). Непременным попечителем Ставропольской ГУАК стал ставропольский губернатор Б.М. Янушевич.

Состав СУАК был многочисленным, т.к. она привлекала к своей работе всех, кто интересовался историческим прошлым губернии и Кавказского края, однако далеко неоднородным как в социальном, так и в образовательном отношении, что обусловило неравномерность участия членов комиссии в научно-исследовательской работе. Как показывают журналы заседаний и отчеты комиссии, активно научными исследованиями занималось не более 10-15 ее членов. Среди тех, кто постоянно занимался научной работой, были настоящие энтузиасты, преданные своему делу люди, горячо любящие свой край. Это В.Г. Загорская, М.В. Краснов, С.В. Фарфоровский, С.М. Долинский, М.И. Ермоленко, С.Г. Колмаков, А.Н. Можарова, духовный миссионер С. Никольский, известный литературовед, публицист Б.Л. Модзалевский, архитектор Г.П. Кусков и другие. Многие из них уже имели опыт работы, т.к. ранее работали в различных научных учреждениях и краеведческих обществах Северного Кавказа. Основной костяк составляли представители провинциальной интеллигенции: преподаватели, адвокаты, врачи, чиновники, служащие. Среди действительных членов были русский историк С.Ф. Платонов и палеонтолог, профессор Московского университета М.В. Павлова.

Как и другие архивные комиссии, СУАК широко практиковала избрание в свои ряды почетных членов, тех, кто оказывал всяческое содействие комиссии. В числе последних были Его Императорское Высочество Великий князь Николай Михайлович, Архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор, председатель Московского археологического общества графиня П.С. Уварова, член Археологической комиссии, профессор Н.И. Веселовский, профессор Петроградского университета И.А. Шляпкин, профессор Петроградского Археологического института Н.В. Покровский и другие.

Комиссия работала под определенным административным надзором со стороны губернских властей, что проявлялось в необходимости согласования кандидатур ее новых членов и получении соответствующих разрешений в губернской канцелярии. Так, в 1910 г. по настойчивому требованию губернатора из состава комиссии пришлось вывести двух ее членов – Лиджо Карвенова и Андре-Менке Михайлова, которых власти посчитали лицами «с весьма сомнительной репутацией» (7). Такими же формами контроля являлись и согласование повесток заседаний, цензура изданий, регулирование публичных мероприятий, выставок, лекций.

Основными направлениями деятельности Ставропольской ГУАК были археографическое, научно-исследовательское, археологическое, музейное, биб-

лиотечное, издательское. Ведущая роль в их определении принадлежала ее председателю Г.Н. Прозрителеву. Уже на первом заседании им сделан доклад «Архивы Ставропольской губернии», в котором была определена главная цель комиссии – «составить исторический архив, т. е. собрать все то, что представляет ценный научный материал для истории края и бытовых условий жизни его населения» и обозначить основные ее задачи – контроль над архивами, их разбор, описание, спасение исторических памятников и популяризация историко-краеведческих знаний.

Работа проводилась в соответствии с составленной Г.Н. Прозрителевым «Программой обследования местных архивов». Отпечатанная в виде брошюры, в форме анкеты, она в количестве 300 экз. была разослана во все уезды и волости Ставропольской губернии и Кубанской области (8). Поступившие ответы из 129 правлений позволили получить реальную картину состояния архивного дела в регионе и наметить первоочередные задачи деятельности комиссии.

Проводимые мероприятия по разбору и спасению от гибели письменных источников способствовали формированию губернского исторического архива, выявлению имеющихся в архивах документов по истории края. СУАК обследовала и разбирала архивы учреждений и организаций, наводила порядок в документах, определяла их состав, вела работу по отбору материалов для постоянного хранения. Акцент делался на необходимость сохранения ценных в историческом отношении источников. Так, членами комиссии были обследованы и разобраны до 40 тыс. дел губернского архива и примерно 10 тыс. дел Казенной палаты, более 243 тыс. дел старых и уже упраздненных учреждений Ставропольской губернии, которые размещались в колокольне Кафедрального собора в г. Ставрополе (т. н. «старый архив», найденный в одном из сараев при Ставропольском городском полицейском управлении и благодаря содействию епископа Агафодора перевезенный в колокольню Кафедрального собора). Были разобраны и описаны частные архивы известного историографа генерал-лейтенанта И.Д. Попко и Наместника Кавказского князя М.С. Воронцова. В архивных документах имеются сведения о формировании археологического архива, содержащего 200 000 старых дел (9).

На заседаниях комиссии не раз были отмечены заслуги ее членов «в деле работы с архивными бумагами» Д.Ф. Леплявкина, архивариуса губернского Правления Пагирова, архивариуса Ставропольского окружного суда Анзорова, священника Покровского, председателя комиссии Г.Н. Прозрителева.

Являясь единственной на Северном Кавказе, Ставропольская ГУАК вынуждена была обслуживать не только весь регион (Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области), но и часть Закавказья (Эриванскую, Елизавет-

польскую, Караурганскую и Новороссийскую губернии, Анапскую таможенную, Южный таможенный округ, Батум и др. районы). Члены комиссии принимали участие в обследовании и инспектировании архивов региона, оказывали консультативно-методическую помощь. Таким образом, впервые в регионе были предприняты решительные меры по сохранению документального наследия.

Но не только большой объем работы и пространственность территории, которую охватывала своей деятельностью СУАК, затрудняли работу. Ограниченные материальные средства – еще одна трудность, которую испытывали многие ГУАК. Лишь немногие из них получали ежегодные пособия в 200-300 руб. от губернских земств, в ряде губерний они составляли всего 20-25 рублей. Ставропольская архивная комиссия не имела бюджетного финансирования, лишь единовременные пособия, пожертвования городских учреждений и лиц, а также членские взносы – вот и все источники ее существования.

Новый период в истории СУАК связан со съездом представителей губернских ученых архивных комиссий, проходившим в 1914 г. в Петрограде. Представителем от Ставропольской комиссии на съезде был Г.Н. Прозрителев. Съезд признал за провинциальными архивами первостепенное научное значение как хранилищ исторических источников. ГУАК было поручено заняться разработкой специальных инструкций о порядке привоза, хранения и разбора архивных дел для решения сложной задачи – упорядочение архивного дела на местах. Уже в начале 1915 г., на очередном заседании Ставропольской губернской ученой архивной комиссии были утверждены разработанные Г.Н. Прозрителевым «Инструкция о привозе и хранении старых дел» и «Инструкция для разбора старых дел», в основу которых был положен многолетний опыт работы самого Г.Н. Прозрителева с архивными документами (10).

Работа членов комиссии была тесно связана с археографической деятельностью, с постоянным поиском и разработкой ее приемов. Отдавая предпочтение систематическим («ученым») описям, члены комиссии зачастую превращали описание документа в подобие его публикации. Несмотря на неоднозначную оценку деятельности членов Ставропольской ГУАК по упорядочению архивного дела, на критику применявшейся ими методики архивной работы, следует признать, что именно благодаря усилиям ее членов Государственный архив Ставропольского края имеет одно из богатейших собраний дореволюционных документов на Северном Кавказе. Это источники, отражающие многочисленные аспекты политической, административной, военной, социально-экономической и культурной истории Северного Кавказа.

С первых дней существования архивная комиссия стала заниматься изучением исторического прошлого региона. Научные интересы ее членов охватывали широкий спектр исторических проблем. В центре внимания были пробле-

мы ранней истории края, истории его заселения, основания и развития г. Ставрополя и КМВ, церковное строительство, развитие народного образования и просвещения. Приоритетным направлением, как и у большинства ГУАК, оставалась проблема колонизации края. В трудах Ставропольской архивной комиссии был даже специальный раздел – «Статьи по истории края». Работы по форме представляли собой краеведческие описания, являющиеся наиболее распространенным типом научной работы в рассматриваемую эпоху. Из старых архивных документов и воспоминаний провинциальные исследователи пытались «сложить» историю прошлого края и через нее представить историю страны в целом.

Важное значение имели и этнографические исследования членов СУАК. Мультикультурное разнообразие, политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь полиэтнических областей региона не могли не привлечь внимание кропотливых исследователей. История автохтонного населения, переселенцев, процессы взаимодействия народов, опыт совместного проживания, хозяйствования, природопользования и влияния на ландшафт, миграционные процессы – все это и многое другое оказывалось в поле их зрения. Повышенное внимание к этнографическим исследованиям связано с формированием этнографического отдела музея Северного Кавказа, образованного в 1905 г. Попечительством музея перед Ставропольской губернской ученой архивной комиссией была поставлена задача – начать сбор экспонатов, отражающих жизнь региона, культуру различных народов, прежде всего кочевых: туркмен, ногайцев, калмыков. Финансовую помощь оказал Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии А.П. Польский. Результаты экспедиционной работы заслушивались на заседаниях и находили отражение на страницах периодических изданий комиссии, в специальном разделе «Статьи по этнографии». Именно там были впервые опубликованы анкета и обращение к местным жителям с просьбой заняться сбором сведений и составлением описаний местностей, народов, их образа жизни по специально предложенной программе, автором которой был член архивной комиссии С.В. Фарфоровский. Итогом «собирательской» деятельности членов СУАК стали богатейшие и весьма разнообразные этнографические коллекции, которые и сегодня украшают этнографический зал Ставропольского краеведческого музея-заповедника, помогая воссоздать историю и быт народов, населяющих в прошлом ставропольские земли. На основе архивных материалов и, что особенно важно, сведений устной истории, был написан и ряд научных работ о калмыцком народе.

Еще одним приоритетным направлением деятельности Ставропольской архивной комиссии были археологические исследования и охрана памятников материальной культуры. Систематических археологических исследований

Ставропольская архивная комиссия проводить не могла, в силу отсутствия достаточных для этих целей средств и специалистов. Сказалось и отсутствие систематизированных сведений о месторасположении памятников, которые открывались случайно в ходе строительных и хозяйственных работ. Поэтому первоочередной задачей была паспортизация археологических объектов. Изучая местные предания и легенды, свидетельства письменных источников, записки путешественников, хранящиеся в местных архивах, члены комиссии работали над сбором материала для составления археологических карт. Экспедиционная деятельность ограничивалась разведками и охранными раскопками.

По инициативе Г.Н. Прозрителева был организован надзор за памятниками старины сотрудниками комиссии, избираемыми из числа местных жителей. Сотрудниками СУАК были крестьяне Т.Д. Щегольков (с. Благодарное), А.С. Рыжков (с. Медвежье), учитель М. Севастьянов (с. Средний Егорлык), служащий городской управы А.А. Соколов (г. Ставрополь) и др. (11). Археологическими исследованиями занимался и член комиссии, неутомимый краевед и энтузиаст М.И. Ермоленко, с именем которого связано создание в 1921 г. областного музея краеведения в г. Нальчике.

Результаты археологических обследований докладывались на Археологических съездах, всероссийских научных форумах. Так, например, результаты совместных археологических работ Г.Н. Прозрителева и представителя Московского археологического общества В.А. Городцова на Маджарах были представлены на XIV Археологическом съезде, состоявшемся в 1909 году в Чернигове (12, с. 162-208). На XV Археологическом съезде в Новгороде (1911 г.) представителем Ставропольской губернской ученой архивной комиссии Л.Я. Апостоловым были зачитаны доклады Г.Н. Прозрителева по вопросам археологии Северного Кавказа. Проведенные членами комиссии археологические обследования, собранные материалы дали возможность выделить ареалы распространения культур, проследить миграционные процессы в древности на территории Северного Кавказа.

Специфика и универсальность Ставропольской ГУАК, разбор и комплектование материалов по истории, археологии, этнографии обусловили появление музея, созданного совместными усилиями членов архивной комиссии и Ставропольского губернского статкомитета. Создание музея было предопределено спецификой и универсальностью научной деятельности СУАК. Экспедиционная деятельность ее членов сопровождалась накоплением предметов материальной культуры, которые и легли в основу музея. Это прежде всего археологические находки и этнографические материалы – предметы культуры и быта народов, живущих на территории Северного Кавказа. Спустя годы, оценивая деятельность комиссии, Г.Н. Прозрителев писал: «...помимо большого государ-

ственного дела, архивные комиссии несут культурную миссию, и эта культурная миссия выражается в том, что архивные комиссии имеют свои музеи. Ставропольская архивная ученая комиссия, несмотря на свое восьмилетнее существование, создала прекрасный музей».

Как и другие комиссии, Ставропольская архивная комиссия издавала свои «Труды» – периодические издания, на страницах которых публиковались архивные материалы, очерки и статьи, воспоминания, исторические исследования по истории, археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополя и Северного Кавказа, культуре, биографии исследователей, отчеты комиссии. Большинство статей было написано по архивным источникам, многие из которых теперь уже безвозвратно исчезли и дошли до нас только в виде публикаций членов комиссии. Серьезное внимание члены комиссии уделяли и созданию собственной научно-справочной библиотеки. Книжный фонд пополнялся за счет личных библиотек членов комиссии, приобретения различных изданий, путем обмена изданиями с другими архивными комиссиями и научными обществами, пожертвований частных лиц и учреждений.

События 1917 года активизировали деятельность Ставропольской ГУАК. Она, как и другие комиссии, приобрела значение главного хранителя исторических памятников. Основным направлением ее деятельности стало спасение и сохранение разнообразных памятников археологии, истории и культуры. В июле 1917 года Ставропольская ГУАК, как и другие ученые архивные комиссии, была передана в ведение Союза Российских архивных деятелей, а в августе 1920 года прекратила свою деятельность.

Анализируя разностороннюю деятельность архивной комиссии, можно сделать вывод о том, что она по сути являлась региональным научным центром, занимающимся организацией историко-краеведческого изучения региона.

Использованная литература и источники:

1. Ходатайство об учреждении в г. Ставрополе ученой архивной комиссии // Кубанские областные ведомости. - 1886. - № 9.
2. См., например, Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. - 2003. - № 2.
3. Прозрителев Г.Н. Кавказские архивы. Доклад действительного члена Ставропольского стат. комитета Г.Н. Прозрителева в заседании общего собрания комитета 19-го августа 1905 года // Труды СУАК. - Ставрополь, 1911. - Вып. 1.
4. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 11, 19.
5. Там же. Д. 22. Л. 17.
6. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7.
7. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 15 - 16; Д. 43. Л. 15.
8. Там же. Д. 1. Л. 11 об.
9. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
10. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

11. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 15-17; Д. 23. Л. 1, 11, 21; Д. 24. Л. 17.

12. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. - М., 1911. - 3.



Акопьян А.П.

Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
старший научный сотрудник отдела фондов,
заслуженный работник культуры РФ

Использование архивных материалов в создании музейно-экспозиционного фонда по истории Ставро- польского отделения Госбанка

Музейно-экспозиционные фонды (ведомственные музеи истории банков) в настоящее время созданы во многих территориальных учреждениях Банка России. Отправной точкой их появления стал юбилейный для российской банковской системы 2000 год, когда отмечалось 140-летие со дня подписания (31 мая 1860 г.) императором Александром II Указа о создании Государственного банка Российской империи и утверждения его Устава. В Главном управлении Банка России по Ставропольскому краю в начале 2000 г. было принято решение о создании музея и открытии его к 140-летию Госбанка России. К воссозданию истории ведущего банка региона и созданию экспозиции были привлечены научные сотрудники Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Оказалось, что систематизированной литературы по истории банковского дела в России в то время было крайне мало, а история становления и развития деятельности Госбанка на территории Ставрополья была абсолютно «белым пятном». Главное управление Банка России по Ставропольскому краю, справедливо считая себя историческим правопреемником Ставропольского отделения Госбанка Российской империи, взяло на себя ответственность по изучению истории своего предшественника и созданию музейно-экспозиционного фонда.

В советский период история Банка Российской империи до 1917 года была предана забвению. Датой создания Госбанка СССР считали 1921 год. Ставропольская краевая контора Госбанка СССР свой отсчет вела с 1934 года, когда центр Северокавказского края был перенесен в г. Пятигорск. Это объясняется тем, что социуму поставлялась лишь необходимая часть исторической информации. Исследования по вопросам региональной банковской истории внесли корректировку в эти даты. Госбанк Российской империи был крупнейшим кредитным учреждением дореволюционной России. Он не только поддерживал курс национальной валюты, но и осуществлял активное вмешательство в экономическую жизнь страны. Госбанк справедливо называли «банком банков», к

нему шли за помощью, на него надеялись в трудную минуту. Стать членом Учетно-ссудного комитета считалось почетным. Госбанк был, образно говоря, индикатором надежности и престижности фирмы, которой он открывал кредит.

При изучении архивных дел в Государственном архиве Ставропольского края было сделано немало открытий. Основное из них связано с обнаруженным распоряжением управляющего Госбанком Российской империи Эдуардом Плеске об открытии в Ставрополе-Кавказском отделения Госбанка 4(16) марта 1895 года. Эта дата не была ранее известна и никогда не фигурировала в местных источниках. Фонд 107, где сохранился этот документ, содержит циркуляры и правила Госбанка, годовые отчеты отделения и приписанных к нему казначейств, статистические ведомости, личные дела о службе чиновников, доклады инспекторов, акты ревизий и пр. В документах история, дела и традиции банка предстают с самых разных сторон, начиная от банковских операций, вопросов денежно-кредитной политики и заканчивая характеристиками чиновников и служащих. В фонде 160 хранится Книга приказов Ставропольского отделения Госбанка с 01.11.1914 года до 16.06.1920 года. В ней содержится информация о деятельности служащих в трудные годы Первой мировой и Гражданской войн, в период правления Белой и Красной армий в губернии. Найден документ о приеме на работу в Ставропольское отделение Госбанка первой девушки на должность канцелярского служащего в 1915 году, когда треть состава штатных чинов были призваны в действующую армию на фронт Первой мировой войны. В документальном фонде нашего музея также найдены интересные сведения о благотворительной деятельности банковских служащих, относящиеся к 1915 году и связанные с личностью сестры милосердия Риммы Ивановой.

Основой создания Музейно-экспозиционного фонда, кроме архивных источников, послужили и опубликованные статистические сведения. Прежде всего это отчеты Госбанка, издававшиеся с 1860 года по 1916 год, содержащие богатый фактический материал о ведении Ставропольским отделением активных и пассивных операций и выпускавшиеся с 1912 года сборники «Госбанк: данные по конторам и отделениям». Среди опубликованных источников важное место занимают Уставы Госбанка 1860 и 1894 гг., Инструкции по Госбанку и его учреждениям, основополагающие и юридические документы по деятельности отделения. Подспорьем для изучения структуры отделения, биографий его управляющих, а также состава Учетно-ссудного комитета дают издававшиеся с 1899 года списки личного состава Госбанка и его учреждений.

В Российском государственном историческом архиве (г. С.-Петербург) история Госбанка сосредоточена в фонде 587. В архивных коллекциях – документы о подготовке открытия отделения Госбанка в Ставрополе, о его дальнейшей деятельности до 1917 года, послужные списки чиновников, пере-

писка с купцами. С помощью эти ценных первоисточников было установлено здание, которое первоначально арендовало Ставропольское отделение в 1895 г. на ул. Воронцовской (ныне пр. Окт. Революции). Деятельность Ставропольского отделения дореволюционного периода будет выглядеть неполной, если ее рассматривать с точки зрения только банковских операций или смены управляющих. В исследованиях необходим комплексный подход по следующим направлениям: 1) учреждение отделения и его структура; 2) операции отделения; 3) взаимоотношения с акционерными коммерческими банками и учреждениями мелкого кредита; 4) управляющие; 5) здания; 6) годы 1-й мировой войны; 7) последние дни отделения.

Послереволюционную историю помогают раскрыть документы фонда 1036 ГАСК и ведомственного архива Главного управления Банка России по Ставропольскому краю, а также Российского государственного архива экономики (г. Москва), в частности: ф.2324 – Госбанк СССР, ф. 1562 – Центральное статуправление при Совете Министров СССР, ф. 4372 – Государственный плановый комитет СССР. В 2006 году Банк России начал публикации серии материалов под общим названием «По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации». Раскрытие значительных массивов информации, в советское время скрываемых от общественности, расширяют возможности для сквозного исследования и глубокого осмысления тенденций и закономерностей развития денежного обращения, финансов и кредита. Раскрытие фондов Госбанка СССР делает доступным для исследования широкий пласт статистической информации.

В Музейно-экспозиционном фонде Главного управления Банка России по Ставропольскому краю для экспозиционных комплексов использовались копии многих документов, найденных в архивах и документальных фондах музеев Ставрополя, Москвы, С.-Петербурга: векселя и расписки клиентов, выдержки из Уставов и протоколов, формулярные списки служащих и членов Учетно-ссудного комитета, фотографии чиновников и виды зданий банка. В экспозиции разместили форму чиновника, счета, первые арифмометры, денежные знаки и прочие банковские атрибуты. Все это позволило зрительно воссоздать историю деятельности Ставропольского отделения Госбанка. Музейно-экспозиционный фонд Главного управления Банка России по Ставропольскому краю расположен в главном административном корпусе (ул. Ленина, 286) в двух экспозиционных залах и в фондохранилище. «Белых пятен» в истории еще много, но некоторые сведения уже опубликованы в ведомственном сборнике к 110-летию Главного управления Банка России по Ставропольскому краю, в журнале «Вестник Банка России» (М., № 20, 2005).

Эти публикации и музейная экспозиция охватывают небольшую часть истории. Но неверно думать, что опыт деятельности Ставропольского отделения Госбанка имеет ограниченный интерес. Он важен для целостного понимания деятельности Госбанка Российской империи. Создание Музейно-экспозиционного фонда дало возможность исследователям ввести в научный оборот новые документальные материалы, а работникам Главного управления Банка России по Ставропольскому краю – с гордостью осознавать себя преемниками одного из старейших учреждений главного банка страны.



Г.Н. Прозрителев – основоположник архивного дела в крае

«Время от времени полезно заглядывать в архивы... Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперед».

Герцен А.

Г.Н. Прозрителеву принадлежит большая и важная заслуга в спасении от гибели дореволюционных архивов и организации архивного дела в крае. Будучи разносторонней личностью, придерживаясь прогрессивных взглядов и имея исключительное трудолюбие, Прозрителев осознавал необходимость и важность архивов в Ставропольской губернии. Обосновывая важность сохранения существующих архивов, Григорий Николаевич писал: «...у нас архивам вообще мало придается значение, и к работающим по архивам относятся полусерьезно...» (1, с. 22.). Действительно, такое безответственное отношение к положению архивного дела имело место в XIX – начале XX века. Ставропольская губерния имела богатейшие архивы, оставшиеся в результате деятельности различных учреждений и органов управления краем, которые уже к середине XIX в. оказались переполненными документами и требовали серьезного разбора. «...Архивные документы, касающиеся нашего края, восходят даже до 1767 г.», – писал Григорий Николаевич (1, с.23).

За состоянием архивов в губернии почти никто не следил. Большинство их не имело даже собственных помещений. Все документы, уже возникшие и ежедневно возникающие в деятельности каждого учреждения, были в большинстве случаев в неупорядоченном состоянии, хранились плохо, в холодных, темных и тесных помещениях и не были доступны для использования (2).

Зачастую, чтобы избавиться от «лишних» бумаг и документов, создавались специальные «комиссии для разбора старых актов», которые просто списывали большую часть документов к уничтожению. Так, в 1886 г. члены одной комиссии в течение нескольких часов обрели на уничтожение почти весь губернский архив объемом около 15 тыс. дел (3, с. 22-23). Разумеется, такие грубые и непродуманные мероприятия еще более усугубляли положение, и Прозрителев это прекрасно понимал.

Григорий Николаевич предлагал практические меры по упорядочению положения в архивной сфере. С полным основанием писал: «...самым действенным средством для спасения и охраны наших архивов является создание «Центрального архива» (1, с. 23). Он обоснованно полагал, что эту трудную задачу должна решить специальная архивная комиссия.

Этот вопрос назревал уже давно. Еще в 1886 г. известный исследователь Северного Кавказа, секретарь Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковский подавал ходатайство об организации в городе Ставрополе архивной комиссии (4). Вопрос об организации Ставропольской ученой архивной комиссии и устройстве исторического архива неоднократно ставился в докладах Г.Н. Прозрителева и других членов статистического комитета. Так, на заседании 19 августа 1905 года было подписано заявление-прошение об учреждении СУАК, направленное в Министерство Внутренних Дел. Ответ МВД последовал 30 ноября 1905 г. за номером 19050. В нем прошение было удовлетворено (5, с.330).

Выступая инициатором создания архивной комиссии, Прозрителев писал в своем докладе «О положении архивов в Ставропольской губернии» следующее: «Дела должны подвергаться разбору... единственное основание при рассмотрении дел должно быть его значение по содержанию, по тому материалу, который в нем заключается...» (6, с.19). Вообще, этот достаточно яркий, объемный документ (18 страниц) содержит четкую программу – минимум деятельности комиссии, в результате чего должно было произойти упорядочение, описание и исследование состояния архивов.

Приступая к работе, комиссия нуждалась в получении материала о состоянии архивного дела в губернии на тот момент – для определения мероприятий по систематизации и описанию дел. Была предложена и разослана во все уезды и волости губернии анкета-вопросник, составленная Г.Н. Прозрителевым, под названием «Описание архива». Включала она 32 вопроса, в частности, такие: где помещается архив, сколько занимает комнат, сухое или сырое помещение, разложены ли дела на полках или лежат на полу и другие (2).

Присылали ответы на анкету священники и учителя, писари и земские начальники, которых существенно помогли комиссии составить хоть какую-то картину состояния архивного дела. В ходе проведения данной работы было установлено, что делами архивов основательно занимались только краеведы и исследователи Е.Д. Фелицын, И.Д. Попко, И.В. Бентковский. Лишь в губернских учреждениях были отдельные помещения для хранения документов и материалов, а часто хранились они где попало – на чердаках, в кладовых и подвалах (7, с.4).

Нужно сказать, что с первых шагов своей деятельности комиссия столкнулась с массой трудностей, и главная из них – нехватка материальных средств. Отсутствовала поддержка со стороны городских и иных властей, которые смотрели на комиссию как на пустую затею, а на архивы – как ненужную обузу. Вот что по этому поводу писал председатель комиссии: « Как правило, все учреждения архивами тяготятся, смотрят на них как на ненужный хлам и не уделяют им даже минимум внимания... Наша комиссия не раз переживала много тяжелых минут в борьбе за существование обреченных на уничтожение дел и спасала их вопреки намерению учреждений...» (3, с. 332).

На заседании Ставропольской комиссии 15 февраля 1915 г. были обсуждены выработанные Григорием Николаевичем «Инструкция для разбора старых дел» и « Инструкция о привозе и хранении старых дел», в основу которых был положен его многолетний опыт работы и наработанные приемы обращения с архивными документами. Большое внимание Прозрителев уделял вопросам научного описания архивных документов, организации их использования (3, с. 24). Конечно, по многим вопросам архивной теории и практики можно было бы поспорить с ним, но по сути предложенный им подход был действительно научный, комплексный, исторический. Григорий Николаевич во многом значительно опережал своих современников. Об этом позволяют говорить его слова, звучащие актуально и в наше время: «К сожалению, на архивы у нас мало обращается внимания и не ценится драгоценный материал, который в них содержится... Давно пора заняться упорядочением архивов и не скупиться в средствах на их разработку, так как в них ключ к уразумению многих явлений нашей современной жизни.» (5, с. 331).

В рамках работы комиссии ставился вопрос о поиске и опубликовании источников по местной истории. Заботами Григория Николаевича и других членов комиссии были разобраны и описаны частные архивы генерал-лейтенанта И.Д. Попко и кавказского наместника князя М.С. Воронцова. Однажды среди старых бумаг, предназначенных к уничтожению, Г.Н. Прозрителевым были найдены документы, касающиеся дела о погребении М.Ю. Лермонтова. За многолетнюю и плодотворную работу по спасению архивных документов в 1913 г. Прозрителев был награжден орденом Станислава 3 степени (8).

Возглавляя работу комиссии, Григорий Николаевич не жалел ничего для дела. Один из красноречивых примеров этого относится к апрелю 1918 г. Тогда он пожертвовал Ставропольской ученой архивной комиссии и музею Северного Кавказа участок земли под строительство для них здания. Читаем у Прозрителева по этому поводу: «Забываясь о прочности существования Ставропольской ученой архивной комиссии и Ставропольского музея Северного Кавказа, я

пришел к заключению, что, имея собственное помещение, эти учреждения не будут в зависимости от различных случайностей, возможных при помещении их в зданиях наемных. Желая обеспечить дорогие для меня учреждения с этой стороны, я приношу в дар Ставропольской ученой архивной комиссии участок земли из моего усадебного места в губернском городе Ставрополе по Николаевскому проспекту и Соборной Улице, № 4. Делая этот дар, я уверен, что мои дорогие товарищи по комиссии теперь и после меня тщательно сохранят все собранное мною в музее с любовью и таким трудом и, оберегая и трудясь над разработкой собранного, сохранят ту же сердечность, какая отличала нашу комиссию при мне».

Безусловно, за сравнительно небольшой срок деятельности (февраль 1906 – август 1920 гг.) комиссия не смогла полностью упорядочить архивное дело в губернии, завершить приведение в порядок своей архивной коллекции и сделать ее материалы полностью доступными для использования. Но те мероприятия, которые все же были проведены комиссией, заложили фундамент для устройства в дальнейшем краевого архива; их стараниями введено в научный оборот большое количество источников местного происхождения, через публикацию документов на страницах выпусков своих «Трудов», и заслуга в этом Г.Н. Прозрителева велика.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть по сути альтруистическую отдачу делу со стороны Г.Н. Прозрителева, поднявшего в рамках работы СУАК достаточно важный, сложный, давно назревший вопрос – об организации и упорядочении архивного дела в губернии. Задача организации архивного дела как такового в тот период времени, в условиях разбросанности архивов, отсутствия законов, охраняющих их от уничтожения, была очень серьезной и сложной. Прозрителев инициировал и организовал по сути дела добровольное общество, возложившее на свои плечи задачи, которые скорее были под силу лишь специальным государственным учреждениям. Идею создания специальной комиссии по архивному делу переоценить невозможно, и именно ее инициатору – Г.Н. Прозрителеву принадлежит заслуга в том, что было организовано серьезное дело, обращено внимание на архивный материал и сознательное его сохранение.

Использованная литература и источники:

1. Прозрителев Г.Н. О положении архивов Ставропольской губернии. Отчет о деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии за 1915 г. //Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1916. Вып.1.
2. Водолажская В. Архив – живая память истории// Кавказский край. Пятигорск. 1995. 29 июня – 6 июля.
3. Колесникова М.Е. Г.Н. Прозрителев – историк-краевед, собиратель архивов// Отечественные архивы. 2002. № 3.

4. Ходатайство об учреждении в г. Ставрополе ученой архивной комиссии// Кубанские областные ведомости. 1886. № 9.
5. Колесникова М.Е. Исследовательская деятельность СУАК// Язык и текст в пространстве культуры. 2003. Вып. 9.
6. Прозрителев Г.Н. «О положении архивов Ставропольской губернии// Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1916. Вып.1.
7. Прозрителев Г.Н. К истории нашей ученой архивной комиссии// Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1911. Вып.1.
8. ГАСК. Ф. 198. Д. 1. Л. 29-34.



Дронов А.В.

г. Санкт-Петербург,

Институт истории материальной культуры РАН,

стажер

Каменный век Ставрополья: состояние и перспективы изучения

Ранние и поздние периоды истории человечества совершенно несопоставимы по времени протяженности. Большая часть истории человечества изучается исключительно по археологическим данным, ибо 99,99% ее приходится на период до возникновения письменности. Если принять условно протяженность всего периода существования человека за сутки, то окажется, что цивилизация возникла лишь две-три минуты назад, тогда как предшествующая ей первобытная эпоха растянулась на многие часы (1, с. 12).

На карте памятников каменного века широкого хронологического диапазона, в отличие от большинства районов богатого находками Северного Кавказа, территория всего Ставропольского края до недавнего времени представляла обширное «белое пятно». Отражает ли это реальное соотношение плотности населения в каменном веке или является результатом практической неизученности? Открытия последних лет свидетельствуют в пользу второго положения, не исключая первого. Издавна ученые стремились в экзотические горные районы Кавказа, мало обращая внимания на степи и возвышенности Центрального Предкавказья. Вопросу о первоначальном заселении территории края мешает малочисленность «эффектных» находок каменного века, ограниченность информации, которую они дают. Большая хронологическая удаленность эпохи камня, и как следствие, отсутствие внешних ярких признаков, ландшафтные перестройки территории, отсутствие квалифицированных специалистов, как правило, оставляют эти памятники вне поля зрения.

В то же время наличие ранне- и среднепалеолитических памятников в Закавказье, Прикубанье, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестане сделало крайне важным выяснение вопроса о распространении древнейших обитателей юга России на территории Ставрополья. Давние слова русского ар-

хеолога А.А. Спицына – «Неолита нет там, где его не ищут» – стало возможным в значительной степени распространить и на палеолит-эпоху «всех начал».

Необходимо отметить недостатки в исследованиях специалистов по каменному веку 30 – 50-х годов XX века. Некоторые устаревшие представления прочно удерживаются в литературе и некритически повторяются пишущими на эту тему. Одно из первых упоминаний о палеолитических находках на Ставрополье принадлежит С.Н. Замятнину. Его разведки и шурфовки в эоловых горах и известняках окрестностей Кисловодска «дали указания на заселение в верхнепалеолитическое время» (2, с. 58). Но в чем состояли эти «указания», остается неясным. Сегодня реальное положение таково, что из-за неполноты сведений при написании истории региона в разделе, посвященном каменному веку, подбираются примеры из соседних территорий (Ильская стоянка в Краснодарском крае) (3, с. 17).

Разрозненны и немногочисленны данные и о временной «глубине» эпохи палеолита на Ставрополье. Среднепалеолитические находки представлены лишь единичными изделиями, найденными на юге Ставропольской возвышенности и в окрестностях г. Георгиевска (4, с. 105). На присутствие следов верхнего палеолита (предположительно финальный этап) в центральной части края указывает группа кремневых изделий из сборов Х.А. Амирханова на местонахождении Дубовка на Прикалаусских высотах (5, с. 201). Из находок кремневых изделий мезолита-неолита им выделен «верхнепалеолитический комплекс» (скребки, острия, ножевидные пластины).

На примере изучения палеолита хорошо видна относительность наших знаний о древности. Но исследование палеолита, в отличие от других областей археологии, протекает очень динамично. Здесь нередко происходят открытия, зачастую переворачивающие все сложившиеся представления. Начальной точкой отсчета для ранней предыстории Кавказа является на сегодня раннепалеолитическая стоянка Дманиси в Южной Грузии. Распространение ранних людей происходило, как установлено по археологическим свидетельствам, в пределах субмеридиональной зоны, связанной с северным продолжением Великого Африканского рифта. Самый северный сегмент данной тектонической зоны включает Транскавказское поперечное поднятие, которое завершается палеовулканическим районом Пятигорья и Ставропольской возвышенностью. Последние располагаются на основном пути продвижения в Евразию Homo erectus («человек прямоходящий») – создателя древнейших ашельских индустрий.

В 2001 году была организована экспедиция отдела палеолита ИИМК РАН (Санкт-Петербург) под руководством известного ученого В.П. Любина, при участии ГУП «Наследие», СГУ и СГКМ, по поиску следов обитания на

территории Ставрополя палеолитических людей, которая охватила все орграфически выраженные районы. Поиски палеолитических материалов на территории равнинного и горного Ставрополя оказались почти безрезультатными, что объясняется отсутствием пригодного для расщепления каменного сырья и древних пещерных полостей. Последнее условие является желательным, но не непременным для существования палеолитического человека. Сырье же для изготовления орудий – кремневое или в той или иной мере близкое ему по поделочным качествам – является фактором обязательным. Обнаружение сланцевых предметов с признаками искусственной обивки показали возможность использования некремневого сырья.

Единственный значительный памятник был найден там, где обнаружались выходы такого сырья, а именно на горе Кинжал. С 2004 года раскапывается фрагмент террасовидного уступа, сохранившегося у юго-западного подножия этой сильно разрушенной карьерами горы. В покровных суглинках здесь обнаружены изделия из роговика-метамарфизованного на контакте с магмой глинистого сланца. Каменный инвентарь довольно многочислен и выразителен, что позволило уверенно отнести его к раннему палеолиту (ашельская эпоха). В отличие от ближайшего ашельского памятника – пещеры Треугольной (Урупский район Карачаево-Черкесии), этот памятник не имеет четкого хроно- и биостратиграфического контекста, и перспективы уточнения его возраста неясны. Среди орудий преобладают макро-орудия, изготовленные на плитчатых обломках или валунах. Ассортимент орудий представлен различными скреблами, крупными рубящими орудиями типа чопперов, нуклевидными скребками, очень грубыми бифасами. Раскопки 2006 года дали несколько тщательно обработанных ручных рубил. Орудия на отщепках представлены кливером (орудие с поперечным лезвием) и комбинированным орудием (клювовидный выступ + скребковое лезвие). Это первый случай использования подобного каменного сырья в палеолите Кавказа.

Наибольший интерес вызывают редчайшие для раннего палеолита Кавказа орудия с массивными остриями, определяемые как разновидности африканских пиков. Эти находки подтверждают уже высказанную ранее мысль о вероятности разных истоков нижнего палеолита Кавказа и неоднократности волн его заселения (6, с. 172). Состав находок позволяет говорить о существовании здесь стоянки-мастерской, приуроченной к выходам сырья (7, с. 50).

В процессе первоначального заселения и освоения Кавказа ранними людьми огромную роль играла динамика природной среды осваиваемых территорий. Палеогеографический анализ в целом свидетельствует о том, что наиболее благоприятные условия для первобытных людей сложились в Предкавказье в конце раннего и начале среднего плейстоцена, в эпоху миндельриского межледниковья (8, с. 132). Район Пятигорья мог быть своеобразным ре-

фугиумом – островком относительно благоприятных условий для обитания. Открытие нижнепалеолитической стоянки на горе Кинжал впервые удостоверяет заселение Пятигорья в столь древний период. Оно отодвигает древнейшую историю освоения региона на сотни тысяч лет вглубь, по-новому оценивает степень проникновения ранних людей в северную часть Кавказского перешейка.

В резком контрасте с картиной освоения человеком ставропольской земли в исторические эпохи до сих пор находятся и данные о заселенности ее в пост-палеолитическое время. Подъемные коллекции кремневых изделий мезолита-неолита из центральных и восточных районов разнородны и плохо документированы, не имеют из-за состояния источников литолого-стратиграфических и биостратиграфических обоснований и привязки к геохронологической шкале верхнего плейстоцена. Датировки же, основанные лишь на типологии инвентаря, не являются безупречными. К сожалению, при слабой изученности четвертичных отложений имеют место и произвольные интерпретации.

Лакуны в изучении каменного века лишают исторических корней и более поздние культуры. Не случайно истоки большинства культур энеолита и бронзы всего Северного Кавказа находятся где угодно, только не на Северном Кавказе. В итоге исторически он представляется некой «перевалочной базой» для мигрантов. Но именно в каменном веке закладываются те основы, которые дали впоследствии северокавказскую общность, развившуюся в самобытные культуры или вошедшие элементами в культуру пришлых народов. Картина заселения территории в эпоху каменного века сегодня носит только общий характер. Нам сегодня известны лишь отдельные эпизоды, разделенные огромными промежутками времени. Накопление новых данных обеспечит более детальную прорисовку. Для этого необходимы активизация поисковых работ и научная ревизия всего имеющегося материала на основе комплексной программы, которая позволит в конечном итоге преодолеть печальную традицию отставания этой области исследований.

Использованная литература и источники:

1. Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. = Кишинев, 2002.
2. Замятнин С.Н. О первоначальном заселении пещер// КСИИМК. Вып. XXXI., - М., 1950.
3. Край наш Ставрополье. Очерки истории.- Ставрополь., 1999.
4. Любин В.П., Беляева Е.В. Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Пятигорья (Ставропольский край)// Проблемы первобытной археологии Евразии. (К 75- летию А.А. Формозова). Сборник статей.- М., 2002.
5. Амирханов Х.А. Чохское поселение. - М., 1987.
6. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. - Спб., 1998.
7. Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя предистория Кавказа. - СПб., 2006.
8. Годзевич Б.Л. Условия среды обитания *Homo erectus* в Пятигорье// Вестник СГУ. Вып. 37. - Ставрополь., 2004.

О раскопках краеведов в юго-восточных районах ставропольской губернии в 1897 – 1898 гг.

В конце XIX века в изучение памятников Ставрополя включаются местные краеведы – выходцы из интеллигенции и крестьян. В 1897 – 1898 гг. были исследованы курганы не только в центральных и северных, но и в юго-восточных районах губернии.

В 1897 г. Открытый лист на право производить раскопки получил учитель Ново-Павловского училища С.Ф. Бельский. В августе – сентябре им были изучены два кургана в окрестностях с. Ново-Павловского. В группе курганов (3 насыпи), расположенных севернее села (к западу от реки Метлевая), был исследован восточный (№1). Насыпь кургана, вытянутая по направлению с востока на запад, имела высоту 3 сажени (диаметр окружности – 50 саженей). Сверху сохранились следы площадки.

Следует отметить, что С.Ф. Бельский применял различные способы раскопок, что характеризует его как профессионального исследователя. Первоначально курган раскапывался траншейным методом. На глубине 2-х аршин были открыты куски костей мелкого рогатого скота. Затем был найден кремневый наконечник стрелы. Столкнувшись с невозможностью продолжать копать траншею, исследователь заложил в центральной части раскоп (диаметр 7 аршин). Затем он доследовал насыпь методом колодца (были найдены зубы хищника – собаки?).

Еще один колодец (крестообразной формы) был раскопан к западу – в 3-х аршинах от центральной шахты. Здесь в верхних слоях был обнаружен фрагмент керамики из слабо обожженной глины. Других находок в насыпи не было сделано, но при дальнейшем углублении на 1 аршин выявлен склеп (видимо, катакомба). Он имел форму усеченного конуса (диаметр пола 7 аршин, высота – 5 аршин). Стены катакомбы сохранили следы тщательной отделки острым инструментом. На полу сохранились остатки костяков, ориентированных на юго-запад. Под скелетами и рядом с ними был выявлен тлен. К западу от погребенного располагался керамический сосуд. В одной из стен был выявлен выход на поверхность – видимо, входная шахта. С.Ф. Бельский тщательно исследовал дромос и выяснил, что он был ступенчатый (имел 9 ступеней).

В группе курганов (южнее села), состоящих из 4-х насыпей, вытянутых по линии запад – восток, были исследованы два центральных (по его нумерации – №№ 2 и 3).

Второй курган (№3) он раскапывал с помощью траншеи. Высота кургана достигала 2,5 аршина; его диаметр – 6 аршин. В начале исследования были выявлены следы небольшой каменной выкладки (не более квадратной сажени). Затем были обнаружены зубы лошади. В центре насыпи (видимо, ниже по уровню) располагались захоронения. Один костяк найден в сидячем положении – лицом на восток. К югу лежал второй погребенный. Выше – на одном уровне с головой первого костяка – был обнаружен отдельный череп.

Курган № 2 (по размерам идентичный с курганом № 3) раскапывался посредством колодца. Под почвой был выявлен слой камня. Здесь же находилось каменное изваяние. Туловище конусообразной формы завершается шарообразной головой с проработанными глазами и обозначенным носом (он не сохранился). На туловище с левой стороны выделена фигура трапециевидной формы (видимо, рука ?). Ниже следовал слой глины, перемешанный с золой и известью. Из-за ухудшения погодных условий раскопки не были завершены.

Судя по описанию исследованных памятников, курган № 1 предположительно следует датировать эпохой средней бронзы, а курган № 2 отнести к эпохе средневековья, возможно, к половецкому времени.

В следующем, 1898 г, был изучен курган у с. Александрия Новогригорьевского уезда. Местные крестьяне Ф. Яхонтов и М. Короткий, добывая камень в кургане, расположенном в окрестностях села, открыли памятник из «двух каменных обработанных плит». Под плитами были обнаружены два человеческих скелета и фрагментированный сосуд. Следует отметить, что крестьяне не воспользовались находкой, а, наоборот, постарались, чтобы сведения о кургане поступили в канцелярию Ставропольского губернатора. Плиты были сохранены и впоследствии зарисованы. Одна из них имела прямоугольную форму (длина более аршина, ширина – 13 вершков). Другая была выполнена в форме ступенчатой пирамиды (длина более 1 аршина, ширина – 6 вершков).

Возможно, курган относится либо к эпохе ранней бронзы – майкопской культуре (плита с изображением льва выявлена в кургане у х. Красное Знамя), либо датируется ранним железным веком (в скифо-сарматское время характерны разнообразные подкурганые каменные конструкции).

Савенко С.Н.
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заместитель директора по научной ра-
боте,
кандидат исторических наук

Савенко Е.А.
Кисловодский историко-краеведческий
Музей «Крепость»,
ведущий методист

Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства

В октябре текущего, 2006 года исполнилось 125 лет со времени проведения Пятого Всероссийского Археологического съезда в Тифлисе – события, значение которого для развития кавказской археологии высоко оценивалось еще в ходе его работы и вскоре после его завершения (1, с. 11-12; 2, с. 179; 3, с. 17-36 и другие), а затем осознавалось все больше (4, с. 79-113; 5; 6, с. 1-60; 7; 8, с. 115-127; 9, с. 22-30 и другие). В этом году юбилейная дата осталась почти незамеченной, в то время как 100-летию V АС была посвящена одна из крупнейших всесоюзных конференций, проходившая в Тбилиси и ряде других городов Грузии (10, с. 311-314). Понятно, что причины столь явного «охлаждения» к исторической роли форума объясняются сложившейся в последнее время неблагоприятной политической обстановкой. Однако мы убеждены, что катаклизмы в политике не должны и не могут умалять значения столь важных, этапных вех в истории науки и культуры Кавказа и Юга России.

Роль V АС в организации и развитии изучения различных аспектов древней и средневековой истории Кавказа многогранна. В связи с приоритетной темой нашей конференции следует иметь в виду и прямое отношение съезда к вопросам архивного дела (11). В нашем сообщении мы остановимся на месте Пятого Археологического съезда в исследовании и сохранении памятников христианства. Этот вопрос, на наш взгляд, пока недостаточно освещен в публикациях, несмотря на то, что он был и остается далеко не маловажным. Значение его в современных условиях, думаем, существенно возросло, т.к., наряду с усилением общественного интереса и научного внимания к христианским памятникам в различных уголках Кавказа, увеличилось разнородное негативное воздействие на их состояние и сохранность.

Тема изучения памятников раннего христианства Северного Кавказа и Закавказья стала оформляться значительно раньше организации и проведения V АС, еще в XVIII – начале XIX вв., когда закладывались основы отечественного и зарубежного кавказоведения. Предпосылками послужило постепенное накопление сведений о них. Так, первые известные отечественные свидетельства о «запущенных» церквях и старых греческих церковных книгах в Балкарии были оставлены кизлярским дворянином Алексеем Тузовым в 1736 г. (12, с. 34-35). Вскоре стали известны и памятники «Эльхотовских ворот» в Осетии и, несколько позднее, в конце XVIII в. – древние храмы и церкви Верхней Кубани, горных районов северной и южной Осетии, Ингушетии, Грузии. Древние христианские строения, изображения, каменные кресты с надписями и без них, иные культовые предметы находились в поле внимания ученых и специалистов, путешествовавших по горным районам Кавказа или проводивших в них специальные экспедиции в начале и середине XIX в. (Г. Клапрот, И. Бернардацци, Д. де-Монпере, Авр. Фиркович, братья Нарышкины и другие). Данные о памятниках районов региона и новых открытиях подобных объектов публиковались, в частности, членами Московского Археологического общества в изданиях инициатора и исполнителя идеи организации археологических съездов в России (13, 14). В первых обобщающих работах по кавказской археологии, одна из которых была представлена в качестве реферата на II АС в С-Петербурге в 1871 г., тема христианских памятников уже звучала (15; 16, с. 1-13). Появились и первые специальные статьи о раннем христианстве в Закавказье и на Северном Кавказе (17, с. 16-17). И все же до Пятого Археологического съезда данная область исследований имела в значительной мере несистемный, эпизодический, нередко случайный характер.

Идея о проведении очередного V археологического съезда на Кавказе стала обсуждаться председателем Общества графом А.С. Уваровым еще 1876 году (9, с. 23), до предшествующего IV Казанского съезда (1877). Московский Подготовительный комитет был образован весной 1878 г. Предварительные переговоры велись на высшем уровне. Поддержка была получена у кавказского руководства, и подготовка форума в 1879 г. была развернута, по словам графини П.С. Уваровой, по поручению Наместника Кавказского Великого князя Михаила Николаевича (18, с.1). В связи с этим, кроме Московского комитета, был сформирован предварительный комитет по подготовке к съезду в Тифлисе на базе Кавказского отдела Русского Географического общества, председателем которого стал генерал А.В. Комаров – начальник военно-народного управления, занимавшийся и вопросами кавказоведения.

Впервые накануне V съезда была предложена (19, с. 70-81) и стала реализовываться развернутая программа экспедиционных исследований на Северном

Кавказе и в Закавказье, связанная, в частности, с изучением некоторых памятников раннего христианства. Работы по подготовке карты памятников Абхазии велись с 1879 г. археологом В.И. Чернявским. Им же осматривались и описывались остатки храмов (20, с. 14-24; 21). Масштабные работы по обследованию и картографированию археологических памятников Верхнего Прикубанья проводил в это время известный кавказовед Е.Д. Фелицын. Им была составлена и опубликована вскоре после съезда «Археологическая карта Кубанской области», на которой значились Сентинский храм, большое количество каменных крестов, некоторые другие интересующие нас объекты (22). Почему-то на карте не показаны Зеленчукские и Шоанинский храмы, хотя исследователь их посещал неоднократно и, возможно, V АС. В фондах Карачаево-Черкесского республиканского историко-культурного и природного музея-заповедника хранятся фотографии трех Нижнеархызских, Шоанинского и Сентинского храмов, датируемые 1880 годом и выполненные знаменитым тифлисским фотохудожником Д.И. Ермаковым (23). Наверняка эта работа выполнялась по поручению предварительного комитета съезда, а проводником Ермакова вполне мог выступить Е.Д. Фелицын. Накануне съезда составил сборник греческих и латинских надписей Кавказа И.В. Помяловский (24). Многие из них были выявлены на каменных крестах и плитах. Во время подготовки съезда развернулось изучение памятников Армении (например, Ани), включая и раннехристианские тексты Эчмиадзинской библиотеки (А.С. Уваров, Н.О. Эмин). Исследовались монастырские древности Закавказья. Историко-архивное значение имел анализ средневековых грузинских церковных гуджаров – жалованных грамот X-XIII веков и более позднего времени (Д.П. Пурцеладзе). Результаты ряда других интересующих нас работ подготовительного периода отражены в опубликованных подготовительных материалах, протоколах заседаний отделений и рефератах.

Съезд проходил в Тифлисе с 8 по 21 сентября 1881 г. по старому стилю. По числу участников он был масштабнее всех предшествующих и большинства последующих форумов, т. к. общее количество зарегистрировавшихся на его заседаниях, в других формах деятельности и уплативших взносы составило около 400 человек, хотя активных членов съезда было около 90 человек и на 20 заседаниях прозвучало и обсуждено 86 докладов, рефератов. Из восьми отделений, работавших на съезде, одно – Отделение III было посвящено памятникам христианства. Председателем его являлся профессор армянской словесности Н.О. Эмин, а секретарем – Н.В. Покровский (25, с. XII, XXX-XXV). Следует подчеркнуть, что в работе съезда принимали активное участие, включая выступления с рефератами, православные и армянские священнослужители (протоиерей Каменский, архимандрит Стефане и другие).

Тему раннего христианства не обошел в своих выступлениях Председатель Совета и Съезда А.В. Комаров. Рассматривая древнегрузинские надписи на средневековых строениях Аварии, он не был склонен преувеличивать степень распространения христианства в Дагестане, связывая эпиграфические источники с пленными грузинами (26, с. 124).

Особенно большое значение имеет то обстоятельство, что Пятый Археологический съезд послужил мощным толчком для развития изучения древностей Кавказа вообще и христианских памятников региона в частности. Начатая на заседаниях разработка комплексных программ исследования кавказской археологии была продолжена, и составленный проект был опубликован и широко обнародован в 1888 году (9, с. 29). Кавказская проблематика звучала на очередном, VI, съезде в Одессе и на следующих форумах. Развитием линии Съезда на активизацию изучения районов и областей Кавказа стала организация целой серии научных экспедиций: В.Ф. Миллера (1883), М.М. Ковалевского и И.И. Иванюкова (1885), В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского (1886), П.С. Уваровой (1886) и других. На масштабные исследования в 1886 г. (8, с.134-138) специальную сумму выделил лично император Александр III (18, с.1). Результаты работ этого времени на христианских памятниках Абхазии, Аджарии и ряда районов Грузии были отражены в статьях А.М. Павлинова в III-ем томе «Материалов по археологии Кавказа» и им же был полностью посвящен том IV МАК с монографией П.С.Уваровой. Чуть раньше, в 1891 г., Прасковья Сергеевна опубликовала свои путевые заметки об экспедициях (28). Развитие темы христианских памятников в рамках всей России на последующих съездах побудило Н.Ф. Красносельцева выступить со статьей о церковной археологии, подготовленной им в 1887 г. в связи с проведением VII съезда в Ярославле (29). Экспедиции интересующей нас направленности, сохранявшие импульс V АС, проводились и на рубеже 1880-х – 1890-х годов. Так, в 1892 г. по поручению МАО поездку по верховьям Большого Зеленчука и Кяфара совершает Г.И. Куликовский, в 1893 г. поиски древних церквей по ущельям Балкарии проводит В.И. Долбежев (30, с. 86, 126). Н.Я. Марр разворачивает в это время свои работы в Армении. Продолжала свои кавказские исследования в Осетии, Сванетии, других районах Грузии П.С. Уварова (8, с.147-150).

Кроме собственно научных вопросов, на съезде высказывались мысли о необходимости сохранения и восстановления руинированных раннехристианских строений. Это происходило в условиях, когда к древним святыням стали направляться монахи, стремящиеся воссоздать на их основе христианские обители. Еще до съезда в 1875 г. группа монахов из Старого Афона основала Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь у развалин средневековой Анакопии с древними храмами и возле грота, в котором предполагалось нахождение

могилы апостола Симона (27, с. 109). В середине 1880-х годов подобная практика распространилась и на Северный Кавказ, где, в частности, на базе Зеленчукских храмов была основана «Свято-Александро-Афонская закубанская пустынь». Позитивное с культурной и духовной позиций стремление монахов к восстановлению древних церквей и храмов на деле приводило к тому, что первоначальный исторический облик памятников часто менялся в связи с низкой квалифицированностью ремонтно-реставрационных работ.

Московское Археологическое общество изначально занимало активную позицию в деле сохранения историко-культурных памятников (31, с. 74-88). По его инициативе уже на I-ом Археологическом съезде в Москве была сформирована Комиссия по сохранению древних памятников, а на II АС был выработан проект «Положения об охране памятников старины» (32, с.2). Принятие Положения было отклонено в 1877 г. из-за отсутствия необходимых средств, но члены Общества продолжали заниматься данными проблемами и в дальнейшем. Один из сложных вопросов данной сферы касался взаимоотношений научной общественности с церковными организациями и Святейшим Синодом в связи с ремонтами и перестройками древних храмов и церквей. На Кавказе П.С. Уварова вкладывала собственные средства в восстановление древних памятников с целью содействия внедрению научных методов реставрации. Так, в Гаграх, на средства графини был отреставрирован храм Святого Пантелеймона после его посещения в 1886 г. И это направление деятельности по отношению к древним христианским памятникам может прямо или косвенно связываться с влиянием Пятого археологического съезда и последовавших за ним усиливавшихся научных исследований на Кавказе.

В завершение нашего выступления мы вновь хотим подчеркнуть мысль о необходимости продолжения обстоятельного рассмотрения и глубокого осознания значения таких важных событий в истории отечественного кавказоведения, каким являлся Пятый Археологический съезд в Тифлисе в 1881 г.

Использованная литература и источники:

1. Майков Л.Н. Пятый Археологический съезд в Тифлисе //Журнал Министерства народного просвещения. 1882. № 1, отд.2.
2. Археологический съезд в Тифлисе //Известия Кавказского отдела Русского Географического общества. 1882. Т. 7. № 2. Раздел «Научная летопись».
3. Миллер В.Ф. Пятый Археологический съезд в Тифлисе// Русская мысль.1883. № 1.
4. Исторический очерк деятельности русских Археологических съездов в связи с деятельностью Московского Археологического общества // Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования. - М.,1890.
5. Р.Е. (Редин Е.К.) Значение деятельности Археологических съездов для науки русской археологии. К XII Археологическому съезду в Харькове. -Харьков, 1901.
6. Уварова П.С. Обзор деятельности 12-ти первых Археологических съездов (с 1869 по 1902 год) и Алфавитный указатель к статьям, речам и докладам, входящим в состав

- Трудов первых 12-ти Археологических съездов и их предварительных комитетов // Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. - М.: МАО, 1905. Т. III.
7. Иловайский Д.И. Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь П.С.Уваровой. - М., 1916.
 8. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2005, - 296 с.
 9. Колесникова М.Е. Пятый Археологический съезд и его роль в развитии краеведческих исследований на Северном Кавказе во второй половине XIX столетия // Вестник Ставропольского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. Вып.21. - Ставрополь: СГУ, 1999.
 10. Гиголашвили Е. Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда // СА. 1983. № 1.
 11. Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869-1911) // Археографический ежегодник за 1971 год. - М.: Изд-во АН СССР, 1972.
 12. Кокиев Г. Материалы по истории Осетии. Известия СОНИИ. Т.1. - Орджоникидзе, 1934
 13. Мансветов И.Д. Описание развалин церкви Св. Георгия (Кубанская область) // Древности. Труды Московского Археологического общества. 1870. Т.3. Вып.1.
 14. Кондаков Н.П. Древняя архитектура Грузии // Древности. Труды Московского археологического общества. 1876. Т.6. Вып.3.
 15. Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874.
 16. Берже А.П. Заметки об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда в С.-Петербурге в 1871 году. = М.: МАО, 1876. Т.1. Отд.3.
 17. Услар П.К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Кавказские горы. Сборник сведений (репринтное издание). Вып. 2. - М., 1992.
 18. Уварова П.С. Христианские древности. Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. = М., 1894.
 19. Проект программы для исследования древности на Кавказе, составленный Тифлисским Предварительным комитетом // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изданные под редакцией секретаря комитета И.Д. Мансветова. = М.: Синодальная типография, 1879.
 20. Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изданные под редакцией секретаря комитета И.Д. Мансветова. - М.: Синодальная типография, 1879.
 21. Стражев В.И. Руинная Абхазия. Сухум, 1925.
 22. Фелицын Е.Д. Археологическая карта Кубанской области. - М., 1882.
 23. Фонды КЧИКПМЗ, оф 4021-454, кол. № 93, 135, 163, 203, 211.
 24. Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. - СПб., 1881.
 25. Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. Под ред. Графини П.С.Уваровой. - М.: Типография А.И.Мамонтова и К, 1887.
 26. V Археологический съезд в Тифлисе. Труды Предварительного комитета. - Тифлис, 1882.
 27. Барцыц Р.М. Апостольская деятельность в Абхазии // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. - Сухум, 2006.
 28. Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Посховский участок: Путевые заметки. - М., 1891.
 29. Красносельцев Н.Ф. Церковная археология на русских археологических съездах // Православный собеседник. 1887. №9.

30. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.
31. Фролов А.И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Сборник научных трудов. -М.: НИИ культуры, 1890.
32. Ковалевский Е.П. Доклад по законодательству о мерах по сохранению памятников древности. Представление Министерства внутренних дел по Департаменту общих дел от 29.10.1911 г., № 27281.



Кравцова С.Л.

Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
старший научный работник отдела археологии

Леонид Никанорович Глушков в интеллектуальной истории города Ставрополя

Город Ставрополь и Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе знали многих выдающихся людей. Среди них Г.Н. Прозрителев, Г.К. Пправе, И.В. Бентковский, Т.М. Минаева, В.Н. Лучник, С.К. Даль и др. В этом ряду именитых личностей достойное место занимает Леонид Никанорович Глушков – археолог, этнограф, медицинский энтомолог, зоолог, паразитолог, эпидемиолог, краевед, музейщик и экспозиционер.

Леонид Никанорович Глушков родился 20 августа 1898 года в семье земского врача-хирурга в селе Мусорка Ставропольского уезда Самарской губернии. В возрасте трех лет Леонид Никанорович лишился материнской опеки, а в двенадцатилетнем возрасте потерял отца. Пока был жив отец, у детей были учителя, преподававшие им иностранные языки, литературу, музыку. После смерти отца, оставшись один, мальчик был принят в дом к людям, хорошо знавшим его семью, и заботливо воспитан хозяйкой приемной семьи¹.

Весной 1917 года окончил Самарскую гимназию. По завершении образования несколько месяцев работал уполномоченным Комиссии по встрече политкаторжан и административных ссыльных в Самаре. В этом же году (весной и летом), нуждаясь в средствах, работал землекопом-тачечником на кирпичном заводе. С осени 1917 года полгода служил рядовым артиллерии. В 1918-1919 годах работал в садово-огородной артели в окрестностях Самары. Кроме того, в 1919 году Леонид Никанорович поступил работать путевым рабочим Томской железнодорожной ветки².

Весной 1920 года был зачислен на должность научного сотрудника в состав многопрофильной археолого-этнографической экспедиции Томского уни-

¹ Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 77. - Оп. 2. - С. 1.

² Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 77. - Оп. 2. - С. 1.

верситета. Задачами экспедиции были географические, археологические и этнографические исследования и сборы предметов материальной культуры, которые проводились до ноября 1920 г. Затем, с ноября 1920 года, Леонид Никанорович трудился в должности служителя Географического кабинета Томского государственного университета и, кроме того, занимался камеральной обработкой полевых сборов вышеназванной экспедиции³.

13 января 1921 года Томский университет отправил Л. Н. Глушкова в составе Башкирской экспедиции Русского Географического Общества в район озера Байкал. Основной задачей экспедиции был сбор предметов материальной культуры и информации о забайкальских башкирах⁴. Зимой 1921 года его командировали в Омск, Москву, Санкт-Петербург для покупки научной литературы по профилям Томского университета, чтобы обогатить фонд библиотеки университета. Летом этого же года он в составе антрополого-этнографической экспедиции Томского университета едет в Башкирскую республику и Киргизский край⁵. Стоит обратить внимание, что Л.Н. Глушкову посчастливилось работать в лучших музеях страны: осенью 1921 года Леонид Никанорович поступил в Государственный Русский музей практикантом Сибирского отделения этнографического отдела. Стал хранителем коллекций этого отдела, а также возглавил дезинсекционную газовую станцию музея. Здесь он познакомился с Сергеем Ивановичем Руденко, ученым с мировым именем, ставшим для него учителем и другом. Впоследствии Леонид Никанорович участвовал в археологических экспедициях С. И. Руденко: в Горном Алтае, Саянах, Барнаульском округе⁶.

В 1921 году Глушков поступил учиться в Ленинградский Археологический институт. После реорганизации последнего стал студентом археологического отделения факультета общественных наук Ленинградского государственного университета. Однако получить образование археолога Леониду Никаноровичу не пришлось из-за социального положения⁷. Из его автобиографии становится понятно, что он выбыл с III-го курса университета⁸.

Период с 1924 по 1929 годы - один из самых трудных и в то же время ярких в жизни Л.Н. Глушкова. Потеряв возможность стать профессиональным археологом, он стал активно работать в составе научно-исследовательских экспедиций Русского музея и Академии наук СССР на территориях: Башкирской республики, Хакасии, Барнаульского округа, Ойратской автономной области

³ Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 77. - Оп. 2. - С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ История жизни и деятельности Глушкова Л. Н. [Рукопись И. Л. Глушковой]. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 98. - С. 2.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 77. - Оп. 2. - С. 2.

(Горный Алтай), Западного Казахстана⁹. Кроме того, трудился научным сотрудником в составе археологической экспедиции под руководством С. И. Руденко, в которой возглавлял один из отрядов. В рукописи, написанной дочерью Леонида Никаноровича и посвященной истории жизни и деятельности отца (во многом с его слов), рассказывается о том, что Л.Н. Глушков вместе с Руденко исследовал эталонный памятник ранних кочевников – могильник Кудырге на Алтае. И что именно отряду под руководством Глушкова принадлежит честь открытия в результате проведенных разведок знаменитых на весь мир Пазырыкских курганов, представляющих древнюю кочевническую культуру VI-IV вв. до н. э. А в 1926 году (из той же рукописи) Леонид Никанорович Глушков, под псевдонимом А. Глухов, совместно с Руденко С. И. опубликовал материалы раскопок могильника Кудырге. Работа называлась «Могильник Кудырге на Алтае»¹⁰. В этом же году увидела свет статья «Тайэлга», опубликованная также А. Глуховым в сборнике Материалов по Этнографии¹¹. По итогам исследований Антропологического отряда Казахстанской экспедиции от 1926 года А. Глуховым (Л. Н. Глушковым) опубликована статья «Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков» в сборнике Материалов Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик под редакцией Руденко С.И., выпуск № 11 от 1927 года с этнографическими фотографиями Руденко, Глухова, Фиельструп¹².

Зимой 1927 года, во время сложной переправы археологического отряда через горную реку на Алтае, Глушков оказался в ледяной воде. В результате - обморожение конечностей, больница, повреждение суставов, потеря возможности самостоятельно передвигаться. И полевые сезоны археологических экспедиций на долгие годы остались лишь мечтой.

В 1929 году Л. Н. Глушков работал в должности заведующего отделом Русского населения музея Приенисейского края в Красноярске.

Практика работы в области дезинфекции и дезинсекции в Государственном Русском музее позволила ему освоить новую сферу в науке. В 1929 году Глушков организовал бюро по борьбе с домовыми паразитами и грызунами при Красноярском окружном ОСОАВИАХИМе¹³. В этом же году собирал энтомологические коллекции для учебно-вспомогательных пособий по вредителям сельскохозяйственных культур и болезням культурных растений.

⁹ Там же. С. 3

¹⁰ Руденко С., Глухов А. Могильник Кудырге на Алтае. // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Государственного Русского Музея. – Т. III. Вып. 1. - Л., 1926. - С. 37-38.

¹¹ Глухов А. Н. Тайэлга. // Материалы по Этнографии. Этнографический отдел Государственного Русского Музея. - Т. III. Вып. 1. Отд. оттиск. - Л. 1926. - С. 95-96.

¹² Глухов А. Н. «Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков». // Материалы особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. - Вып. 11. - Л., 1927. - С. 108.

¹³ Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. - Ед. хр. № 77. – Оп. 2. - С. 3.

С 1930 по 1936 годы Глушков работает энтомологом в Средней Азии, где в то время вспыхивали эпидемии тропической малярии¹⁴.

В 1936 году, ближе к осени, Леонид Никанорович с семьей переехал на постоянное место жительства в Орджоникидзевский край (ныне Ставрополье), поначалу в поселок Иноземцево, а затем в краевой центр – тогда город Ворошиловск. Здесь с ноября 1936 года он работал энтомологом Ворошиловской городской Малярийной станции. А с сентября 1937 года работал уже старшим энтомологом Орджоникидзевской краевой Тропической станции и краевой Малярийной группы Орджоникидзевского краевого здравоохранения. В 1937 году попадает в Ставропольскую тюрьму как враг народа. Но вскоре (редкий для того времени случай) выпущен на свободу. Был снова арестован, вместе с другими заключенными, содержащимися в деревянном бараке, бежал, скрывался. Но через некоторое время сумел устроиться на работу зоологом Противочумной станции (сегодня Противочумный институт Кавказа и Закавказья)¹⁵.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов застала Глушкова в Ворошиловске. В армию он не был призван по состоянию здоровья – обострение ишиаса, постель и костыли¹⁶. Эвакуироваться вместе с семьей не получилось. С 3-го августа 1942 года по 21 января 1943 года находился в оккупированном фашистами Ворошиловске.

С января 1943 по май 1949 года Леонид Никанорович работал зоологом Службы учета Ставропольской Противочумной станции, сначала в Ставрополе, а затем в селе Петровском (в Петровском Противочумном отделении), куда он переехал вместе с семьей, чтобы пережить голодные времена¹⁷.

В результате постоянной исследовательской деятельности в 1947 году Глушков опубликовал научную статью «Спячка млекопитающих и сезонная динамика функционального состояния вегетативной нервной системы» в соавторстве с профессором патофизиологической лаборатории Противочумного института Кавказа и Закавказья А.Г. Критуновым в сборнике «Доклады VII Всесоюзного съезда физиологов, биохимиков и фармакологов»¹⁸.

С августа 1949 года по ноябрь 1952 года состоял энтомологом Ставропольской городской малярийной станции. Кроме того, осенью и зимой 1952 –

¹⁴ История жизни и деятельности Глушкова Л. Н. [Рукопись И. Л. Глушковой]. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. - Ед. хр. № 98. - С. 4.

¹⁵ История жизни и деятельности Глушкова Л. Н. [Рукопись И. Л. Глушковой]. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. № 98. - С. 4.

¹⁶ Там же. С. 5

¹⁷ Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ - Ф. № 70. Ед. хр. № 77. – Оп. 2. - С. 4.

¹⁸ Там же. С. 4.

1953 годов Л.Н. Глушков готовил лекционный цикл по медицинской эпидемиологии и паразитологии для Краевого лекционного бюро¹⁹.

С 1953 года начинается новый этап в жизни, работе и науке Леонида Никаноровича – он вновь стал заниматься археологией. В этом же году в качестве научного сотрудника он работал в археологической экспедиции Черкесского областного музея. Экспедиция работала в Хабезском районе Черкесской автономной области под руководством кандидата исторических наук, доцента Ставропольского педагогического института Т.М. Минаевой по исследованию аланского катакомбного могильника и кабардинского курганного могильника в урочище Байтал-Чапкан²⁰. В октябре 1953 года Глушков, по договору, работал в отделе природы Ставропольского музея в должности дезинсектора и реставратора. А с 1-го апреля 1954 года он поступил на постоянную работу в Ставропольский государственный краеведческий музей научным сотрудником отдела археологии²¹. Именно Глушков первым занялся систематизацией археологического фонда музея и комплектованием его коллекций. За время работы в музее он участвовал в исследовании двадцати четырех археологических памятников (некоторые были им и открыты)²². Среди них катакомбный могильник Байтал-Чапкан (аланская культура) 1953 г.; Ставропольский курган (ранний железный век) 1953 г.; катакомбный могильник в балке Крейда близ горы Шапка (аланская культура) 1953 г.; селище и могильник «Эльбурган» (аланская культура) 1953 г.; городище Адиюх (аланская культура) 1954-1955 гг.; могильник и два селища на р. Ташла в окрестностях города Ставрополя (аланская культура) 1954 г.; курган близ села Каррас (культурная принадлежность не была им определена) 1955 г.; городище и башня Кызыл-Кала (аланская культура) 1954 г.; сторожевая башня Хурзук 1955 г.; три селища по левому берегу р. Муху (аланская культура) 1955 г.; Домбайский могильник (кобанская культура) 1955 г.; городище Бучинка в окрестностях города Ставрополя (аланская культура) 1955 г.; группа курганов около ст. Сенгилеевской (ныне с. Сенгилеевское) (5); скальный могильник Подорванная Балка (аланская культура) 1959 г. Особо серьезная, опасная, значимая экспедиция состоялась в верховья реки Кяфар.

С именем Леонида Никаноровича Глушкова связан уникальный, не имеющий прямых аналогий в Закавказье, на Северном Кавказе и на других территориях исторического пребывания носителей древней дольменной культуры, монументальный и раритетный памятник мирового значения – мавзолей аланского царя, датируемый XI веком. Экспедиция 1957 года, под руководством

¹⁹ Там же. С. 4.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 5.

²² Глушков Л. Н. Отчет о произведенных разведках археологических памятников на территории Ставропольского края в 1953 – 1955. [Рукопись]. // Архив СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 25. - Л. 1-3.

Л.Н. Глушкова, в долину реки Кяфар (Карачаево-Черкесия) позволила пополнить фонды и украсить лапидарий Ставропольского краеведческого музея каменным дольменом, перестроенным и использованным представителями аланской культуры для захоронения своего царя в XI–XII вв. н. э. К этому же времени исследователи относят появление рельефных изображений на стенах мавзолея²³. Экспедиция проходила в сложных природно-ландшафтных и погодных условиях. Памятник удалось спасти и доставить на территорию Краеведческого музея. Здесь он был смонтирован и по сегодняшний день украшает коллекцию монументальных памятников музея²⁴.

Материалы могильника Подорванная Балка, датированного Глушковым XI–XIII вв. н. э., составляют гордость аланской коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. В июле 1959 года Леонид Никанорович осмотрел разрушенное захоронение могильника с двумя погребенными. По составу собранного материала предположил, что оба скелета женские²⁵. Исходя из черновых записей Глушкова к «отчету о выполнении археологического задания, по делам разведки, раскопки...», погребальный набор состоял из плетеной шкатулки для рукоделия и двух деревянных коробочек прямоугольной и овальной форм. Боковая стенка первой была украшена изображением мифологического существа с крыльями, а внутри нее находились корни растений. В погребальный инвентарь также входили предметы туалетного набора: пинцет, флакон и зеркало в кожаном футляре; два деревянных гребня, тоже в кожаных футлярах; крупные раковины каури, стеклянные бусины разнообразной формы и цвета; разнообразные украшения из стекла и бронзы; нож железный в деревянных ножнах; фрагмент кольчужной рубахи; тесла железные с деревянными ручками; деревянный сосуд. Керамика полностью отсутствовала²⁶.

Сегодня в фондах Ставропольского краеведческого музея хранится лишь часть всего погребального комплекса, описанного в отчете Л.Н. Глушковым. Не сохранились мумии погребенных и костюмы. Сохранившиеся же предметы представляют собой уникальный и аттрактивный комплекс памятников, достойный внимания исследователей, экспозиционеров, а также внимательных и трепетно относящихся к наследию прошлого посетителей музея.

²³ Охонько Н. А., Доде З. В. Аланская гробница XI века. // Музейные раритеты. Ставрополь 1994. - С. 3-7; 14-33.

²⁴ Глушков Л. Н. Отчет о выполнении археологического поручения по делам разведки, раскопки, транспортировки аланского мавзолея, византийский крестов и раскопках в балке Подорванной, близ Нижне-Архызского Дед. Дома № 3, Зеленчукского района Ставропольского края. [Рукопись]. // Архив СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 22. - С. 1-6.

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Там же. С. 5.

Леонид Никанорович Глушков внес весомый вклад в историю и культуру Ставрополя и края. Значим его вклад в изучение археологических памятников Северного Кавказа, а также и в сохранение археологического наследия региона. Именно он в 1957 году первым поднял вопрос о защите и необходимости сохранения памятников археологии Северного Кавказа²⁷. В 1998 году в стенах Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе состоялось заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня рождения Л.Н. Глушкова. На Совете каждый выступающий отдал дань памяти и уважения Ученому и Человеку²⁸.

Список источников и используемой литературы

1. Личное дело Глушкова Л. Н. Автобиография. // Архив СГКМ. - Ф. № 70. Ед. хр. №77. - С. 1-6.
2. Глушков Л.Н. Отчет о выполнении археологического поручения по делам разведки, раскопки, транспортировки аланского мавзолея, византийских крестов и раскопках в балке Подорванной, близ Нижне-Архызского Дед. Дома № 3, Зеленчукского района Ставропольского края. [Рукопись]. // Архив СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 22. Оп. 2. - С. 1-6.
3. История жизни и деятельности Глушкова Л.Н. Оп. 2. [Рукопись И.Л. Глушковой]. // Архив СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 98. Оп. 2.- Л. 1-10.
4. Протокол заседания ученого совета Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, посвященного памяти Л.Н. Глушкова (100 лет со дня рождения) от 20 августа 1998 года. // Архив СГКМ. - Ф. № Ед. хр. № 117.- Л. 7-17.
5. Глушков Л.Н. Отчет о произведенных разведках археологических памятников на территории Ставропольского края в 1953 – 1955. [Рукопись]. // Архив СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 25.- Л. 1-3.
6. Глушков Л.Н. Информационная записка директору Ставропольского краевого музея В.В. Госданкеру от 15 сентября 1976 г. [Рукопись]. // Архив СГКМ. - Ф. 70 Ед. хр. № 24.- Л. 1-3.
7. Глухов А.Н. Тайэлга. // Материалы по Этнографии. Этнографический отдел Государственного Русского Музея. - Т. III.- Вып. 1. Отд. оттиск.- Л. 1926 - С. 95-100.
8. Глухов А.Н. «Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков». // Материалы особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Вып. 11. – Л. 1927. - С. 108.
9. Руденко С., Глухов А. Могильник Кудырге на Алтае. // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Государственного Русского Музея. Т. III. – Вып. 1. - Л. 1926. - С. 37-38.
10. Охонько Н.А., Доде З.В. Аланская гробница XI века. // Музейные раритеты. Ставрополь 1994. - С. 3-7; 14-33.

²⁷ Глушков Л.Н. Информационная записка директору Ставропольского краевого музея В.В. Госданкеру от 15 сентября 1976 г. [Рукопись]. // СГКМ. - Ф. 70. Ед. хр. № 24. - Л. 1-3.

²⁸ Протокол заседания ученого совета Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, посвященного памяти Л.Н. Глушкова (100 лет со дня рождения) от 20 августа 1998 года. // СГКМ. - Ф. № 2. Ед. хр. № 117. - Л. 7-17.

Состин Д.И.
Ставропольский филиал
Краснодарской академии МВД РФ,
доцент, кандидат исторических наук

История политических партий Ставрополья в свете новых методологических подходов и архивных исследований

В последние годы российская историческая наука стремится по-новому осмыслить одну из своих важнейших отраслей исследования – историю политических партий. Эта история восходит к рубежу XIX – XX вв. периоду возникновения и развития политических партий, отражавших социально-экономические интересы различных классов и социальных групп российского общества.

Новые исследовательские парадигмы позволяют историкам сформулировать и использовать новые методологические подходы в изучении как общероссийских политических партий России в целом, так и их организаций на местах, в частности, на Ставрополье. Междисциплинарность научного мышления, опора на принципы объективности, историзма позволили историкам-краеведам ввести в научный оборот ранее неизвестные материалы, прежде всего, архивные источники, способные по-новому и непредвзято проанализировать историю политических партий.

Разнообразие архивов помогает увидеть совершенно новые аспекты истории политических партий в Центре и в провинции, в локальных социумах. К ним относятся не только общие закономерности появления политических партий в общероссийском контексте, но и трансформация их идеологии, особенности социальной базы состава партийных объединений, деятельность лидеров, эволюцию их политических взглядов.

Анализ источников ставропольских архивов, прежде всего ГАСК, показал определенную узость границ местной историографии советского народа, объясняемую, конечно же, идеологическими причинами, господствующими в то время. Вместе с тем, это дало уникальную возможность с новых методологических позиций переосмыслить, как уже говорилось выше, одну из важнейших проблем отечественной истории, историю политических партий, в том числе в таком регионе России, как Ставрополье.

Касаясь некоторых итогов такого исследования, следует отметить, что они в определенном смысле несколько меняют ранее существовавшие пред-

ставления о деятельности политических партий на Ставрополье, особенно в бурном 1917 году.

Так, говоря, например, о политической принадлежности партийных организаций, действующих в Ставропольской губернии, можно с полной определенностью констатировать, что среди всех общероссийских партий, действующих после Февральской революции 1917 г. на Ставрополье, действовали главным образом политические партии социалистов-революционеров, а также социал-демократов-меньшевиков. Об этом свидетельствуют отчеты местных партийных комитетов, письма, материалы партийных конференций, хранящиеся в ГАСК. Сюда же можно отнести фонды помощника Терского жандармского управления в г. Ставрополе, которое в течение длительного периода, вплоть до Февральской революции 1917 года, следило за политической жизнью губернии.

Из общероссийских буржуазно-политических партий на Ставрополье в рассматриваемый период оставались городские организации партии народной свободы, в которые входило около 100 ее активных членов, среди которых выделялись городской присяжный поверенный Е.Г. Маслов, инженер М.К. Чиквадзе, госслужащий И.В. Розанов, секретарь окружного ставропольского суда С.Я. Скляров, врач В.Д. Брусиловский и другие, представлявшие главным образом местную интеллигенцию (1). Как и во всероссийском масштабе, так и в губернии кадеты выступали за эволюционное, поэтапное решение важнейших социально-экономических проблем.

В условиях аграрного характера ставропольской экономики кадеты выступали за создание мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства, формировавшего инфраструктуру, способствующую развитию сельскохозяйственного производства. Отбирать же землю у одних и отдавать ее другим кадеты считали несправедливым (2).

Такие взгляды находили понимание у коренного зажиточного крестьянства, численность которого в общей массе аграрного населения губернии, в отличие от центра России, была значительной. Однако создать разветвленную сеть своих организаций в ставропольских селах кадетам не удалось. Их социальную базу составляла главным образом городская интеллигенция: адвокаты, юристы, врачи, преподаватели высших, средних учебных заведений. В крестьянских уездах губернии таких работников были единицы, их пропагандистские возможности были ограниченными.

Деятельность монархических организаций в Ставропольской губернии, как и в целом по стране в данный период, была не столь активной, как в первые годы своего существования. С началом февральских событий 1917 года их организационные структуры уже фактически распались. В ставропольской губернской организации, имевшей в своих рядах 600 человек, в феврале-марте

1917 г. оставалось всего 18 человек. Еще в январе 1917 г. в секретных донесениях помощнику Терского жандармского управления сообщалось, что в четырех из пяти уездов Ставропольской губернии монархических организаций не существует. О единственной оставшейся в Ставропольском уезде монархической организации «Союз русского народа» говорилось: «Отделения этой организации в период народного движения пользовались среди населения авторитетом. В настоящее же время деятельность свою они прекратили и никаким авторитетом не пользуются» (3).

Как и в целом по России, особенно в послефевральский период, в Ставрополе активно действовали партии левой политической направленности – социал-демократы и эсеры. Они придерживались различных политических взглядов: от радикально-революционных до революционно-реформистских. Они аккумулировали интересы различных социальных групп и слоев общества.

Главной особенностью губернских структур РСДРП, отличавшей их от столичных, была их объединенная организационная основа. С момента их появления на Ставрополье, в самом начале XX в. и вплоть до Октябрьской революции 1917г. в Петрограде, в Ставропольском комитете совместно работали и меньшевики, и большевики. Причем последние, в силу своей малочисленности, отсутствия опытных работников, не занимали среди местных социал-демократов ведущих позиций. Доказательством скромного положения большевиков в губернской организации РСДРП являлись письма в ЦК, в которых их лидеры А. Пономарев и М. Морозов писали об острой нехватке опытных, идейно подготовленных работников, об отсутствии политической работы во многих слоях населения (4).

У ставропольских большевиков практически до конца 1917 года не было своего печатного органа. Только в ноябре у них появилась газета «Заря Свободы». Медленно росла и численность большевиков. Она выросла в декабре 1917 года, когда в Ставропольскую организацию большевиков влилась переехавшая в губернский центр более мощная Грозненская РСДРП(б), а также большевистский комитет 112 пехотного полка во главе с Н. Анисимовым. Социальный фундамент местных большевиков, судя по выборам в Учредительное собрание, состоял прежде всего из солдат местного гарнизона, у которых сильны были антивоенные настроения и желание вернуться к земле (5).

Серьезным конкурентом социал-демократам выступали социалисты-революционеры, эсеры. Их политическая программа была рассчитана на крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения губернии.

Как свидетельствуют архивные документы, эсеры были наиболее влиятельной силой в непростой политической ситуации октября-февраля 1917 года. Хотя с момента своего возникновения в марте 1908 года ставропольская орга-

низация социалистов-революционеров особенной активностью не отличалась (6). После февральской революции ставропольским эсерам удалось создать одну из крупных организаций в регионе. Видными представителями губернского комитета социалистов-революционеров были И. Маянц, Е.А. Дементьев, Г.М. Михайлов, В.С. Романовский, А.А. Чернышев и другие (7). На краевом партийном съезде, проходившем в июле 1917 года в Армавире, говорилось о том, что Ставропольская организация насчитывает около 500 человек, издает газету «Северокавказское слово», ежедневный тираж которой вырос с 200 до 2000 экземпляров (8). Летом 1917 года общая численность эсеровских организаций Ставропольской губернии, включая сельские, уездные организации, достигала более 3000 человек. Социальная база ставропольских эсеров была довольно широкой. Это заметно по составу их городского комитета. В него входили помощник присяжного поверенного – редактор газеты «Северокавказское слово» Е.А. Дементьев, рабочие М. Жиров, А. Захаров, Л. Неволин, преподаватель гимназии Г. Михайлов, солдаты 112 запасного пехотного полка, инженер-гидролог И. Писарев и другие.

Активными членами партии социалистов-революционеров становились местные крестьяне. На первом общероссийском крестьянском съезде, проходившем в Ставрополе в апреле 1917 года, в партию эсеров вступали целыми депутатскими группами крестьяне Терновского, Александровского, Романовского и многих других сел Ставропольской губернии.

Эсеровскими по партийной принадлежности были многие общественные профсоюзные организации Ставрополя. Например, губернский Союз землемеров, Ставропольский учительский Союз, в который входило 2000 человек. Эсеровским по духу был Ставропольский крестьянский союз, сформировавшийся в апреле 1917 года (9).

Численный состав эсеров, их популярность среди крестьян, особенно иногородних, определяли глубину влияния эсеровских организаций на общественную и политическую ситуацию в губернии к концу 1917 года. Архивные документы, периодическая печать, отложившаяся в ставропольских архивах, сохранившаяся в 20-х – 30-х годах XX века усилиями местных краеведов, в том числе Г.Н. Прозрителевым, позволяют в настоящее время исследовать ранее мало известные страницы истории политических партий, действовавших в начале XX столетия на Ставрополье, передать опыт и традиции этой деятельности современным партийным структурам, представителям общественных организаций, претендующих на лидерство в решении важнейших социально-политических задач в интересах самых различных слоев населения Ставропольского края и в целом России.

Использованная литература и источники:

1. ГАСК., фр. 1661. оп. 1, д.21, л.65,66
2. Шингарев А.И. Как предполагала наделить крестьян землей партия народной свободы во второй государственной думе.- М.,1917
3. ГАСК. Ф-1008, оп.1, д.335 л.23
4. РУ ХНДНИ, ф.17, оп.1, д.229,л.9
5. ГАСК, ф.3111, оп.1, д.220, л.101
6. ГАСК, ф. 1008, оп.1, д.360, л.2,3,
7. Северокавказское слово. 1917. 20 июля.
8. Народное эхо. 1917. 20 июля
9. ГАСК., Ф.3111, оп. 7, д,220, л.67



**ПСЗ как юридическая основа для изучения
административной политики Российской империи
на Северном Кавказе
в конце XVIII – первой четверти XIX в.**

Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) – систематический свод правовых и нормативно-правовых актов Российского государства как действующих, так и недействующих, расположенных в хронологической последовательности. Изданное в 1830 г. первое Собрание объединило в одном 45-томном издании весь корпус письменных источников права, изданных в период с 1649 по 1825 г. Второе и третье Собрания заключали в себе издававшиеся ежегодно с 1830 по 1884 г. и с 1884 по 1916 г. соответственно тома, содержавшие все вновь издаваемые узаконения. Согласно выработанным законодателем концептуальным основам кодификационных работ, осуществлявшихся в 1826-1833 гг. II Отделением Собственной Его Императорского Величества (далее – ЕИВ) канцелярии, первое Собрание представляло собой первоначальную («разнородную») форму установления законодательства, а второе и третье – последующие («систематические») (1). Не углубляясь далее в детали той колоссальной работы, которая была проделана комиссией Сперанского, отметим, что для целей нашего исследования принципиальным является фундаментальный характер ПСЗ как официального юридического источника по истории государства и права Российской империи второй половины XVII – начала XX вв. Никакой другой документ или издание не дает такого исчерпывающего представления о государственной политике России в различных областях и сферах деятельности. Поэтому основополагающая роль ПСЗ является одним из существенных моментов в выявлении основной группы источников по административной политике Российской империи на Северном Кавказе в очерченный рамками исследования период.

Отдельного рассмотрения заслуживает эволюция взглядов представителей исторической и юридической наук на ПСЗ. В дореволюционный период это издание активно использовалось исследователями Северного Кавказа прежде всего как исторический источник (Г.Н. Прозрителев (2), И.В. Бентковский (3), В.А. Потто (4), И.Д. Попко (5), С. Эсадзе (6) и др.).

В советский период идеологические мотивы исследователей и официально формулируемые установки руководства страны привели к тому, что интерес к

ПСЗ значительно снизился. Фактически его использование сводилось к бессистемному и избирательному цитированию, и то лишь в тех случаях, когда без него нельзя было обойтись. Данный тезис можно проиллюстрировать на примере такого фундаментального труда, как «История народов Северного Кавказа» в 2-х томах (7), изданного АН СССР в 1988 г. В этом историческом издании, полностью отражающем идеологические установки представителей официальной исторической науки, можно встретить лишь 10(!) ссылок на ПСЗ. Исключением на этом фоне выглядит сборник «Дон и степное Предкавказье: XVIII – первая половина XIX в.» (8), в котором документы из ПСЗ используются достаточно активно.

Таким образом, несмотря на фундаментальный характер ПСЗ, как источника по изучению административной политики Российской империи на Северном Кавказе, о котором было сказано выше, официальной наукой данное издание явно недооценивалось. Отчасти недостаточную востребованность ПСЗ со стороны исследователей можно оправдать тем, что полные комплекты многотомного издания сохранились в ограниченном количестве экземпляров в отдельных, преимущественно центральных архивах, фондах редкой книги библиотек и в некоторых музеях. Редкими можно назвать примеры сохранности в полном объеме первого и второго изданий. Однако, повторим, это не является убедительным и достаточным основанием для игнорирования этого источника официальной наукой.

В 90-е годы отмечен рост интереса к ПСЗ, однако первенство вновь сохраняется за представителями исторической науки. Так, важное место среди используемых источников занимает ПСЗ в исследованиях В.М. Кабузана (см., например, «Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: этно-статистическое исследование» (9). Фактически основой источниковой базы выступает ПСЗ в коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» (10), глава VI которой под авторством Л.С. Гатаговой и Д.И. Исмаил-Заде посвящена административному устройству Кавказа в конце XVIII – начале XX вв. Здесь же необходимо упомянуть фундаментальную историческую работу З.М. Блиевой «Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века» (11). Данную монографию характеризуют всесторонний анализ заявленной темы и основательность проработки всего объема привлеченной исследователем литературы. Однако исторический характер работы не предполагал глубокого погружения в правовые аспекты затрагиваемых вопросов, которые остались за пределами исследования. Активно использует ПСЗ в своих работах Г.Г. Лисицына (см., например, «Кавказский комитет 1845-1882 гг.» и

«Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882 гг.)» (12).

Лишь в последние годы стало появляться все большее количество трудов специалистов в области юриспруденции, посвященных исследованию формально-правовых аспектов политики Российской империи, и, в частности, процесса административного освоения Северного Кавказа. Среди таких работ можно назвать монографию Г.Н. Малаховой «Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв.» (13), докторскую диссертацию А.Н. Маремкулова на тему «Юридические формы политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект» (14), а также кандидатскую диссертацию И.Г. Гайдабуры «Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.)» (15). И все же, отдавая должное ПСЗ как важному историческому документу, его юридическое значение представляется по-прежнему недооцененным, а проблемы его формы, структуры и содержания – слабо разработанным с правовых позиций. Упомянутые выше исследования хотя и затрагивают так или иначе проблему источников права вообще и ПСЗ как важного юридического документа в частности, однако, на наш взгляд, должного внимания данному вопросу не уделяют. Количество приводимых ссылок явно не соответствует статусу и научно-исследовательскому значению этого источника, и, кроме того, часто они являются вторичными, т.е. заимствованными из ранее опубликованных.

Результатом проведенной нами работы стало выявление в ПСЗ всего объема документов, которыми устанавливались и изменялись общественные отношения, связанные с процессом создания и построения на Северном Кавказе постоянной и эффективной системы управления. Подчеркнем, что методологически работа с ПСЗ была основана на сплошном анализе текста многотомного издания, что позволило избежать некоторых проблем, возникающих в ситуации, когда исследователь ориентируется лишь на приводимый в конце каждого тома указатель. В последнем случае множество документов остаются незамеченными ввиду невозможности составить представление о документе только по его названию.

Касаясь вопроса классификации документов, которыми регулировалась политика России на Северном Кавказе, можно условно разделить содержащиеся в ПСЗ нормативно-правовые акты по сферам регулирования на следующие блоки: политика правительства в области собственно административного устройства и управления (сюда входят документы, учреждающие, устанавливающие или изменяющие структуру, компетентность и финансирование тех или иных органов власти и должностных лиц, ответственных за проведение

государственной политики в регионе); заселение региона (регулирование вопросов переселения и условий проживания различных категорий населения – казенных крестьян, казаков, ссыльных и т.п. – на новых территориях); военная политика (вопросы организации военных действий, размещения воинских формирований, полномочий военных чиновников в отношении местного населения и т.д.); политика в области народного просвещения; конфессиональная политика (вопросы межконфессионального общения, миссионерства, осуществления Русской православной церковью своей деятельности и т.п.); национальная политика (в отношении инородцев).

Формально-правовой подход к анализу источников ПСЗ, относящихся к теме нашего исследования, позволяет выделить несколько типов нормативно-правовых актов, по степени значимости разделяющихся на акты ЕИВ (которые, в свою очередь, подразделяются на грамоты, указы, рескрипты, высочайшие повеления, положения), акты центральных органов государственной власти (Сената, Синода, Государственного совета, Комитета министров, Коллегии иностранных дел и Кавказского комитета), акты органов власти на местах (инструкции, предписания и проч.). Указанная классификация предложена А.Н. Маремкуловым и представляется нам в максимальной степени полно отражающей все разнообразие типов и форм принимавшихся в обсуждаемый исторический период законов.

Рассматриваемый нами блок нормативно-правовых актов ПСЗ, посвященных административной политике Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX вв., характеризуется, во-первых, разнообразием регулируемых отношений. Диапазон тем, охватываемых документами, крайне широк – от установления требований к цветам мундиров должностных лиц в губерниях (Именной указ, данный Сенату «О мундирах для дворян и губернских чиновников» от 09 апреля 1784 г. (16), до таких существенных проблем, как изменение границ между административно-территориальными образованиями империи (Именной указ, данный Сенату «О положении границ между наместничествами и между уездами каждого наместничества» от 19 мая 1781 г. (17).

Второй отличительной чертой актов, принимавшихся в отношении Северокавказского региона, является их частая непоследовательность. Данное обстоятельство вызвано противоречивостью той политики, которая проводилась в регионе центральным правительством. На нее влияли различные обстоятельства как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического свойства.

В рассматриваемых нами хронологических рамках эта тенденция проявилась особенно заметно. В этот период политика России на Северном Кавказе претерпевает эволюцию от попытки распространения на вновь присоединенные

земли общероссийского законодательства до введения здесь управления по особому Учреждению с учетом местной специфики.

Так, если первоначально присоединение территории Северного Кавказа к России, диктуемое военными и геополитическими соображениями, рассматривалось руководством страны как одномоментный акт распространения внутригосударственного законодательства на новые земли и их население, т.е. как процесс автоматической административно-правовой инкорпорации региона и фактического уравнивания его статуса с внутренними губерниями империи, то в дальнейшем данное представление сменилось более реалистическим подходом, учитывающим сложность и длительность процесса интеграции. Такая эволюция представлений на юридическом уровне выражалась в принятии Екатериной II на первом этапе освоения Северного Кавказа решения распространить на регион действие Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07 ноября 1775 г. (18), имевшего универсальное действие закона, не учитывавшего особенности присоединенных территорий и не рассчитанного на организацию гражданского управления в условиях активных военных действий и сопротивления населения создаваемым на местах органам власти. Однако в дальнейшем законодатель пришел к необходимости выработки особого законоположения, и после череды нормативно-правовых актов, уточняющих и адаптирующих нормы общероссийского учреждения к местным условиям, таких, например, как Именной указ, данный Саратовскому и Кавказскому генерал-губернатору кн. Потемкину «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» от 09 мая 1785 г. (19), в 1827 г. принимается особое Учреждение для управления Кавказской области (20).

Третьей особенностью описываемого блока документов является сочетание различных способов правового воздействия на жителей присоединяемых территорий, применявшихся законодателем в зависимости от различных обстоятельств. Данный факт отмечает в своем исследовании А.Н. Маремкулов, который констатирует, что для первого этапа освоения региона Северного Кавказа было характерным превалирование поощрительных и рекомендательных способов воздействия на местное население, а по мере укрепления позиции центральной власти в регионе и на мировой арене все более активно применялись императивные методы воздействия. Так, например, уже упоминавшимся Именным указом Саратовскому и Кавказскому генерал-губернатору кн. Потемкину от 09 мая 1785 г. поощрялось добровольное переселение инородцев в города Кавказского наместничества (признавалось, в частности, полезным основание города для армян, в случае наличия достаточного их для того количества).

Четвертым отличительным свойством актов, принимавшихся в отношении вновь присоединяемых территорий Северного Кавказа, является активное, по-

рой чрезмерное использование законодателем диспозитивного метода правового регулирования. На уровне практического правоприменения эта особенность выражалась в предоставлении местным чиновникам максимально широких возможностей в выборе методов управления. Таким способом законодатель компенсировал собственное слабое представление о характере тех проблем и задач, которые предстояло решать представителям местной администрации. Невозможность предугадать все возможные ситуации, с которыми придется столкнуться правоприменителю в ходе непосредственного управления, привела к формулированию прав местного чиновничества в предельно расплывчатой форме, а круг вопросов, не оговаривавшихся в принимаемых законах вообще, был практически неограничен. Такой подход при принятии нормативно-правовых актов имел следствием как положительные, так и отрицательные черты управления регионом. С одной стороны, он позволял чиновникам на местах действовать гибко, применяясь и оперативно реагируя на новые вызовы, с другой – это зачастую приводило к произволу чиновничества, не ограниченного четко прописанными в законе полномочиями.

Последовательный анализ документов ПСЗ позволяет проследить процесс формирования российской административно-правовой системы на Северном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX вв. в развитии. Такой подход предоставляет исследователю возможность динамически анализировать те процессы, которые происходили в России на законодательном уровне и непосредственно влияли на конкретные черты проводимой центральным правительством политики. На основе изученных источников мы можем сделать вывод о том, что данный подход можно с некоторыми оговорками считать новаторским, т.к. ранее он не находил применения. В то же время научное значение данного метода в вопросе исследования таких сложных и многоплановых явлений, как многолетний процесс государственного строительства на вновь присоединенных территориях, трудно переоценить.

Использованная литература и источники:

1. Обзорение исторических сведений о Своде законов. – СПб., 1833. С. 53. Цит. по: Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. – М.: «Ось-89», 2004. С. 108.
2. Прозрителев Г.Н. К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе. – Ставрополь, 1912; Он же: Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Вып. III. – Ставрополь, 1912.
3. Бентковский И.В. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Т. VI. – Ставрополь, 1910; Он же: Ставрополь с открытия городского магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 // Там же.
4. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.

5. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: исторический очерк. Вып. 1: Гребенское войско. – СПб., 1880.
6. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1-2. – Тифлис, 1907.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988.
8. Дон и степное Предкавказье в XVIII – I половине XIX века / Отв. ред. А.П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977.
9. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках: этно-статистическое исследование. – СПб.: БЛИЦ, 1996. – 223 с.
10. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998.
11. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова, 2005. – ??? с.
12. Лисицына Г.Г. Кавказский комитет. 1845-1882 // Клио. № 2, 1997. С. 140-148; Она же: Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – СПб., 2001. С. 154-168.
13. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001. – 400 с.
14. Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект. – Автореф. дисс. докт. юр. наук. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005.
15. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). – Автореф. дисс. канд. юр. наук. – Краснодар: КГУ, 2007.
16. ПСЗ. – Т. XXII. – 1784-1788, Собр. 1-е. – СПб., 1830. Сс. 90-93.
17. ПСЗ. – Т. XXI. – 1781-1783, Собр. 1-е. – СПб., 1830. Сс. 124-126.
18. ПСЗ. – Т. XX. – 1775-1780, Собр. 1-е. – СПб., 1830. Сс. 229-304.
19. ПСЗ. – Т. XXII. – 1784-1788, Собр. 1-е. – СПб., 1830. Сс. 388-392.
20. ПСЗ. – Т. II. – 1827, Собр. 2-е. – СПб., 1830. Сс. 107-155.



Уляев К.С.,
учащийся МОУ «Лицей № 15 г. Ставрополя»
Чесняк М.Г.
СевКавГТУ,
научный сотрудник, кандидат педагогических наук

О современном прочтении труда «Военное прошлое наших калмыков»

Григорий Николаевич Прозрителев принадлежит к числу широко известных просветителей, которые оставили заметный след в истории российской провинции XIX – начала XX в.в. Результаты его научно-публицистической деятельности в области краеведения, архивного и музейного дела, этнографии заслуживают изучения и переосмысления с современных позиций.

В этой связи представляет интерес книга «Военное прошлое наших калмыков». Почему Г.Н. Прозрителев обратил свой взор к военному прошлому одного из народов России? Отчего с явной симпатией к предмету исследования, пишет в заглавии: «Военное прошлое наших калмыков»?

Григорий Николаевич, т.к. образование у него было юридическое, выступал защитником на судебных процессах по делам большедербетовских калмыков. Он писал: «За тридцать лет судебной практики пришлось провести мне массу калмыцких дел и убедиться в добрых чувствах народа и частью в высоких душевных качествах его».

Наряду с деятельностью юриста, Григорий Николаевич занимался сбором архивных документов. В 1890-х Г.Н. Прозрителев все больше и больше сосредоточивается на краеведении и сохранении историко-культурного наследия.

Заинтересованность в судьбе калмыцкого народа и изучение «хранилищ письменных памятников прожитого времени» (архивных документов) положили основу создания Г.Н. Прозрителевым обширного труда к 100-летию Отечественной войны: «Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественной войне 1812 года: Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии (Выпуск III)».

В предисловии к книге Г.Н. Прозрителев писал: «Печальное положение наших архивов вообще и трудность, с которой сопряжена, вследствие этого, работа в этих хранилищах, побуждают меня, прежде всего, принести мою глубокую благодарность всем лицам, непосредственно содействовавшим мне в моих поисках необходимого материала для настоящей работы», а именно – заведующему Московским Отделом Архивного Главного Штаба, полковнику Поликарпову, Всеволоду Ростиславовичу Апухтину, заведующему калмыцким

народом в Астрахани В.Е. Локтеву, зайсангу Андре Михайлову, Бакше Карве Санжиеву и другим.

Далее Григорий Николаевич обращает внимание на ценность архивных сведений, значение архивной работы по их упорядочению и исследованию, сохранению, поясняя, что они есть «ключ к уразумению многих явлений нашей современности».

31 июля 1912 г. Г.Н. Прозрителев «от составителя» написал: «Делал – что мог...» (о своем вкладе в дело сохранения и исследования истории калмыков). Теперь, в канун 95-летия со дня выхода труда, нам следует вновь обратиться к нему и осмыслить его значение в современном контексте.

Уникальный труд «Военное прошлое наших калмыков» состоит из двух частей. Первая включает одиннадцать глав. Кроме общих замечаний и характеристики калмыков, описания их прихода в Россию, здесь дан хронограф военных действий на южных и юго-восточных границах России. Основное содержание книги – образование Ставропольского Калмыцкого войска, Ставропольского и двух Астраханских Калмыцких полков, а также участие калмыков в Отечественной войне 1812 года.

В главе «Войны калмыков на южных и юго-восточных границах России» Прозрителев делает обзор отношений калмыков и русских (первоначально сложных), дает количественный состав войск, предоставляет хронограф военных действий, основные события тех времен.

Представляет интерес образование Ставропольского калмыцкого войска, благодаря которому калмыки постепенно вошли в строй русской государственной жизни. Прозрителев отмечает, что начало создания этого войска осуществлялось усилиями местной власти и теми калмыками, которые принимали крещение, и переходили в русские владения и становились на военную службу. Эта ситуация возникла в связи с тем, что калмыцкий народ был брошен на произвол судьбы со стороны своих ханов и правителей, поэтому простой калмыцкий народ добровольно стремился присоединиться к России. В результате в 1745 – 1750 гг. Ставропольское Калмыцкое войско было признано существующим. Организованное по образцу казачьих полков, оно сочетало в себе одно важное отличие, а именно: все офицерские должности должны быть заменены зайсангами из калмыков.

Г.Н. Прозрителев дает подробное описание первому и второму Астраханским калмыцким полкам. А именно – их составу, боевому пути с упоминанием отдельных эпизодов. Например, Григорий Николаевич приводит примеры того, каким образом российское правительство оценивало вклад калмыцкого войска в победу в Отечественной войне 1812 года. Он приводит текст Высочайшей грамоты: «В воздание ревностной службы вашей и отличия, оказанного в сра-

жениях против французских войск, в продолжение блокады крепости Модлина, в 1813 году бывшей, где вы действовали с отличным мужеством и храбростью, Всемилостивейше пожаловали Мы вас в 16-й день августа 1813 года золотой саблей с надписью «За храбрость».

Григорий Николаевич Прозрителев имел в распоряжении массу документов, свидетельствовавших о важнейших событиях прошлого. Эти документы были извлечены из Московского отделения Общего Архива Главного Штаба, Астраханского Калмыцкого Управления, Астраханского Губернского Архива, Ставропольского Иностранного Управления, Ставропольского Губернского Архива, Старого Полицейского Архива в Ставрополе, Ставропольской Духовной Консистории, Старых Церковных Архивов.

Документы об ополчении 1806 года и службе калмыков на Кавказской линии несут в себе массу информации того времени. Здесь представлены рапорты в государственную военную коллегию, графам, приставам, высочайшие указы Его Императорского Величества, списки, донесения, именные списки, ордера, ведомости и свидетельства.

Г.Н. Прозрителев приводит ряд документов и приказов, в которых утверждается, что калмыцкая орда бесполезна и самовольно ушла к Малому Дербету. Собственноручные пометки Павла I на этих документах свидетельствуют о том, что он выражает свое несогласие с бесполезностью калмыков. Документы указывают на требование Павла I об удержании, во что бы то ни стало, калмыцкой орды от выхода за пределы Российского государства. Он требовал возвращения калмыков к Донскому войску и повелевал обращаться с калмыками уважительно и почтительно. Приказы эти, несомненно, имели огромное значение для калмыков в России и должны быть отнесены к одним из выдающихся распоряжений Правительства начала XIX века.

7 апреля 1811 года в Именном Высочайшем указе Главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии Ртищеву говорилось о необходимости сбора двух калмыцких пятисотенных полков из орд в пределах Астраханской, Саратовской и Кавказской губерний и в пределах войска Донского. От того же числа последовал указ и на имя князя Волконского «о формировании Ставропольского Калмыцкого войска из 560 человек и двух башкирских пятисотенных полков, для усиления армии и чтобы приучить на будущее время калмык и башкир к службе». Ставропольские калмыки должны были иметь исправное оружие по положению и быть «о двуконь». Начальники полков должны были быть из зайсанговых и при каждом полку – армейский штаб-офицер.

Из донесения Ртищева Государю и военному министру видно, что два полка сформированы и направлены к Воронежу. Ртищев свидетельствует, что владельцы, зайсанги и простые калмыки идут с охотой и удовольствием. Пер-

вый полк вышел под командованием владельца Джамбы Тайши Тундутова, а второй – под командованием капитана Сербеджаба Тюменя. То обстоятельство, что вступали в ополчение «с охотой и удовольствием», доказывалось и тем, что при полку Тюменя шли волонтерами три русских на своем содержании и 25 человек калмыков – на содержании владельца капитана Тюменя. В результате было сформировано вместо двух три полка: Ставропольский Калмыцкий полк, 1-й и 2-й Астраханские полки.

Что касается свидетельств об отличиях Ставропольского Калмыцкого полка, то указания найденные в архивных документах, далеко не полны. Многие донесения не доходили до места их назначения. Это объясняется невероятной неразберихой и массой дел в штабе в военное время. Прозрителев также замечает, что полк всегда был впереди и имел массу стычек и серьезных столкновений с неприятелем. О боевых действиях полка упоминается лишь в формулярном списке Диомидия.

В течение всего похода, включая и взятие Парижа, Ставропольский Калмыцкий полк, как и другие полки, принимал самое активное участие во всех передовых выступлениях и в целом ряде серьезных сражений, с удивительной стойкостью и мужеством, имея при этом самое примитивное оружие и выступая в бой с первоклассными войсками того времени.

За взятие Парижа удостоены медалей калмыки Большедербетовского улуса (Ставропольской губернии) в количестве 55 человек.

21 июля 1814 года полк состоял всего из 350 человек. Первоначальный состав полка был 560 человек, а, следовательно, потеря составила 210 человек за три года.

Таким образом, Ставропольский Калмыцкий полк выполнял доминантную роль среди двух других полков, и, несомненно, благодаря мужеству, храбрости и стремлению к победе полк оказался на передовых местах сражений и показывал себя достойно.

Говоря о Первом Астраханском Калмыцком полке, Г.Н. Прозрителев отмечает, что им руководил Джамб Тайши Тундутов. Из ведомости, представленной Дублянским, видно, что полк состоял из 528 человек. Полк неоднократно вступал в борьбу с неприятелем с 8-го по 18-е августа в 1812 году, при переправе через реку Буг. В январе 1813 году преследовал неприятеля от местечка Белоседиц, при многочисленных и беспрерывных поражениях врага, до города Варшавы.

Второй Астраханский Калмыцкий полк был сформирован при тех же обстоятельствах, что и первый полк, и благодаря усилиям главного Пристава Халчинского. Военное движение полка тесно связано с полком Тундутова, они одновременно вступили в бой. В 1812 году, 18 июля, полк участвовал при раз-

громе под Пружанами Саксонского драгунского эскадрона. В 1813 году, 7 января, участвовал при изгнании неприятеля из городов Венгрова и Ливы. А также шли бои в 1814 году, 10 января, между деревнями Сен-Обен и г. Минье, 17 при местечке Бриен-Лешато. 13 марта при местечке Фершампенуаз участвовал в истреблении целого корпуса вражеских войск, 20-го прошел город Париж, 24-го сражался у местечка Леферт.

Анализируя сведения о полке, нельзя забывать о его величественном командире Тюмене, благодаря которому все достижения и успехи, также приписывались на счет Второго Астраханского Калмыцкого полка, которым он руководил.

1 апреля Второй полк продвинулся к русской границе. В конце 1814 года он возвратился в Астрахань. Тюмень был достойно встречен своими родными и близкими. После того как Тюмень помолился, он отдал распоряжение своему полку: разъехаться каждому в свое кочевье. 3 января 1815 года полк был «распущен восвояси».

«Так из числа защитников Отечества возвратились и наши храбрые калмыки, и закончилось выступление калмыков на защиту Отечества о вторгшегося неприятеля», – приводит Прозрителев выдержку из «Восточных известий» за № 48 1814 и заключает: «...а с ним и померкла былая слава калмыцкого народа».

В заключение Г.Н. Прозрителев пишет о том, что заслуги калмыков перед Россией призывают их к бодрому и разумному стремлению стать рядом с народами, «завоевавшими себе место в семье культурных народов». Следует обратить внимание на то, что труд «Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественной войне 1812 года», автором-составителем которого является Г.Н. Прозрителев, написан с целью установления отношений взаимопонимания и взаимоподдержки русского и калмыцкого народов.

Значение этой работы для нас сегодня еще и в том, что она дает «ключ» к взаимному уважению между народами Северного Кавказа: каждый народ имеет богатую историю, культурные традиции и значимую роль в межкультурном диалоге.

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрющенко Т.Н.

Историко-краеведческий музей с. Татарка,
заведующая,

Драчева О.Н.

Историко-краеведческий музей с. Татарка,
научный сотрудник.

«Из истории села...»

Театрализованный музейный урок для учащихся 1-5 классов

Действующие лица и исполнители:

- два воина периода средневековья,
- казак,
- казачка,
- старец,
- летописец,
- 12 чтецов.

В центре зала установлено «Колесо истории», с датами: «VIII в. до н.э.», «1777 г.», «1818», «1833», «1835-1870». Летописец листает страницы истории.

Девушка в костюме казачки:

Русь...Россия! Слово-то какое!

Но с аккордом созвучных слов

Наплывает, льется потоками

Светлой музыки вечный зов.

С этим зовом вдыхаю зори я,

Пью березы пьянящий сок

И из желтых страниц истории

Выбираю один листок.

Выход летописца с листком истории.

Чтец:

В VIII – VII веках до новой эры

Родился город на земле родной
И не одно людское поколение
Нашло здесь кров и счастье, и покой.

Культура поздняя из бронзового века
До нас дошла через века.

Здесь жизнь древнейшего человека
Лилась бурливо, как течет река.

Театрализация «Поединок воинов».

Чтец:

Кобанцы жили здесь, и скифы кочевали.
Сарматы тут прошли, разрушив города.
Потом хазары укреплялись.
Погибли и они под натиском врага.

И печенеги были тут, аланы и болгары.
Но городище сохранилось и стоит.
А память наша, россияне,
Историю ту бережно хранит.

Продолжим свой рассказ
Не со столь далеких дней:
Когда Кавказ
Сторожевыми башнями венчался.
Кзаки жен везли сюда,
Везли своих детей.
От них счет времени
По-новому начался.

Из Воронежской, Курской, Тамбовской губерний
Шел народ за мечтою своей
О свободных и новых землях,
О богатстве южных степей.

Чтец:

В глубокой балке под горой,
На берегах реки Татарки
Появился хуторок

С загадочным названием «Татарский».

Чтец:

Вскоре надел земли крестьянам дали,
Тогда селом наш хуторок назвали.
Через 2 года он стал станицей –
Ведь получил наказ из столицы.

Театрализация.

Выходят казак со свитком, и говорит казачке, показывая на грамоту:

– Указ Александра пришел намедни:
Казачье войско усилить немедленно.
Чтобы границы наши стали прочнее,
К казакам причислить гражданское население.

Все казенные селения Кавказской области
Перевели в казачье сословие полностью.

За 35 лет жизни станичной
Построена церковь, открыта Криница.

В XIX веке, году 43-м
Построена церковь была.
И Матери Божьей Казанской иконы
Та церковь наречена.

Из бревен дубовых,
С железною крышей,
На камне стояла она.

Под звон колокольный,
Так громко звучащий,
Все семьи спешили сюда.

По праздникам важным
И в дни выходные
Жила так станица моя.

Чтец:

Есть в татарском лесу
Богом данный Родник.
С серебристым журчаньем
Из скалы он возник.

Чтец:

Богатством лесов, родников и зверья
Всегда гордилась сторонка моя.
А местный скот всегда тянулся в лес –
Попить воды и сочной травки съесть.

Чтец:

Елена Бабичева часто находила
Своих коров у этого ручья.
И сон однажды чудный ей приснился:
В нем старика увидела она.

Идет навстречу старец древний
С клюкой в руке
И тихо молвит ей:

Старец:

– Елена, место здесь святое,
И воды тут чудесные бегут.
Сруб пусть поставят и часовню,
Молебен с водосвятьем проведут.

Чтец:

Отец Мефодий первый тот молебен
Провел на роднике Святом.
И место то благословило Небо:
Поставили здесь сруб с крестом.

И все пошли к Божественной кринице,
Чтобы воды Святой напиться,
Искупаться в ее водах, исцелиться.

Чтец:

И молва о народном

Чудотворном ручье
Разнеслась далеко
По родимой земле.

И паломники шли
И идут до сих пор,
Чтоб, водицы испив,
Дать болезням отпор.

Казак и казачка обходят гостей, предлагая «испить Святой воды». На подносах у них стаканы с водой.



Опыт взаимодействия экологии и искусства на примере картинной галереи П.М. Гречишкина

В современном мире много глобальных проблем, которые требуют своего решения. Одна из главных проблем мирового сообщества – это экология. Обращение экологии к образовательной сфере не случайно, каждый год по вине человека происходят экологические катастрофы, для выживания человечеству необходимо новое поколение людей, которые были бы экологически грамотны, обладали высоким духовно-нравственным потенциалом.

Воспитание уважительного отношения к природе связано с решением одной из проблем школьного образования, заявленного в контексте «Школа России», – формирование экологической этики и освоение экологической культуры учащимися. Эта деятельность включает анализ отношения к миру природы, оценку поступков, выработку экоадекватных норм жизни и направлена на духовно-нравственное саморазвитие личности во взаимодействии с природой. Формирование целостного мировоззрения, экологической культуры как культуры нового качества – адекватной возможности природы, выполняющей адаптивную функцию между человеком и природой, органично входит в проблему эколого-эстетического воспитания и образования школьников средствами изобразительного искусства. Искусство во все времена считалось величайшей силой эмоционального воздействия на самые тонкие сферы человеческой личности.

Воспитанием экологической культуры средствами искусства в Краевом центре экологии туризма и краеведения занимается лаборатория «Прикладной экологии». Приобщая школьников к экологической культуре, она привлекает культурное наследие города, в частности, картинную галерею заслуженного художника России П.М. Гречишкина. В 1987 году художник подарил городу Ставрополю 167 живописных пейзажных полотен, что послужило образованию картинной галереи при Ставропольском государственном краеведческом музее им. Г.К. Праве. Картинная галерея в городе действует уже на протяжении 19 лет. За весь период ее существования она пополнилась новыми творческими работами и насчитывает сегодня 430 живописных полотен. За все годы ее посетили 380 000 человек. Творчество художника относится к реалистической шко-

ле. География картин обширна: это многообразие ландшафтов Ставропольской возвышенности, степи и горные вершины Северного Кавказа, озера Маныч, Байкал, средняя полоса России, русский Север, Урал, реки Дон, Волга, Кама, уральская Вишера, остров Валаам, Соловки, Кизи и другие уголки России. Большое значение в собрании коллекции имеют зарубежные работы. Поездки за границу в разные годы принесли художнику много интересного натурального материала, массу впечатлений. Италия, Франция, Египет, Япония, Мексика, Индия, Непал – картины об этих странах не просто иллюстрации, зарисовки ландшафта – это прежде всего экспрессивный, эмоциональный рассказ о самом характерном, главном для страны. В работах нет ничего случайного, не характерного для образа пейзажа.

Изучить творческое наследие живописца еще предстоит в будущем. Но, что интересно, художник как «эколог» заявил о себе еще в 1958 году прошлого века. Ставропольский музей краеведения в это время начал реконструкцию отдела природы, и Гречишкин оказался непосредственным участником этой работы. «При этом обязательно должны соблюдаться два условия: строгая научность содержания и высокие художественные достоинства экспонируемых картин, что может быть достигнуто путем совместной работы специалистов – биолога или географа и квалифицированного художника» (2, с. 153). О качестве выполненной работы можно судить по работе-отчету, который предоставил В.В. Скрипчинский в «Материалах по изучению Ставропольского края» выпуск, 11 1964 года. Кроме живописных, композиционных качеств, в работах есть главное качество – это научность, при всей обобщенности, выделении характерного, главного в пейзаже, остается достоверность, узнаваемость ландшафта.

«Научно-познавательная ценность этих картин определяется тем, что каждая из них изображает типичный участок леса или луговой степи, запечатленный в строго определенный момент времени реалистическими методами живописи, и потому имеет характер научного документа» (2, с. 159). Общение с учеными отразилось на дальнейшем творчестве художника. Вот откуда эта точность рисунка, «скрупулезность» в деталях, стремление передать узнаваемость местности, но в то же время обобщенность, декоративный цвет. Живописца часто упрекали в «фотографичности» картин, но за этим кроется научный подход к изображаемому пейзажу.

«П.М. Гречишкин в своих полотнах избегает бурь и штормов. Эти явления природы у него вызывают чувство тревоги и неуют. В живописи для этого нужен иной подход и характер самого художника» (1, с. 7). Художник внутренне гармоничен, от его слов веет теплотой и народной мудростью. Хозяин мастерской приветлив и добродушен, и поэтому не случайно у него побывало

столько гостей: художники, студенты, интеллигенция, рабочие, гости из других городов и стран».

В 1972 году художник отметил свое пятидесятилетие персональной выставкой. Интерес к ней был огромен. В.В. Скрипчинский приводит несколько цифр (3, с. 120): выставку посетило около 16 тыс. человек, в книге отзывов сделано 365 записей, из них 354 с положительной оценкой, в 7, наряду с положительной оценкой, высказывались критические замечания и пожелания, и только в 4 – что выставка их не удовлетворила. Приведем часть отзывов из выставки 1972 года и наших дней:

«Выставка особого впечатления не произвела. Много стандартных картин-фотографий» (Студенты 1 курса Ставропольского художественного училища). «Очень жаль, что в больших холстах присутствует чисто формальное решение» (Студент МГХИ им. Сурикова).

«В картинах много поэзии, но нет легкости, есть перегруженность, тяжесть красок» (Без подписи).

«В основном картины понравились, но во многих встречаются повторения приемов и цвета. В картине «Лесная прохлада» слишком много однообразия красок, а поэтому не чувствуется настроения (Студенты 4 курса Ставропольского художественного училища).

Есть еще три отзыва с критическими замечаниями, но они не столь существенны. Приведем теперь отзывы с положительными впечатлениями:

«Великолепно! Почему бы не издать набор репродукций?» (Студентка пединститута).

«Решил, буду художником» (Алик, 9 лет).

«Приветствуем Вас, о, певец Кавказа. Преклоняем свои головы перед Вами... мы Вас все глубоко уважаем и любим» (Ученики 8-го класса).

«Посещая Вашу выставку, дорогой Павел Моисеевич, молю об одном: дай Вам Бог творческого долголетия. С огромным уважением к Вам Евгений Курганов» (Белгород. 20. 06.1996).

«Павел Моисеевич! Мы благодарим Вас за красоту, которую Вы показали на всех полотнах. Многие картины нам близки и понятны. Желаем Вам творческих успехов» (26.04.1997, БХФ СГУ, биологи, 3 курс).

«Спасибо автору и многие лета. Чувства от общения с большим мастером глубокие, сильные впечатления навсегда» (Министр финансов Погорелова 15. 05.1997).

«Второй раз с большим удовольствием посетила картинную галерею. Самые добрые и нежные чувства и низкий поклон Человеку Мира, Мастеру» (Касаткина Ирина Васильевна. Москва, 30.07.2003).

«Гимн Земле! Жаль, что наши потомки увидят ее только на картинах. Любовь! Мощь, красота! Низкий поклон Вам!» (Лопатина Л.В., Ипатовский р-н, 30. 07. 2003).

Такая высокая оценка деятельности живописца не случайна. На базе картинной галереи Гречишкина предполагается развивать у учащихся умение видеть в произведениях искусства то, что побуждает художника к творчеству – любовь к родной земле, человеку, истории Отечества. Стремление эстетически наполнить повседневную жизнь, способствовать формированию особых качеств мышления, творческого воображения на основе понимания специфических законов и творческих принципов пейзажного искусства.

Учащиеся, познавая пейзажную живопись, не просто знакомятся с эволюцией отношений человека к природе на протяжении веков, но и приобретают идеалы, эталоны этих отношений. Тем самым искусство содействует обогащению их духовного и нравственного опыта, тренирует их в принятии решений по защите окружающей среды. Одновременно художественные произведения воздействуют на личность эмоционально, помогают учащимся воспринять и почувствовать мир как нечто целое. Такое восприятие возможно лишь в процессе общения с искусством, которое ценно по своей сущности и является образным отражением действительности.

Именно поэтому лаборатория «Прикладной экологии» обращается к творческому наследию художника П.М. Гречишкина. Рассматривает искусство как мощное средство, позволяющее адаптировать выработанные общечеловеческие ценности к жизни конкретных людей и обществ. Воздействуя посредством конкретных образов, идеалов, прежде всего на духовную сферу школьника, на его чувства, эмоции, переживания, искусство вносит глубокие изменения в душу ребенка, формирует соответствие внешней гармонии учащегося. Для молодого поколения общение с искусством на таком высоком уровне особенно важно.

Использованная литература и источники:

1. Авдеева Т.Д. «Павел Гречишкин. Живопись».- Ставрополь, 2005.
2. Скрипчинский В.В. «Времена года ставропольской лесостепи в картинах П.М. Гречишкина» // МИСК вып. 11.- Ставрополь, 1964.
3. Скрипчинский В.В. «Природа в творчестве П.М. Гречишкина» // МИСК, вып. 16. - Ставрополь, 1974.

Швырева А.К.

Ставропольский государственный музей-заповедник
им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующий отделом природы,
кандидат биологических наук
заслуженный работник культуры РФ

**Отдел природы: история и программа развития
до 2012 года
(концептуальные предложения)**

Музей, будучи социальным институтом на службе общества, постоянно был под контролем директивных органов и являлся очень идеологизированным. Вступив в третье тысячелетие, он получил почти полную свободу в выборе концептуальных решений своего дальнейшего развития. Музей все больше занимает особое место в культурном пространстве, а также в системе учреждений науки и образования, выходит за рамки культурно-просветительного учреждения и преобразуется в научно-просветительное учреждение культуры. В соответствии с этим изменяются положение и функции отдела природы в системе музея. Возрастает его значение и социальная роль в связи с актуализацией проблем экологии и взаимоотношения человека и природы. Отдел природы уже не может ограничиваться образовательной функцией. Она как бы отодвигается на второй план. На первое место выдвигаются просвещение и изучение, возникает коммуникационная функция.

В связи с преобразованием Ставропольского краеведческого музея в историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник возникла необходимость разработки новой модели отдела природы и программы его развития на ближайшие 5 лет. Новый отдел природы строится не на голом месте, он имеет глубокие исторические корни.

Из истории отдела природы

Отдел природы в структуре Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе – старейший. Существует он со дня основания музея. Его история, подобно реке, имеет два истока, которые вначале развивались независимо друг от друга. Один из них – Городской музей учебно-наглядных пособий по естествознанию, в основу которого легла частная природоведческая коллекция видного общественного деятеля, местного нотариуса Георгия Константиновича Пправе (1862-1925). В декабре 1904 года училищная комиссия Ставропольской городской думы приняла решение о создании в Ставрополе музея учебно-наглядных пособий, но, к сожалению, офи-

циальных документов об этом событии не сохранилось. Документально он был оформлен в 1905 году. Основным назначением этого музея была научно-просветительская деятельность и помощь учителям естествознания в обеспечении наглядности на уроках. Музей продолжительное время даже не имел своего постоянного помещения.

Вторым истоком отдела природы является Ставропольский музей Северного Кавказа, основателем которого был общественный деятель, ученый, юрист Григорий Николаевич Прозрителев (1849–1933). Официально этот музей был учрежден решением Ставропольского губернского статистического комитета 24 февраля 1905 года. Это был комплексный музей, построенный по краеведческому принципу. В структуре его был естественно-исторический отдел с подотделами: а) позвоночные животные, руководителем которого был известный кавказовед и зоолог Н.Я. Динник; б) беспозвоночные животные (руководитель К.А. Запасник); в) геология, минералогия, палеонтология (руководитель К.С. Белецкий). Первоначально здесь был и отдел ботаники, в развитие которого большой вклад внес А.П. Норман. Располагался музей в здании губернского присутствия (ныне ул. Советская, 5).

В 1927 году указанные музеи были слиты в единое учреждение, функционирующее и по сей день (ул. Дзержинского, 135).

Основополагающими компонентами любого музея являются фонды и экспозиция – это сердце и лицо музея.

Естественнонаучный фонд отдела природы сформирован на основе следующих коллекций:

- Коллекция Городского музея учебно-наглядных пособий по естествознанию: чучела животных разных зоогеографических областей Земли, в том числе и памятники таксидермического искусства; геологические образцы; палеонтологические коллекции; энтомологическая коллекция; коллекция учебно-наглядных пособий начала XX века.
- Коллекции Музея Северного Кавказа: геологическая и палеонтологическая коллекции, гербарий, чучела сельскохозяйственных животных.
- Экспонаты, собранные «кавказским Брэмом» – Н.Я. Динником (чучела животных Кавказа, рога копытных животных).
- В 30-е годы XX века в музей поступила коллекция энтомолога В.Н. Лучника.
- В 50-е годы XX века собран гербарий «Флора Ставропольского края».
- В 80-е годы XX века поступила большая коллекция тропических бабочек коллекционера В.В. Щербины.
- В это же время фонды пополняются уникальной коллекцией минералов геодезиста Н.В. Карманова.

- Постоянно идет пополнение палеонтологической и геологической коллекций за счет полевых сборов, даров и закупок.

В настоящее время естественнонаучный фонд отдела природы насчитывает более 44 048 единиц хранения, из которых в основном фонде – 41 990.

Экспозиция отдела природы эволюционировала от бессистемного показа предметов к систематическому, а затем и к тематическому экспонированию. Первоначальная экспозиция скорее напоминала кунсткамеру, где были представлены экспонаты по общему землеведению и географии, по систематике животных и растений и даже медицинские препараты. Располагалась она в двух залах. Фондовых помещений в то время не было. В это время социальная роль экспозиции сводилась к простому созерцанию и развлечению.

Первая систематизированная экспозиция, в основу которой легла структура по компонентам природы, была построена после Великой Отечественной войны (автор – заведомо природы Я.А. Миронов). В связи с тем, что в первой половине XX века господствовала идея покорения природы и преобразования ландшафтов, особо была выделена модная в то время тема «Сталинский план преобразования природы»: в вестибюле на второй лестничной площадке, была построена большая диорама, посвященная этому вопросу. Социальная роль отдела природы изменилась. Он служит целям изучения, обучения и просвещения. Однако в целом экспозиция была крайне несовершенной, плохо оформленной в художественном отношении, а посему – слабо аттрактивной. Долгое время отдел по всем направлениям работы обслуживался одним научным сотрудником.

В 1950-е годы началось глубокое изучение природы Ставропольского края. Неоценимый вклад в это внесли ученые-краеведы В.Г. Гниловской, В.В. Скрипчинский, В.Н. Кононов, В.Г. Танфильев, Ю.А. Дударь, П.А. Костин, А.С. Щитов, П.А. Резник и многие другие. По мере изучения края шло активное накопление краеведческого материала. На базе новых сборов и при использовании старых материалов была осуществлена коренная перестройка экспозиции, в основу которой легла типовая структура отдела природы, рекомендованная НИИ культуры.

Новая экспозиция была оформлена на более высоком научном и художественном уровнях. Новинкой стали ландшафтные диорамы (художник В.С. Дибров), макеты фенологических сезонов года и реконструкции ландшафтов по эрам и периодам (художник Ф.Ф. Воротников), почвенные монолиты, серия картин, выполненная по специальному заказу членом Союза художников СССР П.М. Гречишкиным. Экспозиция стала более аттрактивной.

По сложившейся традиции, была сохранена экспозиция по систематике животного мира, которая, как непрофильная, располагалась в отдельном зале.

Данью тому времени стало внесение в структуру этой экспозиции материалов по эволюционному учению Ч. Дарвина. Экспозиция систематического зала располагалась в старинных шкафах, доставшихся в наследие от музея Г.К. Пправе.

Полная реконструкция экспозиции отдела природы была завершена к 1959 году (завотделом Ю.А. Дударь). В таком виде она просуществовала вплоть до декабря 1983 года. Началась надстройка третьего этажа здания музея, экспозиция была свернута, экспонаты эвакуированы на временное хранение в здание мечети.

Летом 1985 года коллекции возвратились в преобразившееся здание музея. На первых порах была восстановлена старая экспозиция, но она превратилась в экспозицию выставочного типа. Начались работы по проектированию новой экспозиции отдела природы, на более высоком научном и художественном уровнях.

Проектом новой экспозиции занималась группа художников-оформителей из Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР под руководством В.П. Наливайко, на счету которого уже было оформление нескольких замечательных музеев страны. Разработаны были архитектурный замысел экспозиции, элементы архитектурных конструкций экспозиционных залов, согласована на всех уровнях структура новой экспозиции. Приступили к разработке монтажных листов. Работы двигались в хорошем темпе, но, к сожалению, были прерваны начавшейся перестройкой в стране, отодвинувшей наши проекты на неопределенное время.

Возрождение экспозиции началось в конце 1990-х годов.

В настоящее время в экспозиции представлены следующие разделы:

- Минералы, горные породы, полезные ископаемые края (открыта в 1999 году, авторы Ю.П. Смирнов, А.К. Швырева).
- Живое прошлое Земли (эволюция органического мира). Построена в 2001 году, автор А.К. Швырева.
- Животный мир Земли (открытый показ фондов). Построена в марте 2005 года, автор экспозиционного замысла В.Г. Данилевич.
- Мир насекомых (открыта в 2006 году, автор экспозиционного замысла А.К. Швырева).

По существующему замыслу, модель нового отдела природы строится из восьми крупных блоков, в основе которых лежит работа с естественнонаучным фондом.

В структуре музея-заповедника отдел природы должен превратиться в самостоятельное и многофункциональное подразделение. Помимо своих основных функций, – хранение, документирование природы края, научно-

исследовательская и образовательно-воспитательная деятельность, – это подразделение должно на основе природоведческого мониторинга определить закономерности формирования традиций культурно-исторического и хозяйственного развития региона в контексте освоения природного пространства, выявить и описать уникальные объекты природы, начать их актуализацию и включиться в процесс музеефикации на территории музея-заповедника памятников природы и исторических объектов.

Основные задачи отдела природы на предстоящее пятилетие

1. В области кадровой политики:

- В связи с преобразованием музея в музей-заповедник расширяется круг обязанностей и задач, стоящих перед отделом природы. Поэтому необходимо довести штатный состав отдела до 16 единиц.
- Обязать каждого научного сотрудника вести научную тему и раз в полугодие отчитываться о проделанной работе.
- Ввести в практику ежегодные стажировки научных сотрудников отдела на базе крупнейших музеев страны.
- Внедрить научную организацию труда творческих сотрудников, учитывая факторы стабильности, реальности и конкретности.

2. В области исполнения хранительской функции:

- Завершить сверку ныне существующего естественнонаучного фонда.
- Создать надлежащие условия хранения природоведческих коллекций за счет расширения площадей фондохранилищ минимум на 200 м²; в одном из них развернуть открытый показ непрофильной коллекции «Животный мир Земли».
- Создать реставрационную и модернизировать таксидермическую мастерские.

3. В области научно-исследовательской работы:

- Предусмотреть развитие научно-исследовательской работы в трех основных направлениях: а) научная обработка и описание коллекций отдела; б) работа над новыми экспозициями и выставками; в) разработка программ в сфере музейной коммуникации.
- По мере развития локальной компьютерной сети необходимо подключить отдел природы к основной информационной магистрали музея, обеспечив доступ каждого научного сотрудника к сети Интернет и открытие персонального электронного почтового ящика. В целях совершенствования информатизации отдела необходимо

увеличить парк персональных компьютеров, установить в отделе лазерный принтер и один сканер.

- Установить природоведческий мониторинг на территории музея-заповедника.
- Разработать и построить комплексный геоморфологический профиль, определяющий план научно-исследовательской работы каждого научного сотрудника на предстоящие 5 лет.
- Скорректировать план научного комплектования естественнонаучного фонда.
- Восстановить комплектование фонотеки голосов природы.

4. В области экспозиционных работ:

- Использовать компьютерное проектирование экспозиций.
- Построить ландшафтную экспозицию «Природа Ставропольского края».
- Ввести в экспозицию новый экспозиционный прием – витрины диорамного типа, где смоделирован не какой-то определенный ландшафт, а представлен обобщенный характер биотопа и наиболее полно показан его видовой состав.
- Модернизировать геологическую экспозицию.
- Построить ряд природоведческих выставок из фондов музея.

5. В области менеджмента, маркетинга и развития коммуникационной функции:

- Совершенствовать старые формы научно-просветительной деятельности в направлении совмещения образования и экологического воспитания, развлечения и отдыха.
- Разработать и внедрить новую форму знакомства посетителей с экспозицией – при помощи обучающих гидов, с учетом возрастных категорий посетителей; организовать продажу обучающих гидов.
- Ввести такие новые формы экологического просвещения как экологические праздники (программа разработана в 2006 году), экологические игры, викторины.
- Организовать производство и реализацию сувенирной продукции с символикой отдела природы.
- Приступить к изданию и реализации полиграфической, в том числе и рекламной, продукции отдела природы.
- Систематически вести социологические исследования, выявляющие социальные запросы посетителей, чтобы отдел природы стал привлекательным для публики.

Чтобы достичь успеха в исполнении предлагаемой программы, необходимо знать свои сильные и слабые стороны.

Сильные стороны:

- музей находится в центре краевого центра;
- отдел располагает уникальным естественнонаучным фондом;
- отдел природы – самый востребованный в структуре нашего музея;
- на данном этапе отдел укомплектован достаточно опытными специалистами;
- отдел природы пользуется авторитетом в научных и общественных кругах.

Слабые стороны:

- на сегодняшний день главная проблема – это проблема недостаточного финансирования;
- недостаток экспозиционных и фондовых площадей;
- отсутствие помещения для работы кружков и клубов по интересам;
- популяризация собраний отдела природы, краеведческих и естественнонаучных знаний сдерживается отсутствием выставочного и лекционного залов;
- некоторая недооценка значения отдела природы в структуре музея;
- частое использование экспозиционных залов отдела природы временными приезжими выставками, что отучает традиционные целевые группы музея от систематического посещения отдела природы и использования его возможностей для просветительных, обучающих и научных целей.

Изложенная выше программа является небольшой частью долговременного развития отдела природы. Разработка концепции развития отдела природы имеет большое значение в организации текущей работы, упрощает управление коллективом, помогает каждому сотруднику понять, каким планируется развитие отдела, и определить свой личный вклад в дело построения нового отдела природы.

Использованная литература

1. Государственный Дарвиновский музей. Итоги деятельности и программа развития до 2007 года (концептуальные предложения).- М., 2002. -120 стр., ил.
2. Наумов Г.Б., Иксанова И.В., Черненко В.В. Естественнонаучный музей в структуре современной культуры // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков. М., 2001. - С. 128-136.
3. Музейные термины. Терминологические проблемы музееведения. Сборник научных трудов. М., 1989. -135 с.
4. Музеи. Маркетинг. Менеджмент. М.: Прогресс-Традиция. 2001.-224 с.

5. Ключкина А.И. Обучающий гид – новая форма музейной научно-просветительной работы // Журнал «Музеи России».- Вып.8.- М.:ГИМ,2001. - С.14-16.

6. Плавильщиков Н.Н., Яковлев А.А., Гиллер А.Г. Экспозиция отдела природы краеведческих музеев. - М.: НИИ краеведческой и музейной работы, 1946. - 94 с.

7. Плавильщиков Н.Н., Яковлев А.А. Как показать природу в краеведческом музее. М.: Госкультпросветиздат, 1950. - 207 с.

8. Савенко С.Н., Данилевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. - Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005. - 176 с.



ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барabanова Е. Г.

Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
научный сотрудник

Исследование клада 5-копеечных российских монет второй половины XVIII века из ст. Александрийской Ставропольского края

В обширном нумизматическом собрании музея (около 6 000 экспонатов) имеют место несколько разнообразных монетных кладов. Одним из самых крупных является клад российских пятаков второй половины XVIII века.

Клад весом 40,5 кг в составе 795 медных монет поступил в Ставропольский краеведческий музей в мае 1969 года. Передал его Поляков Анатолий Сергеевич – житель станицы Александрийской Ставропольского края. По его рассказу, монеты были найдены на его собственном земельном участке в апреле 1969 года.

В музее клад был первично систематизирован, монеты почищены и законсервированы. В обработке и определении клада принимали участие коллекционеры-нумизматы, консультанты музея – Сергей Константинович Даль и Иван Дмитриевич Будников.

В составе клада – 795 медных пятикопеечных российских государственных монет второй половины XVIII века. Самые ранние монеты датируются 1758, самые поздние – 1796 годом. Таким образом, выпуски монет приходится на правления трех российских царственных особ – Елизаветы Петровны (1758-1761 гг.), Петра III (1761-1762 гг.) и Екатерины II (1762-1796 гг.). Все монеты имеют однотипный внешний вид и одинаковый вес. Дело в том, что в 1767 году устанавливается устойчивая медная стопа в 16 рублей из пуда, продержавшаяся до начала XIX столетия, – отсюда стабильный вес каждой монеты – 51 г. Устойчивость проявилась и во внешнем виде монет – вензель императриц (Елизаветы и Екатерины II) в пальмово-лавровом венке на одной стороне, на другой – государственный герб, под которым на бандероли обозначено достоинство монеты. Небольшое исключение составляют 7 монет, представляющих перчеканы: 1 монета – 10 копеек – 1762 г. Петра III – перчекан из 5 копеек Елизаветы Петровны. Явление весьма любопытное, но не редкое в истории монетного дела. Проект графа П. И. Шувалова был реализован в правление Петра

III: попытка удвоения ценности медных монет, извлечение государственной выгоды без особых дополнительных вложений. Во внешнем виде монеты тоже произошли изменения – в изображении появляются столь любимые Петром III военные трофеи.

По вступлении на престол Екатерины II в 1762 году перечеканка была немедленно отменена, а обратный перечекав возвращал монеты в прежнее состояние. 6 монет из клада прекрасно иллюстрируют этот процесс – на 5-и монетах Екатерины видны следы 10-копеечников 1762 года Петра III.

Интересную картину дает анализ монет по местам их чеканки.

Монеты Елизаветы Петровны (которых в кладах около 9 %) – это выпуски, в основном, Московского монетного двора – одного из старейших заведений страны. Небольшое количество пятаков (1763–1766 гг.) отчеканено на Санкт-Петербургском монетном дворе.

Основная масса монет клада (90,5 %) екатерининские пятаки – это чеканка Екатеринбургского монетного двора, причем очень наглядно показывает, как этот монетный двор в 60–80-х годах XVIII века набирает мощь и играет ведущую роль в чеканке медной монеты в стране.

2 редкие монеты (1787–1788 гг.) с обозначением «ТМ» – «Таврическая монета» – чеканились в Феодосии, на бывшем ханском монетном дворе.

2 монеты сибирской чеканки (1782, 1785 гг.) Колыванского монетного двора.

Пятикопеечник (1763 г.) Сестрорецкого монетного двора под Петербургом, здесь чеканили монеты из пушечной меди.

В 1789 году открылся еще один монетный двор, на Урале – Аннинский – в Пермской губернии. В составе клада 19 монет с обозначением «АМ» датированы 1789–1796 годами.

В ходе изучения клада возникал закономерный вопрос о его происхождении. Первоначальная версия была такова: станица Александрийская, где был найден клад, основанная предположительно в 1783 г., расположена в настоящее время, как и в прошлое, на оживленной трассе г. Минеральные Воды – г. Георгиевск. В XVIII веке здесь проходил Большой Черкасский тракт, который соединял Ставрополь с крепостями Азово-Моздокской линии, в том числе с Георгиевской. Однотипность номинала монет указывала на то, что клад не представлял личное сбережение. И он был определен как обычная русская казна, направленная на военные или другие нужды, например, жалованье, предназначавшееся русским солдатам, служившим в Георгиевской крепости. Такая версия принималась и мной, пока не пришлось более детально и глубоко изучать и сам клад, и сопутствующие этому периоду исторические обстоятельства.

При этом был обнаружен целый ряд фактов, заставлявших искать другое объяснение происхождения клада:

1. Сумма клада, несмотря на огромное количество монет (39 рублей 75 копеек), незначительна для выплаты жалованья или казны.
2. Датировка происхождения клада по последним монетам может быть отнесена к 1796 году. К этому времени в России уже 27 лет существовали бумажные деньги, которые стабильно вошли в финансовую жизнь страны, и перевозить казну в медных, самых тяжелых монетах невысокого номинала не представляется логичным.
3. Однообразие номинала монет (только пятикопеечные) скорее свидетельствует об особой цели перевозки денег.

Вернемся еще раз к дате происхождения клада – 1796 году.

Незадолго до смерти Екатерины II в условиях кризисного состояния финансов России был выдвинут план удвоения достоинства всей находящейся в обращении медной монеты путем перечеканки ее из 16-рублевой в 32-рублевую стопу.

Автором проекта был последний фаворит императрицы П.А. Зубов. Несмотря на явную авантюристичность проекта (ведь «порча» монеты никогда не приводила к стабилизации денежного обращения), проект был одобрен Екатериной II, и началась подготовка к его осуществлению. 6 монетных дворов были переориентированы на эту работу. Уральский и Сибирский монетные дворы должны были чеканить новую легковесную монету. Причем работу наказано было строжайшим образом производить без всякой огласки.

Казенным палатам и Ассигнационному банку было предписано отпускать старую монету по первому требованию монетных дворов. Одним из звеньев этого плана был сбор медной монеты – все соответствующие учреждения должны были разбирать поступающую к ним медную монету по номиналу и передавать ее казенным палатам и т. д. Перечеканка медных монет началась в августе 1796 года. Таким образом, становится ясной реальная картина происхождения клада.

В далеком 1796 году по Большому Черкасскому тракту специальная служба везла в сторону центра ящики с рассортированными медными монетами, которым предстояло быть перечеканенными в монеты другого номинала.

Можно только предположить, как один из ящиков с монетами был припрятан и зарыт. Возможно, известие о кончине императрицы стало причиной этого факта. Но это уже исследование скорее уголовное, чем историческое.

Использованная литература и источники

1. Дьячков А. Н., Уздеников В. В. Монеты России и СССР. Москва. – 1978 г.
2. Рылов И., Соболин В. Монеты России и СССР. Каталог. ТПА «ПРУФ». Москва. – 1994 г.

3. Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд-во «Аврора». Ленинград. 1970 г.
4. Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. Москва. «Финансы и статистика». 1994 г.



Гончарова Г.А.
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующая музеем-усадьбой В.И. Смирнова

Материалы И.Д. Сургучева в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе

Главной задачей моего сообщения является обзор материалов о жизни и творческой деятельности Ильи Дмитриевича Сургучева, которые хранятся в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Фонд Сургучева, вне сомнения, является достоянием, которое требует дальнейшего изучения и введения в научный оборот.

Прежде чем начать обзор фонда, считаю необходимым остановиться на вопросе его формирования, т. к. источник поступления и сопровождающая информация являются важнейшим критерием оценки полученного материала и зачастую становятся частью документального фонда.

Основу фонда составляют подлинные вещи, документальные и письменные источники и копии документальных источников, которые сохранила и передала в музей внука Ильи Дмитриевича Сургучева Ильинская Татьяна Николаевна.

В августе 1988 года, по рекомендации родственников известного советского дипломата Коломийцева и в связи с выходом в издательстве «Современник» сборника рассказов И.Д. Сургучева, она обратилась с письмом к директору Ставропольского краеведческого музея Охонько Н.А. с предложением передать в фонды музея материалы, связанные с жизнью и творческой деятельностью своего деда – ставропольского писателя И.Д. Сургучева. Письмо Татьяны Николаевны нашло живой отклик. К дальнейшим переговорам по передаче материалов была привлечена Усова Изабелла Александровна – одна из опытных работников краеведческого музея. В результате завязавшейся переписки и обоюдных советов у Татьяны Николаевны вскоре сформировался настоящий музейный фонд, в который вошли и копии печатных работ Ильи Дмитриевича, выявленные ею в ходе изыскательских работ в Государственной библиотеке им. Ленина.

В июне 1990 года Усова И.А. была командирована в Москву и привезла ценные материалы в Ставрополь. В течение короткого времени полученные

предметы и документы были зарегистрированы и оформлены в фонд И.Д. Сургучева.

В марте 2006 года приехавшая на торжества в честь 125-летнего юбилея своего деда Татьяна Николаевна Ильинская передала в дар музею еще 130 экспонатов, которые значительно дополнили уже ранее сформированный фонд.

Материалы фонда можно разделить на следующие группы:

- Подлинные вещи.
- Документальные источники.
- Письменные источники.
- Копии с подлинников.

К вещевым памятникам мемориального значения относятся:

1. Английская мужская панاما из твида серо-зеленого цвета, со слов Татьяны Николаевны, любимая вещь деда, служившая ему на протяжении многих лет.

2. Подставка для карандашей из письменного прибора, которым пользовался Илья Дмитриевич.

3. Шкатулка, инкрустированная перламутром, которая была подарена Сургучевым И.Д. своей дочери Клавдии в 1917 году.

4. Печатка с надписью «Бог мой – надежда» из архива семьи Сургучевых.

5. Веточка с листьями шиповника (гербарий) с куста, который растет на могиле И.Д. Сургучева.

6. Книга нот оперы Д. Оффенбаха «Прекрасная Елена», С.-Петербург, 1908г., с автографом И.Д. Сургучева.

7. Книга нот «Сборник романсов для баритона исполняемых Ф.И.Шаляпиным», С.-Петербург, 1897 г., с автографом И.Д. Сургучева.

8. Открытки, адресованные И.Д. Сургучеву. 1910-1915 гг. (Ставрополь, Москва, Италия).

Эти предметы имеют огромную экспозиционную ценность.

К группе документальных источников мы относим фотографии и прижизненные печатные издания И.Д. Сургучева.

Одним из самых замечательных экспонатов, бережно сохраненных, является альбом с любительскими фотографиями, выполненными самим Ильей Дмитриевичем во время пребывания его в г. Ставрополе в 1903 году. В альбоме 24 снимка, часть из них аннотирована самим автором. В фотоальбом вошли трогательные семейные фотографии: жены Ольги с дочерью Клавдией, самого Ильи Сургучева с матерью Софьей Петровной, всей семьи, уютно устроившейся во дворе дома по ул. Ясеновской, виды любимых уголков в Ставрополе и его окрестностях. Безусловно, время не пощадило фотобумагу, снимки утрати-

ли яркость и пожелтели, но современные технологии позволили восстановить изображения.

Семейные фотографии сохранились не только в альбоме. В фонды музея Татьяна Николаевна передала еще 23 фотографии, выполненные в разные периоды жизни И.Д. Сургучева, с 1899 по 1915 год. Это портреты родителей Дмитрия Васильевича и Софьи Петровны, его жены Ольги и ее родственников Меланьиных, дочерей Клавдии и Веры, друзей и однокурсников по Петербургскому университету.

Необыкновенно ценными являются прижизненные издания Ильи Дмитриевича: пьеса «Осенние скрипки», изданная в Берлине, рассказ «Соседка», напечатанный в январе 1909 г. в журнале «Вестник Европы», и в майском номере за тот же год – рассказы «Жизнь» и «В поезде». Интересны для исследователей творчества И.Д. Сургучева копии его рассказов «Путь звездный», «Еленучча», «Кровь цветов», «Прихожане прелестной Мариэтты», «Следы вчерашнего», «Английские духи» и «Сон», а также оттиски из журналов 1906–1916 гг. библиографических, критических публикаций, переписка Ильи Дмитриевича с редактором журнала «Кругозор» и М. Горьким.

Деятельность Ильи Дмитриевича как драматурга освещают четыре альбома. Первый альбом объемом в 20 страниц содержит 45 вырезок из столичных газет и журналов 1914-1915 гг. – «Театральное обозрение», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Театр и искусство», «Журнал журналов», «Обзор театров», «Рампа и жизнь». Все статьи подобраны согласно тематике, т. е. рассматривают, критикуют, хвалят и советуют посмотреть модные в то время спектакли: «Торговый дом» и «Осенние скрипки». Газетные статьи богато иллюстрированы фотографиями и шаржами на актеров, занятых в спектаклях: Книппер-Чехову и Жданову, Болеславского и Вишневого. Пашенной и Александровского, Яковлева и Смирнова. Вторым альбомом также посвящен жизни пьес И.Д. Сургучева на сценических подмостках дореволюционной России, он содержит 56 газетных и журнальных вырезок. Особенно ценными являются подлинные экземпляры расписания репетиций спектакля «Осенние скрипки» в МХАТе на театральный сезон 1914–1915 гг. и подлинная программа этого спектакля. Газетные статьи свидетельствуют о том широком интересе, который проявляла российская театральная общественность к пьесам И.Д. Сургучева, и любопытно посмотреть на них глазами современников. Альбомы содержат большое количество фотографий и репродукций, которые дают представление о декорациях спектаклей (Б. Кустодиева) в постановках Александринского театра и МХАТа.

Третий альбом посвящен спектаклю «Осенние скрипки», поставленному Московским художественным театром в 1915 году: включает вырезки из газет

и журналов, два билета в театр, счет из ресторана за ужин после спектакля и телеграмму на имя И.Д. Сургучева из Ставрополя в Москву. Четвертый альбом подобен предыдущему, но посвящен спектаклю «Торговый дом» по пьесе И.Д. Сургучева в постановке Александринского театра С.-Петербурга в 1913 году.

К ценным письменным источникам относится книга «Скрипок осенних протяжное пенье...», написанная Ильинской Т.Н., и ее рукопись «История двух семей», подготовленная ею по рекомендации Усовой И.А. Рукопись содержит воспоминания о родословных со стороны матери и отца. В основной фонд И.Д. Сургучева внесены переписка семьи Ильинских с Тургеневской библиотекой в Париже, Ленинградского музея театрального и музыкального искусства с Л.Г. Орудиной – библиографом Ставропольской краевой библиотеки им М.Ю. Лермонтова, а также письма, которыми обменивались Ильинская Т.Н. и Усова И.А. В коротких заметках к ним часто встречаются упоминания о людях и событиях, имеющих непосредственное отношение к жизни и творчеству И.Д. Сургучева. Так, например, Татьяна Николаевна рекомендовала обратиться к родственникам выдающегося ставропольского архитектора Воскресенского, который в свое время был хорошо знаком с ее дедом. И действительно, дочь Воскресенского – Евгения Николаевна (вышедшая замуж за выдающегося краеведа Владимира Георгиевича Гниловского) сохранила и передала в музей рукописный юмористический журнал «Стрекоза», издававшийся представителями интеллигенции города Ставрополя в начале XX в. и вокруг которого был в это время создан ставропольский литературный клуб. Многие рисунки этого журнала выполнены Николаем Воскресенским, и вполне вероятно, что с этим самиздатом был знаком и И.Д. Сургучев. Если говорить об окружении И.Д. Сургучева, то в сферу внимания каждого исследователя входят еще несколько фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника.

Это, безусловно, фонд К.Л. Хетагурова. Он, как и Сургучев, сотрудничал в газете «Северный Кавказ».

Фонд художника-академиста Василия Ивановича Смирнова – «Старого художника», так назвал его И. Сургучев в своем рассказе «Северный Кавказ».

Фонд Туапсинской железной дороги, в строительстве которой сыграл немалую роль Сургучев, будучи гласным городской Думы в 1910 году.

Говоря о смежных фондах, наверное, в первую очередь надо назвать фонд «Истории города Ставрополя», где хранятся сотни фотографий начала XX века с видами горячо любимого писателем города.

За последние годы фонд Сургучева пополнился новыми материалами: это большое количество печатных изданий о его жизни и творчестве Германа

Алексеевича Беликова, Людмилы Георгиевны Орудиной, Алексея Ивановича Кругова. В фонд Сургучева Г.А. Беликов передал свою переписку с Татьяной Николаевной Ильинской и ставшие уже редкостью фотографии «Сургучевских чтений» 1994 года, газетные статьи с материалами о постановке пьесы «Осенние скрипки» театром Романа Виктюка и Ставропольским драматическим театром им. Лермонтова.

Большинство представленных материалов размещены в экспозиции выставки «Писатель и город», которая открыта на базе «Музея-усадьбы художника В.И. Смирнова с мемориалом К.Л. Хетагурова».



Гордиенко А.Б.
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Инструментарий и продукция кустарных жестянщиков и кузнецов в собрании СГМЗ

При освещении вышеозначенной проблемы сделан акцент на орудиях металлообработки, распространенных у сельского и городского населения Ставрополья в конце XIX – первой половине XX вв. Отчасти это обусловлено подбором экспонатов, касающихся труда ремесленников-кустарей, которые имеются в фондах музея (большинство из них датируется именно этим периодом), отчасти – спорностью и актуальностью темы исследования. В силу преобладания в хозяйственной системе региона аграрного сектора вопрос о развитии здесь кустарного ремесленного производства не был достаточно изучен местными историками и краеведами. Отечественный исследователь О.Ф. Маргграф, изучавший эволюцию ремесел на Северном Кавказе в 80-х гг. XIX столетия, утверждал, что по сравнению с другими территориями Юга России, «менее всего кустарные промыслы развиты в Ставропольской губернии» (1, с. XVII). Этот факт подчеркивал и дореволюционный автор А.П. Архипов, акцентировавший внимание на домашнем характере промысловых занятий ставропольских крестьян (2, с. 53). Большой глубиной отличается подход известного ставропольского краеведа И.В. Бентковского. Последний, хотя и констатировал малочисленность ремесленников-кустарей в губернии, все же исследовал их состав по ряду критериев (количество мастеров той или иной специальности, их распределение по уездам, коренное или неместное происхождение). По сей день серия публикаций Бентковского в ставропольской прессе конца 70-х гг. XIX столетия является одним из ценных свидетельств существования кустарных промыслов в губернии и одновременно первой попыткой аналитического осмысления проблемы (3).

Советские и постсоветские исследователи, обращавшиеся к истории Ставрополья в дореволюционный период, также отмечали, что кустарные ремесла не оказали значительного влияния на хозяйственную жизнь региона. Так, С.А. Чекменев указывает, что «экономическое освоение северокавказских земель сосредоточивалось на развитии главным образом земледелия, животноводства и отчасти рыболовства» (4, с. 214). Причину неразвитости ремесленного сектора в хозяйственной структуре региона автор видит в особенностях «колониальной политики» царского правительства, которое рассматривало Юг

России как аграрный придаток империи и одновременно рынок сбыта для промышленных товаров, произведенных в центральных губерниях. Более взвешенная позиция высказывается в коллективной монографии Т.А. Невской, С.А. Чекменева «Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта». Слабое развитие кустарных промыслов на Ставрополье авторы связывают с тем, что товарные земледелие и скотоводство (в силу природно-климатической, географической и экономической специфики региона) стали основными видами хозяйствования крестьян-переселенцев и не оставляли времени для других видов хозяйственной деятельности. По мнению историков, препятствием к успешной эволюции отдельных ремесленных технологий было и отсутствие традиций (2, с. 53).

Представление о неразвитости кустарных промыслов на Ставрополье в дореволюционный период, устоявшееся в местной исторической и краеведческой парадигме, несмотря на свою обоснованность, мешало более детальной разработке темы. Кроме того, большинство исследователей советской и постсоветской истории региона также не уделяли достаточного внимания проблеме, изучая преимущественно развитие промышленности и сельского хозяйства края. Между тем, опыт историко-этнографических экспедиций музея и сборов предметов музейного значения, проводимых его сотрудниками, свидетельствует об устойчивости традиционных ремесленных практик среди населения Ставрополья (особенно в сельской местности). Несмотря на домашний характер ремесел в ставропольских селах, навыки кустарного производства зачастую передавались здесь из поколения в поколение. Это можно проследить и по истории формирования музейных коллекций.

Для рассмотрения выбраны ряд орудий труда ставропольских жестянщиков и кузнецов, образцы их продукции, имеющиеся в фондах музея. Акцентируем внимание на этих ремесленных практиках, поскольку они были наиболее высокоспециализированными видами кустарных промыслов и требовали особых навыков. Для ставропольских кузнецов и жестянщиков их ремесло зачастую имело характер основной профессии. В городах и селах Ставрополья образовывались целые династии мастеров-кустарей. Существование последних было обыденным явлением в регионе вплоть до 60-х гг. XX столетия. В силу этого, а также из-за вышперечисленных тенденций в исследовании хозяйственной жизни края, серьезный интерес к изучению феномена кустарных ремесел на Ставрополье наметился у научных сотрудников музея лишь в конце 1980-х гг. Именно тогда начинается целенаправленный сбор предметов музейного значения, касающихся указанной темы. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА в этот период велась по трем направлениям. Первое связано с историко-этнографическими экспедициями по районам края, проведенными сотрудни-

ми музея в 1988–1993 гг., второе – со сборами непосредственно в Ставрополе. Третьим источником являлись дарения.

Примером плодотворной реализации первых двух подходов является коллекция ремесленных инструментов, собранная сотрудниками музея в 1989–1992 гг. в г. Ставрополе и во время экспедиций по селам края. Коллекция была передана в фонды в 1993 г. (5) и включает 32 предмета (номера основного фонда 28263/1 – 28263/32) (6). Особый интерес здесь представляют наковальня двурогая малая (о.ф. 28263/1); тиски стуловые (о.ф. 28263/2) – найдены в с. Кугульта Грачевского района; станок точильный кустарного производства (о.ф. 28263/4) – привезен из с. Пелагиада Шпаковского района; зубило для рубки горячего металла (о.ф. 28263/7); станок сверлильный ручной, настенный (о.ф. 28263/30 – 28263/32) – произведен в г. Гуляй-Поле, привезен с нефтебазы в окрестностях Буденновска. Ряд перечисленных предметов датируются началом XX в. (тиски, сверлильный станок), другие – 1930–50 гг. (наковальня, точильный станок, зубило). Однако ценность последних состоит в том, что они произведены кустарным способом, с применением технологий, восходящих к более раннему периоду. Наковальня, переданная в фонды, важна как традиционное орудие труда кузнецов и жестянщиков, используемое в городах и селах Ставрополья в девятнадцатом – первой половине двадцатого столетий. Зубило иллюстрирует процессы рубки металла – необходимую составляющую кузнечного ремесла. Точильный и сверлильный станки могут рассказать об особенностях развития кузнечного дела на Ставрополье, ибо, в силу недостаточной специализации, кузнецы зачастую выполняли здесь слесарные и токарные работы.

Важным достижением в экспедиционной деятельности стали сборы предметов музейного значения во время поездки в Апанасенковский район края (июнь 1988 г.). Здесь сотрудникам музея был передан практически полный комплект оборудования для малой сельской кузницы и инструменты для слесарных работ (о.ф. 26139/1 – 26139/14). В качестве дарителя выступил потомственный кузнец, житель села Воздвиженского Емельяненко Николай Моисеевич (1914 г. р.). Его жизнь является ярким подтверждением тезиса о наличии династий мастеров-кустарей среди сельского населения Ставрополья. С 13 лет Николай Моисеевич был молотобойцем у отца. До 1934 г. Емельяненко работали по хуторам Апанасенковского района. После образования коллективных хозяйств они продолжали заниматься своим ремеслом в структуре колхоза «Пятилетка». После Великой Отечественной войны Николай Моисеевич до пенсии работал по специальности. До 1980-х гг. он являлся кузнецом колхоза «Дружба» с. Воздвиженского (7).

Среди переданных Емельяненко инструментов выделяются кузнечный мех (о.ф. 26139/1), молоток дляковки лошадей (о.ф. 26139/3), зубило шестигранное

(о.ф. 26139/7), пробойник (о.ф. 26139/8). Свидетельством тому, что кустарное производство не достигло в регионе высокой специализации и ставропольские кузнецы осваивали смежные специальности, является набор слесарных орудий труда (о.ф. 26139/10 – 26139/14), принадлежавших Николаю Моисеевичу, и сделанный им флюгер из жести «Всадник» (о.ф. 26139/9).

Ценность данной коллекции состоит в том, что она иллюстрирует большинство стадий металлообработки, характерных для кузнечного дела. Важно и то, что многие описываемые инструменты Емельяненко сделал собственными руками: в частности, кузнечный мех, зубило, пробойник, клещи (о.ф. 26139/4), совок кузнечный (о.ф. 26139/5). С одной стороны, это указывает на домашний характер ремесел и промыслов в регионе, с другой – на чрезвычайную устойчивость традиционных ремесленных практик в сельской среде.

Значимой является и коллекция изделий из дерева, инструментов и предметов быта пер. пол. XX в., собранная в этнографической экспедиции по Грачевскому и Шпаковскому районам заведующим отделом истории советского общества Плохотнюком В.С. (о.ф. 27298/27 – 27298/46) (8). Большинство из входящих в нее предметов было найдено в с. Кугульта в июне 1990 г. Нам интересны подаренные сельскими жителями деревянные киянки (о.ф. 27298/32, о.ф. 27298/33) – традиционные атрибуты труда жестянщика, используемые для сгибания тонких листов железа.

Существенная собирательская работа проводилась сотрудниками музея непосредственно в краевом центре. Значительна здесь заслуга В.В. Незанова, работавшего в структуре отдела истории советского общества. В частности, им собрано множество столярных, слесарных инструментов, бытовых предметов 1930–60 гг., которые были обнаружены при сносе домов в центральной части ул. Ленина (по четной стороне) г. Ставрополя в марте-апреле 1990 г. На основе этих находок сформировано 4 коллекции (9). Нам интересна коллекция инструментов (о.ф. 270004/1 – 270004/14). В ней выделяются молоток слесарный (о.ф. 270004/3) и клещи кузнечные кустарные (о.ф. 270004/5). Их наличие в домах ставропольчан говорит о том, что навыками кустарной металлообработки владел ряд жителей краевого центра вплоть до 60-х гг. XX столетия.

На этот факт указывает и история формирования коллекции предметов кузнечного производства (о.ф. 33339 – 33352), найденных при сносе дома № 8 по ул. Орджоникидзе г. Ставрополя (октябрь 2003 г.). По данным В.В. Незанова, это здание и находящаяся рядом кузница принадлежали в кон. XIX в. мастеру-кустарю Калистрату Стефановичу Реброву. Впоследствии строения перешли младшему сыну Калистрата – Алексею, который занимался кузнечным делом на протяжении первой половины XX столетия. Необходимо заметить, что кузницы и мастерские, примыкающие к восточной границе Ярмароч-

ной (ныне – им. Орджоникидзе) площади г. Ставрополя, занимали целый квартал, причем многие из них работали в течение всего рассматриваемого в статье периода (10). Характерно, что ряд найденных Незнановым предметов, изготовленных путемковки, например, гвоздь четырехгранный (о.ф. 33347), кольцо из металлической полосы (о.ф. 33349), кочерга полосовая (о.ф. 33345), датируются серединой XX в. Это подтверждает мысль о существовании малых кустарных кузниц в Ставрополе 1950-х гг.

Важным источником пополнения музейного собрания орудий кустарной металлообработки являлись также дары жителей краевого центра. Весом здесь вклад семьи Ивановых, старожилов г. Ставрополя. Наталья Кирилловна Иванова, коренная ставропольчанка, передала музею много предметов бытового назначения, писем, орудий труда, медицинских принадлежностей, датируемых 1920–60 гг. (11). Нам интересна коллекция инструментов 30-60-х гг. двадцатого столетия (о.ф. 26904/1 – 26904/13). Здесь выделяются зубило кузнечное (о.ф. 26904/4) и точило ручное (о.ф. 26904/5). Их наличие в доме Ивановых и кустарное производство указывают на широкое распространение ручной металлообработки не только в селах, но и в городах края в сер. XX столетия.

Ценна для нас и коллекция инструментов, приборов и приспособлений для ремесленных и бытовых работ, подаренная музею известным краеведом Г.А. Беликовым (о.ф. 30753/1 – 30753/31) (12). В ней обращают на себя внимание зубила промышленного производства (о.ф. 30753/4, о.ф. 30753/5) и зубило, изготовленное кустарным способом (о.ф. 30753/19). Эти предметы датируются 50–60 гг. XX в. и использовались для ручной обработки металла одним из жителей Ташлы.

Плодотворные изыскания, проводимые музейными историками, были продолжены сотрудниками отдела этнографии, созданного в 2002 г. Традиция историко-этнографических экспедиций получила развитие в рамках проекта «Ставрополье, век XX». Последний рассчитан на 10 лет и направлен на фиксацию свидетельств очевидцев о событиях прошедшего столетия и сбор атрибутов материальной культуры народов края. С 2002 по 2006 гг. было проведено 5 экспедиций (в полиэтничные Курский и Степновский районы, казачьи станицы Темнолесскую и Беломечетскую, русское село Гофицкое, село Привольное со смешанным, украинско-русским населением). Музейные этнологи наряду с исследованием традиционных черт в быту местных жителей изучают и традиционные хозяйственные практики. Важной составляющей их работы является общение с сельскими мастерами-кустарями.

В экспедиции 2002 г. при посещении армянского моноэтничного села Эдиссия Курского района был проинтервьюирован местный жестянщик Георгий Иванович Данилов (1928 г.р.). Он передал в дар музею коллекцию желез-

ных кузнечных изделий хозяйственного назначения начала XX века (о.ф. 32614 – 32621) и ряд изделий собственного производства (о.ф. 32612, о.ф. 32613). Среди первых выделяются лопатка с треугольной лопастью и круглой рукояткой, используемая при замесе теста (о.ф. 32616), сошник – наконечник для сохи (о.ф. 32617), щипцы с заходящими концами-крюками, используемые для усмирения быков (о.ф. 32618). Данные кованые предметы были найдены Даниловым в период работы заготовителем в ходе командировок по восточным районам края. Это указывает на интерес современного мастера-кустаря к старым приемам металлообработки, хотя он и избрал для себя ремесло жестянщика. Собственные изделия Данилова – ведро (о.ф. 32612) и совок для сыпучих продуктов (о.ф. 32613) – также изготовлены по традиционной технологии (13).

В ходе экспедиции в станицу Темнолесскую Шпаковского района был опрошен местный кузнец Василий Иванович Шевченко (1951 г.р.). Ценным даром от него стал чашель (о.ф. 33292) – приспособление для вынимания сковород из печи. Оно было изготовлено самим Шевченко в 80–90 гг. XX века (14). Этот факт – еще один показатель устойчивости традиционных ремесленных навыков в сельской среде, сохранившихся вплоть до последнего времени.

В комплекс современных ремесленников вошли и изделия жестянщика Юрченко Георгия Матвеевича (1930 г. р.) из станицы Беломечетской. Последний подарил музею свой знак «Олень» – трафарет для вырезания коньков крыш, цветочные розетки – элементы жестяного декора и ручку для лейки, изготовленную за несколько минут в процессе видеозаписи его работы (о.ф. 34174 – 34176/1-3). Навыки ручной работы по жести оказались не утраченными мастером (15).

Значительные экспедиционные сборы были проведены в селе Гофицком Петровского района. Здесь музейные сотрудники обнаружили кустарные изделия кон. XIX в., сер. XX в. и последнего времени. Среди первых выделяется кованый «барок» (о.ф. 34832) – деталь сцепного устройства, применяемого в телегах. Кузнечные изделия середины двадцатого столетия представлены предметами работы местного мастера Андрея Гавриловича Выскребенцева (1909–1993 гг.). Это характерная для данной местности чистилка дворовая, капкан для крыс, тляпка (о.ф. 34834 – 34836). Кроме того, ряд собранных предметов был сделан современным кузнецом Степаненко Виктором Петровичем (1938 г.р.), ныне живущим в с. Грушевское. Это кирка, крюк для калитки со шпилькой, кольцо со шпилькой (о.ф. 34837 – 34839). Жестяные изделия представлены декоративной розеткой из тонкого железа (о.ф. 34840) работы Юрия Геннадьевича Корнеева (1964 г. р., житель Гофицкого) (16). Наличие в населенном пункте изделий, изготовленных местными кустарями, которые датируются столь разными периодами, свидетельствует о том, что кузнечное и жестяное дело разви-

вались здесь на протяжении кон. XIX – XX в. И хотя не всегда у сельских ремесленников сохранялась преемственность поколений, традиция кустарных промыслов существовала в той или иной форме.

В ходе экспедиции 2006 г. в село Привольное Красногвардейского района был проинтервьюирован местный жестянщик Юрий Яковлевич Полупанов (1947 г.р.). Часть его приемов работы по жести зафиксирована с помощью фотосъемки. Кроме того, Полупанов преподнес в дар музею свои изделия – две жестяных кружки в виде ведер (о.ф. 35324/1-2). Востребованность его труда на современном этапе, связанная с потребностью в жестяном оборудовании и декоре для строящихся домов, позволила мастеру сделать обработку жести своим основным занятием (17).

Рассмотрев экспедиционные изыскания проекта «Ставрополье, век XX», можно отметить ряд направлений в изучении жестяного и кузнечного ремесел. В частности, наметилась тенденция к сбору продукции сельских кустарей, а не их инструментария, как было ранее. Это объяснимо тем, что с каждым годом все больше орудий, применяемых для домашнего ремесленного производства, оказываются утраченными в силу невостребованности. С другой стороны, сохранившиеся инструменты плодотворно используются современными сельскими ремесленниками и являются для них необходимыми, поэтому зачастую не выступают предметами дарения. В то же время продукция кустарей остается в повседневном быту долгие годы и пополняется новыми изделиями работы сельских мастеров.

Важным достижением экспедиционной деятельности 2002–2006 гг. является то, что встречаемые в исследуемой местности сельские ремесленники интервьюируются. Аудиозаписи бесед и их текстовые транскрипции имеются в материалах научных отчетов. Кроме того, основные этапы работы фотографируются или записываются на видео. В результате такой фиксации удастся сохранить для истории уже во многом утраченные ремесленные технологии.

Обращаясь к изучению кустарной металлообработки на разных этапах исследовательской работы музея, можно констатировать крайнюю устойчивость традиционных ремесленных практик в повседневной жизни ставропольчан. Музейный сбор материального и нематериального наследия по данной теме показывает, что инструментарий и технологии кустарей эволюционируют очень медленно.

Малые кузницы и мастерские жестянщиков сохранялись во многих городах и селах края до 60-х годов двадцатого столетия, а некоторые колхозные кузнецы работали и в 1980-е гг. На современном этапе заметно прогрессирует жестяное ремесло, связанное со строительными нуждами. Вместе с тем, кустарные промыслы на протяжении рассматриваемого периода никогда не были

основным занятием ставропольчан и в целом не получили достаточного развития по сравнению с другими регионами России.

Использованная литература и источники

1. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Сост. О.В. Маргграф. М., 1882.
2. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994.
3. Бентковский И.В. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости, 1878. № 15-17.
4. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.
5. СГМЗ, акт приема № 39 от 20.04.1993 г.
6. Далее: о.ф.
7. СГМЗ. Акт приема № 85 от 2.06.1988 г.
8. СГМЗ. Акт приема № 125 от 27.09.1990 г.
9. СГМЗ. Акт приема № 54 от 23.05.1990 г.
10. СГМЗ. Акт приема № 119 от 29.10.2003 г.
11. СГМЗ. Акт приема № 11 от 25.01.1990 г.
12. СГМЗ. Акт приема № 62 от 23.05.2000 г.
13. СГМЗ. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в Курский и Степновский районы Ставропольского края. Ставрополь, 2002. С. 50-52 (н.в.ф. 8987).
14. СГМЗ. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края. Ставрополь, 2003. С. 53, С. 133 (о.ф. 33645).
15. СГМЗ. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Беломечетской Кочубеевского района Ставропольского края. Ставрополь, 2004. С. 31-33, С. 158. (о.ф. 34621).
16. СГМЗ. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Гофицком Петровского района Ставропольского края. Ставрополь, 2005. С. 144, С. 226 (о.ф. 35201).
17. СГМЗ. Полевой материал отдела этнографии, 2006 г.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Доронин И. В.
Ставропольский государственный
музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
лаборант-исследователь

**История формирования и состав герпетологической
коллекции Ставропольского государственного
краеведческого музея.
Сообщение 2**

Наряду с Музеем кафедры зоологии Ставропольского государственного университета, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГМЗ) является обладателем одной из лучших коллекций амфибий и рептилий не только в Ставропольском крае, но и в Южном федеральном округе.

Ниже приводится справочный каталог герпетологической коллекции СГМЗ, продолжающий нашу предыдущую публикацию (1, с. 106-110). Во втором сообщении представлена информация по 28 экз. 4 видов черепах и 343 экз. 23 видов ящериц, собранных на территории Азербайджана, России, Казахстана и Туркмении. За таксономическую основу взята работа Н. Б. Ананьевой и др. (2). Приводимый список синонимов состоит из названий, указанных в авторских или первичных этикетках. Большинство географических названий приводится в современном их значении. Пункты сбора материала на территории Карачаево-Черкесии и Ставропольского края даются по административному делению на 15.05.2002 г. Данные о качественном и количественном составе коллекции приводятся по состоянию на 1.12.2006 г.

ОТРЯД ЧЕРЕПАХИ – TESTUDINES

1. Болотная черепаха – *Emys orbicularis* (Linnaeus, 1758)

Emys europaea (Schneider, 1783)

Северная Осетия-Алания (2 экз.), Моздокский р-н: 1 экз. – староречное понижение р. Терек, 2.5 км. з. г. Моздок (43° 44', 44° 35'), 6. V 2006, И. Доронин; 1 экз. – оросительный канал, окр. хут. Советский (43° 43', 44° 36'), 8. V 2006, И. Доронин.

Ставропольский край (7 экз.), Буденновский р-н: 1 экз. – р. Кума у г. Святой Крест (= г. Буденновск), XI 1912; 1 экз. – р. Буйвола у г. Святой Крест (= г. Буденновск), XI 1912. Левокумский р-н: 2 экз. – р. Кума, 7 км в. с. Величаевское, 4. VIII 2006, И. Доронин. Красногвардейский р-н: 1 экз. – р. Егорлык, окр. с. Красногвардейское, 25. VI 2006, И. Доронин. Ставрополь (2 экз.), Грушевка.

Ставропольская губерния – 2 экз.

? – 2 экз.

2. Каспийская черепаха – *Mauremys caspica* (Gmelin, 1774)

Clemmys caspica (Eichwald, 1831)

Азербайджан (1 экз.), г. Ленкорань, VI 1923, Е. Хадарин.

? – 2 экз.

3. Средиземноморская черепаха *Testudo graeca* (Linnaeus, 1758)

Testudo ibera Pallas, 1814

Черноморская губерния – 2 экз.

? – 6 экз.

4. Среднеазиатская черепаха – *Agrionemys horsfieldii* (Gray, 1844)

Testudo horsfieldi Gray, 1844

Узбекистан (1 экз.), 9. VIII 2000.

Туркмения (2 экз.), окр. г. Асхабад, 1911, Н. Динник.

? – 1 экз.

ОТРЯД ЯЩЕРИЦЫ – SAURIA

5. Гребнепалый геккон – *Crossobamon evermanni* (Wiegmann, 1834)

Туркмения (7 экз.), ст. Джебел, 26. IV 1921, ст. Кизыл-Тепе, 14. V 1921, ст. Репетек, 18. V 1921, Л. Мориц.

6. Каспийский геккон – *Cyrtopodion caspius* (Eichwald, 1831)

Туркмения (3 экз), 1 экз. – окр. г. Асхабад, Н. Динник; 1 экз. – г. Красноводск, 21. IV 1921, Л. Мориц; 1 экз. – ст. Джебел, 27. IV 1921, Л. Мориц.

? – 1

7. Кавказская агама – *Laudakia caucasica* (Eichwald, 1831)

Stellio caucasius Eichwald, 1831

Agama caucasica Eichwald, 1831

Азербайджан (1 экз.), окр. г. Баку, VI 1926, Е. Хадарин.

Туркмения (1 экз.), хр. Копетдаг, Н. Динник.

? – 1 экз.

8. Степная агама – *Trapelus sanguinolentus* (Pallas, [1814])

Agama sanguinolenta (Pallas, 1814)

Ставропольский край (1 экз.), Курский р-н: Терский песчаный массив, 25 км в. пос. Рошино, 6. VIII 1985.

Туркмения (1 экз.), окр. г. Асхабад, 1911, Н. Динник.

9. Круглоголовка-вертихвостка – *Phrynocephalus guttatus* (Gmelin, 1789)

Phrynocephalus caudivolvulus (Pallas, 1813)

Туркмения (12 экз.). – ст. Докебель, III 1916, Е. Хадарин.

Ставропольский край (9 экз.), Нефтекумский р-н: 4 экз. – пос. Махмуд-Мектеб, 7-17. VIII 1989. Курский р-н: 3 экз. – Терский песчаный массив, 25 км в. пос. Рошино, 6-8. VIII 1985; 2 экз. – урочище Яман-Кую, 11. VIII 1985.

? – 2 экз.

10. Такырная круглоголовка – *Phrynocephalus helioscopus* (Pallas, 1771)

Туркмения (9 экз.), 7 экз. – ст. Кизыл-Арват, 7. X 1915; 2 экз. – окр. г. Асхабад, 1911, Н. Динник.

11. Песчаная круглоголовка – *Phrynocephalus interscapularis* Lichtenstein, 1856

Туркмения (14 экз.): 11 экз. – ст. Джебел, 26. IV 1921, Л. Мориц; 3 экз. – окр. г. Асхабад, 1911, Н. Динник.

? – 2 экз.

12. Ушастая круглоголовка – *Phrynocephalus mystaceus* (Pallas, 1776)

Ставропольский край (9 экз.), Нефтекумский р-н: 3 экз. – пос. Ачикулак, 1908, Гусев; 1 экз. – пос. Махмуд-Мектеб, 7. VIII 1989. Курский р-н: 2 экз. – Терский песчаный массив, 25 км в. пос. Рощино, 6-8. VIII 1985; 2 экз. – урочище Яман-Кую, 11. VIII 1985. Степновский р-н: 1 экз. – 15-20 км в. с. Степное, 23. VIII 1909, Стопневич.

? – 4 экз.

13. Ломкая веретеница – *Anguis fragilis* Linnaeus, 1758

Краснодарский край (3 экз.), 1 экз. – 24. V 1913; 2 экз. – окр. пос. Джубга, мыс Ткаченко, VI 1915, Ковалева.

Ленинградская область (2 экз.), Бокситогорский р-н: 1 экз. – пойма р. Рыбешка (59° 40', 33° 38'), 5. VI 2006, И. Доронин; 1 экз. – сосняк-черничник (59° 24', 34° 46'), 9. VI 2006. И. Доронин.

Северная Осетия-Алания (1 экз.), Моздокский р-н: пойменный лес р. Терек, 2.5 км. з. г. Моздок (43° 44', 44° 35'), 6. V 2006, И. Доронин.

Ставропольский край (5 экз.), Предгорный р-н: 1 экз. – гора Лысая, 23. VII 2006, И. Доронин. Ставрополь: 1 экз. – 1918, В. Лучник; 2 экз. – Архиерейский лес, 23. V 1924; 1 экз. – лес Таманская дача, пруд Комсомольский, 1966.

? – 10 экз.

14. Желтопузик, или глухарь – *Pseudopus apodus* (Pallas, 1775)

Ophisaurus apus Pallas, 1775

Краснодарский край (5 экз.), 1 экз. – пос. Кабардинка, VII 1908, Г. Праве; 2 экз. – 1912, Е. Хадарин; 2 экз. – окр. пос. Джубга, Орланная (?) щель, VI 1915, Е. Хадарин.

? – 1 экз.

15. Щитковый сцинк – *Eurylepis taeniolatus* Blyth, 1854

Eumeces taeniolatus Blyth, 1854

Туркмения (1 экз.), ст. Бама, X 1911, Н. Динник.

16. Переднеазиатская мабуя – *Trachylepis septemtaeniata* (Reuss, 1834)

Mabuia aurata (Linnaeus, 1758)

Туркмения (1 экз.), ст. Бама, X 1911, Н. Динник.

17. Луговая ящерица – *Darevskia praticola* (Eversmann, 1834)

Lacerta praticola Eversmann, 1834

Краснодарский край (3 экз.): 2 экз. – лес между пос. Джубга и пос. Тенгинка, 15. VIII 2005, Н. Шевченко; 1 экз. – пойма р. Шапсухо, 2 км ю.-в. пос. Тенгинка, 15. VIII 2005, Н. Шевченко.

Северная Осетия-Алания (6 экз.), Моздокский р-н: пойменный лес р. Терек, 2.5 км з. г. Моздок (43° 44', 44° 35'), 6-9. V 2006, И. Доронин

Ставропольский край (12 экз.), Георгиевский р-н: 5 экз. – пойменный лес р. Подкумок, урочище Сафоновский лес, 30. VI 2005, И. Доронин; 1 экз. – пойменный лес р. Подкумок, южная окраина г. Георгиевск (44° 06', 43° 26'), 11. V 2006, И. Доронин г. Ставрополь: 1 экз. – IV 1980, М. Тертышников. Предгорный р-н: 5 экз. – гора Лысая, 23. VII 2006, И. Доронин.

? – 1 экз.

18. Скальная ящерица – *Darevskia saxicola* (Eversmann, 1834)

Lacerta saxicola Eversmann, 1834

Карачаево-Черкесия (4 экз.), Карачаевский р-н: 1 экз. – водопад Кель-Баши, 8. VI 2004, И. Доронин. 1 экз. – а. Нижняя Теберда, Сентинский храм, 20. V 2006, Л. Маловичко. 2 экз. – 27 км по дороге Карачаевск – Кисловодск.

19. Разноцветная ящурка – *Eremias arguta* Pallas, 1773

Казахстан (1 экз.), Тургайская область, 25. VI 1914.

Ставропольский край (33 экз.), Александровский р-н: 1 экз. – верховья р. То-музловка, 4. IX 2005, И. Доронин; Грачевский р-н: 1 экз. – с. Бешпагир, 15. VIII 1908, Н. Динник; 9 экз. – с. Бешпагир, 11. VII 2006, И. Доронин. Кочубеевский р-н: 2 экз. – ст-ца Барсуковская, 25. V 1913. Курский р-н: 1 экз. – Терский песчаный массив, 25 км в. пос. Рошино, урочище Яман-Кую, 6. VIII 1985; 1 экз. – урочище Яман-Кую, 11. VIII 1989. Нефтекумский р-н: 1 экз. – пос. Махмуд-Мектеб, 7. VIII 1989 Петровский р-н: 4 экз. – гора с. Петровского по дороге из хут. Соленое Озеро (гора Куцай, г. Светлоград), 28. VII 1927; 1 экз. – хут. Соленое Озеро, 28. VII 1927; 5 экз. – с. Гофицкое, урочище «Два брата», 13. IV 2006, И. Доронин; 4 экз. – с. Гофицкое, урочище «Буруны», 3. IX 2006, И. Доронин. Шпаковский р-н: 3 экз. – с. Палагиада, IV 1914.

? – 12 экз.

20. Сетчатая ящурка – *Eremias grammica* (Lichtenstein, 1823)

Scaptera grammica Lichtenstein, 1823

Туркмения (9 экз.), 7 экз. – ст. Кизыл-Арват, 7. X 1915; 2 экз. – ст. Джебел, 28. IV 1921, Л. Мориц.

21. Линейчатая ящурка – *Eremias lineolata* Nikolsky, 1896

Туркмения (3 экз.), ст. Джебел, 13. III 1916, Е. Хадарин.

22. Быстрая ящурка – *Eremias velox* (Pallas, 1771)

Ставропольский край (6 экз.), Курский р-н: 3 экз. – Терский песчаный массив, 25 км в. пос. Рощино, 6-8. VIII 1985; 1 экз. – Терский песчаный массив, урочище Яман-Кую, 11. VIII 1989. Нефтекумский р-н: 1 экз. – Бажиганские пески, пос. Махмуд-Мектеб, 2. VIII 1980; Нефтекумский р-н: 1 экз. – пос. Махмуд-Мектеб, 7. VIII 1989.

Ставропольский округ – 2 экз.

23. Прыткая ящерица – *Lacerta agilis* Linnaeus, 1758

Кабардино-Балкария (5 экз.), г. Нальчик, 1926, В. Лучник.

Карачаево-Черкесия (2 экз.), Карачаевский р-н: 1 экз. – долина р. Уччулан, 1 км ниже л/о СГПИ «Махар», 20. VII 1987, С. Каршин; 1 экз. – побережье р. Теберда, окр. г. Теберда, 7. VI 2004, И. Доронин.

Краснодарский край (3 экз.), 2 экз. – пос. Кабардинка, VII 1908, Н. Динник; 1 экз. – г. Анапа, Н. Динник.

Ленинградская область (1 экз.), Бокситогорский р-н: сосняк-черничник (59° 24', 34° 46'), 9. VI 2006, И. Доронин.

Ставропольский край (51 экз.), Александровский р-н: 1 экз. – верховья р. Томузловка, 4. IX 2005, И. Доронин. Апанасенковский р-н: урочище Мадык, 9. VI 1968; 2 экз. – побережье оз. Маныч в районе острова Кривошеев, 15. VII 2006, И. Доронин. Георгиевский р-н: 2 экз. – 1 км. ю.-з. ст-цы Подгорная, 8. V 2005, И. Доронин. 2 экз. – пойменный лес р. Подкумок, южная окраина г. Георгиевска, 11. V 2006, И. Доронин. Изобильненский р-н: 2 экз. – окр. пос. Левоегорлыкский, 6. IV 2006, И. Доронин. Кочубеевский р-н: 17 экз. – ст-ца Барсуковская, 25. VIII 1913; 2 экз. – хребет Недреманный, 4 км с.-в. хут. Извещательный, 1. VII 2006, И. Доронин. Красногвардейский р-н: 3 экз. – 6 км. ю.-в. с. Привольное, 25. VI 2006, И. Доронин. Предгорный р-н: 8 экз. – гора Лысая, 23. VII 2006, И. Доронин. Ставрополь: 1 экз. – урочище Круглый лес, VIII 2004, В. Данилевич. Степновский р-н: 2 экз. – с. Никольское, VIII 1908, Стопневич. Шпаковский р-н: 6 экз. – гора Стрижамент, Темный лес, поляны, VIII 1913; 3 экз. – гора Стрижамент, 29. VIII 2006, И. Доронин.

Ставропольский округ (6 экз.) – 1928.

? – 11 экз.

24. Полосатая ящерица – *Lacerta strigata* Eichwald, 1831

Lacerta viridis var. *strigata* Eichwald, 1831

Северная Осетия-Алания (5 экз.), Моздокский р-н: пойменный лес р. Терек, 2.5 км. з. г. Моздок (43° 44', 44° 35'), 6-9. V 2006, И. Доронин.

Ставропольский край (35 экз.), Арзгирский р-н: 2 экз. – с. Серафимовское, VI 1909, Стопневич. Кочубеевский р-н: 4 экз. – ст-ца Барсуковская, 24-25. V 1915. Нефтекумский р-н: 2 экз. – с. Ачикулак, 1908. Петровский р-н: 1 экз. – с. Гофицкое, ур-ще Медведский лес, 19. VI 2005, В. Данилевич; 3 экз. – с. Гофиц-

кое, урочище «Два брата», 13. IV 2006, И. Доронин; 1 экз. – с. Гофицкое, урочище «Буруны», 3. IX 2006, И. Доронин. г. Ставрополь: 7 экз. – Архиерейский лес, 29. V 1911; 12 экз. – оз. Сенгилеевское, 10. VI 1912.

25. Стройная змееголовка – *Ophisops elegans* Menetries, 1832

Азербайджан (2 экз.), г. Ленкорань, VI 1923, Е. Хадарин.

26. Живородящая ящерица – *Zootoca vivipara* Jacquin, 1787

Ленинградская область (4 экз.), Бокситогорский р-н: 1 экз. – берег р. Рядань, г. Пикалево (59° 30', 34° 10'), 5. VI 2006, И. Доронин; 1 экз. – болото Селижское (59° 37', 33° 47'), 8. VI 2006, И. Доронин; 1 экз. – болото Шухмеровское (59° 26', 35° 15'), 11. VI 2006, И. Доронин; 1 экз. – междуречье рр. Белая и Лидь (59° 25', 35° 09'), 14. VI 2006, И. Доронин.

27. Серый варан – *Varanus griseus* (Daudin, 1803)

Туркмения (2 экз.): 1 экз. – ст. Таш-Кепри, 9. V 1921, Л. Мориц; 1 экз. – ст. Репетек, 17. V 1921, Л. Мориц.

Используемая литература и источники:

1. Доронин И.В. История формирования и состав герпетологической коллекции Ставропольского государственного краеведческого музея. Сообщение 1 // Прозрителевские чтения. Материалы второй научно-практической конференции. Ставрополь, 2006.
2. Ананьева Н.Б., Орлов Н.Л., Халиков Р.Г., Даревский И.С., Рябов С.А., Барабанов А.В. Атлас пресмыкающихся Северной Евразии (таксономическое разнообразие, географическое распространение и природоохранный статус). СПб., 2004. 232 с.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Сачук С.С.
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заведующая отделом

Коллекция «Печатные учебные наглядные пособия из собрания Г.К. Пправе»: опыт систематизации

*Коллекция – это собрание предметов,
расположенных в определенном порядке,
который позволяет изучать то, что собрано,
работать с предметами.
«Музееведение»*

Печатные наглядные пособия для образовательных учреждений, издание которых широко развернулось в России в конце XIX – начале XX вв., были основной и первыми экспонатами Ставропольского Городского музея, созданного Георгием Константиновичем Пправе. Коллекция стенных таблиц и картин была собрана Пправе путем закупки на собственные средства и пожертвования благотворителей. Кроме печатных пособий, в собрании Пправе имелись карты, стереоскопы, приборы для химических и физических опытов, чучела животных, мокрые препараты, гербарии, минералы, модели различных машин. Дошедшие до нас хотя и не в полном объеме, эти вспомогательные средства обучения характеризуют весьма прогрессивный этап истории российского образования.

В середине XIX в. успехи естественных наук, подъем общественно-педагогического движения за демократизацию обучения определили новое направление в отечественной педагогике. В учебнике «Родное слово» К.Д. Ушинского (1864 г., книга выдержала 146 изданий) впервые была заложена идея реализации в учебном процессе единства речи и мышления, мышления и чувственного опыта, и тем самым в основу познания был положен принцип наглядности. Однако «от слов и пожеланий перейти к делу нелегко, – писал в 1910 г. составитель учебных пособий А. И. Лебедев. – 240 лет прошло со дня смерти «учителя народов» Яна Амоса Коменского. Но самые лучшие заветы моравского педагога – учить детей согласно с их природою, учить *наглядно* и разумно, вызывая любовь к знанию, самостоятельность и пытливость мысли – эти великие заветы не остаются ли до сих пор без надлежащего применения на практике? (1, с. 1) Обычно дают ребенку с самого начала занятий общие отвлеченные понятия, не отвечающие его опыту. Ему говорят о реках, океанах, горах, долинах, не видя их. Его учат великим словам «долг», «добродетель», не

пробудив в сердце нравственных чувств. Такие постройки оказываются воздвигнутыми на песке. На поверхности хрупкой памяти запечатлеваются отрывки знаний, которые не могут пустить ростки в ум и укорениться... Наглядность [же] – это непосредственный личный опыт, как в сфере ощущений, так и в сфере чувств и воли» (1, с. 4).

Акцентируя проблему, Лебедев сам же признает, что «сгустил краски» (1, с. 3). Школьные карты, диаграммы, таблицы, стенные картины составлялись в то время преимущественно опытными учителями, учительскими кружками, различными обществами распространения знаний и наилучшим образом соответствовали требованиям дидактики, а исполнение иллюстраций лучшими российскими художниками – Суриковым, Верещагиным, Семирадским, К. Лебедевым, Врубелем, Коровиным, Репиным, Серовым – обеспечивало высокие художественные достоинства. Учебные пособия для народных школ крупнейших издателей того времени – И.Д. Сытина, И.Н. Кнебеля, В.В. Думнова, братьев Гранат и др. – стали образцом воплощения идеи «наглядности». Аппетитности наглядных пособий немало способствовали сделанные в конце 19 – начале 20 веков изобретения и усовершенствования в области полиграфии, крупнейшее из которых – наборная машина П.П. Княгинского. В иллюстративной технике применялось много различных способов одноцветной и многоцветной репродукции, начиная со старых – торцовой гравюры на дереве и литографии, до последних изобретений в области фотомеханики. В 1870–80-х годах широко использовалась литография, особенно цветная, в 1890-х появились автотипия и фототипия – способы безрастровой плоской печати, основанные на изменении физико-химических свойств светочувствительного слоя. В 1896 г. И.И. Орлов сделал доклад в Русском Техническом обществе об изобретенном им новом способе многокрасочной печати: краски, нанесенные на печатные цилиндрические формы, передавались на соответствующие эластичные цилиндры, а с них – на одну общую печатную форму, и уже с нее изображение передавалось на бумагу. Изобретение Орлова фактически предвосхищало офсетную печать. Таким образом, условия для применения принципа наглядности в российском образовании объективно существовали. Однако Лебедев был безусловно прав в том, что наглядных пособий не хватало в школах.

Г.К. Пправе как председатель училищной комиссии Ставропольской городской думы хорошо знал это. Заказывая печатные наглядные пособия по каталогам издательств, главным образом Москвы и Петербурга, он сформировал обширный набор по всем школьным предметам: Закону Божию, отечествоведению и всемирной истории, географии, этнографии, анатомии, зоологии, ботанике, геологии и минералогии, математике, физике, химии, астрономии, технологии, рисованию и рукоделию, а также специально для начальных классов.

Зачастую в целях экономии средств покупались отпечатанные листы без прочной фиксирующей основы, которые в специально созданной при музее ремонтно-монтажной мастерской наклеивались на картон. Пособия большого формата монтировали на холст, к горизонтальным краям крепили массивные деревянные рейки и хранили свернутыми в рулоны. Тут же в мастерской работники музея посредством монтировки на картон превращали в наглядные пособия журнальные вырезки на актуальные темы. В 1914 г. музеем Пправе был издан собственный каталог имеющихся в «подвижном отделе» стенных таблиц, рисунков и раскладных бумажных моделей (2). Пользуясь каталогом, учителя могли выбрать необходимые для проведения урока пособия, отыскать их по инвентарному номеру и получить за оплату. С того времени в коллекции сфрагистики сохранился использовавшийся при оформлении выдачи штамп с оттиском: «Представлено къ удержанию ___ руб. ___ коп. ___ 1912 [г.]. Хозяин Собрания ___» (3). «Музей наглядных учебных пособий по всем отраслям знания обслуживал школы всех трех ступеней, лекторов, выставки и пр. – вспоминает дочь Г.К. Пправе. – Всего выдано в 1920 г. наглядных пособий 15338 экземпляров». Сам Георгий Константинович отзывался о своем музее как «обширнейшем на Кавказе», «показательном учреждении этого рода для всей республики (имел более 34000 учебных пособий)» (4).

В советское время печатным наглядным пособиям из собрания Г.К. Пправе не придавалось должного значения. Очевидно, они были признаны идейно устаревшими и непригодными для новой школы. Также не была осознана музейная ценность коллекции: при переписке Главной инвентарной книги в начале 1950-х годов печатные наглядные пособия зарегистрированы не были. Судя по пробелам в тематике – например, полностью отсутствуют пособия по разделам «Человек: анатомия, медицина и гигиена», «Зоология», «Ботаника», «Сельское хозяйство», – они передавались в специальные учебные заведения, где еще могли пригодиться. Невостребованными остались «Таблицы по Священной истории Ветхого Завета», 60 черно-белых картин с надписями на французском языке, как и цветные таблицы по Закону Божию для начальной школы. Вместе с тем, определенная часть коллекции не выбыла из музейного обихода. Портреты исторических деятелей, стенные картины по истории и этнографии использовались сотрудниками музея при чтении лекций и как вспомогательный материал имелись в отделах «под рукой». Пособия небольшого размера зачастую вкладывались в дела документального фонда в качестве информационного материала. Как иллюстрации к той или иной теме печатные пособия участвовали практически во всех музейных выставках, но только в 1999 г. впервые экспонировались крупным коллекционным блоком на выставке по

истории народного образования, инициированной Институтом экономики и права в г. Кисловодске (5).

С 2001 г. сотрудниками СГМЗ последовательно ведется регистрация, научная обработка и реставрация сохранившейся части коллекции. Печатная продукция систематизирована по принадлежности к издательствам, а внутри этих групп – по областям науки и тематическим подгруппам. Практический опыт показывает, что избранный принцип систематизации является в данном случае оптимальным. Во-первых, со второй половины XIX в. сами издатели пошли по пути специализации, выпуская литературу по той или иной отрасли знания, и издательские подборки становятся одновременно подборками тематическими, что существенно упрощает хранителям поиск по запросам экспозиционеров и исследователей. Во-вторых, издательские серии выходили в одном формате, что весьма удобно для рационального, компактного размещения предметов в фондохранилище.

Самую представительную группу в коллекции составляют печатные пособия фирмы «Гросман и Кнебель»: 234 ед. о.ф. и 52 ед. н. в. Издатель и книгопродавец И.Н. Кнебель основал первое в России специализированное издательство по искусству. Применяя качественное репродуцирование подлинников способом хромолитографии и гелиографуры, Кнебель сделал широко доступными для детей всей России картины Третьяковской и Румянцевской галерей, Русского музея. Он привлекал для работы в своем издательстве лучших живописцев и графиков. Так, для серии «Картины по русской истории» под ред. С.А. Князькова (1908-1913) оригиналы картин исполнили А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, А.М. Васнецов, М.В. Добужинский, Д.Н. Кардовский, Б.М. Кустодиев, Е.Е. Лансере, К.Н. Рерих, В.А. Серов, В.Я. Чемберс. Впоследствии И.Н. Кнебель расширил тематику наглядных пособий – стал выпускать этнографические картины, стенные таблицы по медицине, биологии, технике. После национализации издательства в 1918 г. инициировал и создал Акционерное общество наглядных пособий. В последние годы жизни (1925-1926) заведовал издательским отделом Третьяковской галереи. В собрании Права высоким полиграфическим уровнем выделяются такие издания Кнебеля, как «Географические характерные картины», «Архитектурные памятники России», «Картины по всеобщей истории. Выдающиеся памятники архитектуры всех культурных эпох». Красочный, насыщенный деталями в рисунках, набор этнографических таблиц «Народы России» был закуплен Г.К. Праве сразу в двух экземплярах. Антропологические таблицы Кнебеля из серий «Человеческие расы» и «Типы народностей», пособия по ботанике и сельскому хозяйству сохранились в наших фондах в отдельных единичных экземплярах, а по медицине и технике утрачены полностью.

Продукция крупнейшего в России Издательского Товарищества «И.Д. Сытин и К^о» представлена 59 ед. основного и 9 ед. научно-вспомогательного фонда. Это таблицы для изучения Закона Божия (1906), пособие для начальной школы «Мир в картинах» (1910), серия «Русская история в картинах» (1904-1906) и ее расширенное переиздание «История России в картинах» (1912-1914). Сытин, как известно, сочетал коммерческие интересы со значительной просветительской работой путем выпуска предельно дешевых изданий для народа, учебников и учебных пособий в основном для начальной школы. Сытинские картинки по качеству стояли гораздо выше, чем листы других издателей: от воспроизводил рисунки хромолитографией в несколько красок, не жалея затрат на производство. В Москве Сытину принадлежали две самые крупные типографии, оборудованные первоклассной техникой, школа технического рисования и литографского дела. К 1914 году его Товарищество издавало четверть книжной продукции страны. И.Д. Сытин открыл 16 книжных магазинов в разных городах и сумел распространить свою продукцию в самых глухих уголках России, чем способствовал повышению культурного уровня в провинции (6).

На учебной книге и пособиях для начальной и средней школы специализировалось также издательство В.В. Думнова, в 1910-х годах выпускавшее 130-140 наименований в год тиражом свыше 1 млн. экземпляров. Для изучения отечествоведения было незаменимо пособие Думнова «Россия в картинах. Где на Руси какой народ живет и чем промышляет» под ред. Гречушкина и Сольдина. Из 120 картин серии в нашей коллекции сохранилось 105, вместе с дублетными экземплярами.

Крайне слабо, в количестве от 1 до 17 ед., представлены сегодня картины и таблицы издательств «Сотрудник школ», «Просвещение», «Общественная польза», «И.Н. Кушнерев и К^о», «С. Голике и А. Вильборг», «Братья А. и И. Гранат и К^о», издателей А.А. Ильина, К.А. Бороздина, И.В. Штейна, С.А. Баранова, В.П. Водовозовой. Это, главным образом, пособия по истории, изобразительному искусству и архитектуре.

В коллекции сохранилось несколько иностранных изданий. Наиболее полные по составу – «Священная история Ветхого Завета» Ш. Делаграва (Франция), «Стенные таблицы для преподавания физической географии» Липциуса и Тишера (Германия), «Путеводитель для любителей грибов» Ферстера и Борриеса (Германия). Несколько десятков разрозненных экземпляров на иностранных языках остаются пока незарегистрированными из-за проблем в атрибуции.

Как было упомянуто выше, в качестве наглядного материала музей Праве предлагал школам и лекторам вырезки из периодических изданий: журналов

«Всемирная иллюстрация», «Родина», «Новь», «Звезда», «Солнышко», «Детский отдых» и самого популярного – богато иллюстрированного еженедельника «Нива» крупнейшего российского издателя А.Ф. Маркса. Фотографии или рисунки с кратким текстом аккуратно наклеивались на цветное паспарту и картон и, судя по инвентарным номерам на обороте, эти самодельные пособия также ставились на музейный учет. На 2006 г. их выявлено и зарегистрировано 683. Тематический состав данной группы следующий: история, военная история, этнография, религия, живопись, литература, театр, музеи и выставки, достопримечательности, научные открытия, персоналии (ученые), технические изобретения, катастрофы, редкие природные явления, зарубежная хроника. Научная ценность этого рода источников заключается в документальной точности и достоверности изображений, подкрепленных авторством фотографов и гравировщиков.

В целом коллекция «Печатные учебные наглядные пособия из собрания Г.К. Пправе» в своем нынешнем количественном составе была систематизирована, зарегистрирована и сверена с документами учета к концу 2002 г. (7) и к 2006 г. пополнилась еще несколькими предметами, обнаруженными в ходе сверки музейного фонда. Сейчас в ней 1356 ед. хранения, в т.ч. 624 основного фонда и 732 научно-вспомогательного. В течение последних пяти лет более 80 таблиц и картин по всем основным систематическим разделам и тематическим группам реставрировано. Ближайшей целью работы с коллекцией является ее выставочный показ. Надеемся, что представление этого исторического и художественного материала, отражающего успешный опыт народного образования в России в конце 19 – начале 20 вв., и сегодня принесет практическую пользу школьникам и учителям и будет способствовать решению одного из актуальных национальных проектов современной России – образовательного.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ, о.ф. 31481. Мир в картинах: сост. А.И. Лебедев / Программа издания. – Москва, Книгоиздательство Т-ва И.Д. Сытина, 1910.
2. Каталог подвижного отдела учебных пособий Ставропольского городского музея им. М.В. Пправе. Вып. 1: Стенные таблицы, рисунки и раскладные бумажные модели. – Ставрополь, 1914.
3. СГМЗ, о.ф. 34454.
4. СГМЗ, ф.1, ед. хр.1, 4.
5. СГМЗ, Акт выдачи на временное хранение № 8 от 06.04.1999.
6. Сытин И.Д. Жизнь для книги. – М., 1985.
7. СГМЗ, Акт № 27 от 29.10.2202 сверки наличия фондовой коллекции «Печатные учебные наглядные пособия из собрания Г.К. Пправе» с учетной документацией. Хранитель – Сачук С.С.

Отюцкий И.В.

Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве,
заведующий отделом археологии

О коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа (часть 3-я)

В этом сообщении будет сказано о некоторых помощниках Григория Николаевича Прозрителева по музею Северного Кавказа. Во всяком случае, их имена указаны среди тех, кто способствовал пополнению его отдела археологии. Все они участвовали в работе Ставропольской ученой архивной комиссии (далее – СУАК), 100-летие основания которой отмечается в 2006 году.

Начать хотелось бы с действительного члена Ставропольского губернского статистического комитета и действительного члена СУАК (с 17 февраля 1906 года – даты основания архивной комиссии) – Алексея Севировича Собривского.

Из тех предметов, что он передал, остановимся только на одном. Будет использоваться так называемый общий список отдела археологии Ставропольского музея «Северного Кавказа». По этому списку данный предмет значится под № 3131 и записан (прежние написания здесь и далее несколько изменены) следующим образом: «Женский кожаный башмачок, там же». Обратив внимание на предыдущие номера, узнаем, что речь идет о целом комплексе, который «...найден в древнем могильнике в Балкарии в горах Терской области». Вместе с башмачком проходит 9 предметов, переданных А.С. Собривским.

Впоследствии они были использованы Г.Н. Прозрителевым в его работе «Мумии балкарских могильников Терской области, Нальчикского округа». Григорий Николаевич опубликовал ее в пятом выпуске «Трудов Ставропольской Ученой Архивной Комиссии», вышедшем в Ставрополе в 1913 году.

Необходимо добавить, что в настоящее время этот башмачок значится под № 3431.

Макар Иванович Ермоленко также являлся действительным членом СУАК (с 4 февраля 1910 года). С ним связано приобретение «Сибирского оружия из Красноярска». Таким образом, оно указано в музейном документе под №№ 2183-2189, правда, без упоминания фамилии сдающего. Однако среди этого оружия есть и бронзовый кинжал, проходящий по общему списку дважды. Во втором случае с номера 4503 по номер 4567 записаны «Разные древние предметы именно: Бронзовые: ...кинжал...». Под каким конкретно номером он значится, сказать сложно (попредметная нумерация отсутствует), но известен

способ поступления.

В четвертой графе используемого источника читаем: «От Макара Ивановича Ермоленко приобретены покупкою за 25 руб.». А в первой указано: «Собственность Ставропольской Ученой Архивной Комиссии».

Здесь также требуется пояснить – в настоящее время комплекс, в который входит бронзовый кинжал, записан в номер 2826.

Перед тем как рассказывать о третьем помощнике Г.Н. Прозрителева, необходимо сделать отступление.

Из отчета о деятельности СУАК за 1911 год узнаем, что «Охрана памятников старины составляет постоянную заботу Комиссии...». И далее: «По мысли Г.Н. Прозрителева, Комиссия создала надзор на местах, учредив должность сотрудников и избрав в сотрудники Комиссии из числа самого населения лиц сочувствующих, с целью охранения и собирания памятников старины и предотвращения кладоискательских раскопок. Опыт учреждения такого надзора в Благодарненском уезде дал прекрасные результаты. Сотрудником Комиссии избран крестьянин села Благодарного Т.Д. Щегольков, при посредстве которого собрано и спасено многое, имеющее большое значение в археологии».

Тарас Дионисович Щегольков был избран сотрудником СУАК 1 ноября 1911 года. Через него в отдел археологии поступило немало разных предметов. Обстоятельства со спасением одного памятника явно связаны с этим человеком.

По отчету о деятельности СУАК за 1914 год ситуация выглядит так: «Сотрудник по Благодарненскому уезду довел до сведения, что в с. Алексеевском найден каменный памятник в кургане, разрытом на своем дворе кр. К. ... Памятник лежал... над склепом, а над всем этим был курган. Склеп был из сырцового кирпича. К сожалению, погребение было ограблено и склеп разрушен, но рядом с таким же курганом было обнаружено погребение бронзовой эпохи: бронзовые удила, зеркало, стрелы...».

Может быть, это то погребение, с которым надо сравнивать предметы из другого населенного пункта с таким же названием. Т.М. Минаева в 8 выпуске «Материалов по изучению Ставропольского края» поместила свою статью «Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее». В ней она пишет об интересном комплексе за № 3586 (современный инвентарный номер), хранящемся в Ставропольском музее. Комплекс состоит из находок «близ хутора Алексеевского, у села Казинского Курсавского района Ставропольского края». В нем были и бронзовые наконечники стрел, и бронзовые удила.

Работа по коллекции отдела археологии музея Северного Кавказа будет продолжена.

Феоктистова Л. А.

Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
заместитель директора по научно-просветительной работе,
заслуженный работник культуры РФ

Архив В. М. Реброва в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника

Любимый город будет помнить

В канун 60-летия Победы в Ставропольском краеведческом музее открылась юбилейная выставка «От солдата до генерала...». Большинство материалов было представлено впервые. О некоторых героях музейной экспозиции сами музейщики узнали незадолго до ее открытия. Одним из них стал Владимир Михайлович Ребров, уроженец города Ставрополя, командир партизанского отряда, сражавшегося с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны в белорусских лесах.

То, что было представлено в музейных витринах, стало настоящим откровением для посетителей выставки. Личное наградное оружие, планшет, карты, подарок бойцов – командирский альбом с фотографиями и рисунками – «Командиру Владимиру Реброву. В память знаменательной даты 3-го июля 1944 г. – дня соединения с частями родной Красной Армии. От партизана-художника В. Репина из Червенских лесов», кем-то с любовью вышитая салфетка «На память красному партизану, командиру отряда тов. Реброву», десятки пожелтевших документов военного времени, от характеристики до отчета о боевых действиях... Ценнейшие реликвии боевой биографии В.М. Реброва, бережно хранившиеся в семье, стали достоянием общественности и истории, которая так долго и несправедливо умалчивала о нашем герое-земляке.

В этом же году семья фронтовика передала в фонды музея весь архив В.М. Реброва. Произошло это в торжественной обстановке, на памятной встрече почетных дарителей, попечителей и друзей музея с городской общественностью, на юбилейном вечере, посвященном 100-летию Ставропольского краеведческого музея.

Сегодня очень хочется воздать этому светлой памяти скромному и достойному человеку за обидное вчера, когда уже в мирное время его недооценили, не поняли, забыли...

Я и мои коллеги считаем своим долгом сделать достоянием исторического краеведения доброе имя Владимира Михайловича Реброва, человека, гражданина, патриота.

Решением фондовой комиссии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве материалы В.М. Реброва официально оформлены в его именной фонд и введены в постоянную историческую экспозицию, в раздел «Ставропольцы на фронтах Великой Отечественной войны».

Боевой путь В.М. Реброва представлен также в фотодокументальной экспозиции муниципального музея Великой Отечественной войны «Память» в Ставрополе.

С биографией нашего замечательного земляка теперь можно будет познакомиться и в готовящейся к изданию Энциклопедии Ставропольского края.

«Я, Ребров Владимир Михайлович...»

«Я, Ребров Владимир Михайлович, родился 24 октября 1916 года в г. Ставрополе (краевом)...».

Автобиография и другие уникальные документы, теперь уже музейные, доподлинно подтверждают «ставропольскую» родословную Ребровых.

Вот солидная актовая бумага от 13 августа 1916 года, на которой известный ставропольский нотариус и основатель городского музея Г.К. Праве оформил дарственную деду-учителю и отцу В.М. Реброва на дом его прадеда, мещанина Антона Степановича Реброва.

Тремя годами позднее вдове погибшего на фронте отца, Михаила Григорьевича, Анне Федоровне Ребровой был выдан Указ Временного Правительства из Ставропольского Сиротского Суда об ее опекунских правах на имущество и малолетнего сына Владимира.

Помимо биографической хроники, эти редкие свидетельства несут на себе печать времени, а потому, согласно музейной иерархии, сразу попали в разряд документальных раритетов музея.

В 1937 году В.М. Ребров прошел допризывную подготовку при лагере тогда Ворошиловск-Кавказского городского совета. На ветхом, чудом сохранившемся осовиахимовском удостоверении по всем дисциплинам выставлено «отлично».

И эти пожелтевшие свидетельства, и большая любовь к родной земле навсегда связали его судьбу со Ставрополем. Он стремился на родину всегда: и когда окончил Грозненский техникум хлебопечения, став технологом Ставропольского хлебокомбината, и во время увольнения в краткосрочный отпуск в 1944 году, и, наконец, после демобилизации в 1959 году, когда в звании под-

полковника ушел в запас с должности командира отдельного танкового батальона.

Зять Реброва, Владимир Владимирович Судеец, в своей книге о Владимире Михайловиче так описывает то время и свои впечатления от встречи с этой семьей:

«В Ставрополе ему, как ветерану и заслуженному человеку и жилплощадь поначалу предложили, но надо было знать Владимира Реброва. «Есть люди, кому жилье сейчас нужнее», – сказал он Людмиле и волевым партизанским командирским решением определил семью на последующие 20 лет на проживание на 9 м², на четверти родительского дома, без газа, с удобствами на улице. Квартиру больше не предлагали, а сам он был гордый, на поклон никогда в жизни не ходил. Девчонки, его любимицы, появившись на свет в этом скворечнике, так и жили и спали на полу до студенческих лет. С ними же вместе жила, до кучи, и любимая охотничья собака Владимира Михайловича, английский сеттер Лайта, медалистка многих выставок, которая еще и имела обыкновение время от времени щениться, и этому беспокойному хозяйству отводился целый угол в каморке. Все разговоры Людмилы и Владимира на тему жилья заканчивались ничем, и тогда Людмила, всеми возможными и невозможными путями, определила мужа на прием к Горбачеву, в то время 1-му секретарю крайкома КПСС.

Владимиру Михайловичу семьей было предписано написать письмо, на котором Горбачев нанес резолюцию: «Надо помочь! Горбачев».

Квартиру получили только в 1979 году в уютном зеленом районе в центре Ставрополя. Командир был счастлив: это, считай, была его первая крупная победа в мирной жизни. Квартирка небольшая, но после той коморки казалась целым дворцом.

За обустройство взялись, как водилось, всей семьей. Владимир Михайлович, почувствовав второе дыхание, сам клал плитку, обустроивал и стеклил лоджии.

Девчонки бегали, суетились, шпаклевали, красили, клеили. В общем, гнездышко получилось на загляденье.

Все здорово. Только живи и радуйся. Они все и радовались. Каждый день, после стольких лет мытарств, был для них как праздник.

В 1981 году я был в гостях в этой семье, видел счастливые и гордые глаза его хозяина – было, где принять гостей. Видел хлопотавших вокруг стола и вокруг нас хозяек, заваливших нас, пресностоличных, казацкими выпечками и разносолами. Почувствовал запах воздуха, наполненного счастьем, которым все не могли насытиться хозяева этого чудного, еще пахнувшего свежей краской жилья.

В июне 1983 года Владимир Михайлович лег в больницу. Диагноз, в общем, не внушал опасений. Но обернулось все совсем неожиданно, страшно и необратимо. 14 июня 1983 года он ушел от нас... Ушел совсем еще не старым. Просто все свои переживания он носил в себе, накладывая на сердце все новые и новые рубцы.

Осталась память о нем, которая всегда будет жить в наших сердцах, пока живы мы, знавшие его, его дети и внуки и их дети».

Главы из ненаписанной книги

Владимир Михайлович вел обширную переписку с бойцами своего отряда. Задумав написать книгу о партизанской борьбе с фашистами в Белоруссии, он по крупицам день за днем восстанавливал события военных лет, сопоставляя факты, описывая тыловые рейды отряда, боевые операции, подвиги товарищей, партизанские будни.

Вот выдержка из рукописи фронтовика: «Наша часть, в которой я служил, находилась вблизи западной границы СССР. 21 июня 1941 года в 24.00 часть была поднята по боевой тревоге. На рассвете на всех стратегических направлениях на нас обрушились неожиданной силы удары многочисленной вражеской авиации и бронетанковых войск...».

В первые дни войны разрозненные части Красной Армии оказали врагу яростное сопротивление. Несколько суток без подкрепления, горючего, боеприпасов и продовольствия удерживали наши бойцы и город Гродно.

После того, как в ночном бою погиб командир, и немцы окружили танковый батальон, командование принял на себя начальник связи батальона, старший лейтенант В. М. Ребров, 25 лет от роду. С боями несколькими танковым экипажам удалось прорвать вражеское кольцо и выйти из окружения. Тут танкистам Реброва повезло, случайно встретили конников 6-го кавалерийского корпуса. Присоединились, стали на довольствие. Но постоянные преследования гитлеровцев, расстреливавших окруженцев в упор, разметали красноармейцев. Оставшиеся в живых с трудом оторвались от фрицев. Разведка донесла – немцы были везде.

Раненный, Владимир Михайлович принимает решение пробираться в болотистую, топкую глухомань белорусских лесов. Уже в ноябре 1941 года, подлечившись, Ребров устанавливает связь с партизанским отрядом. Это было начало. Владимир Михайлович вспоминал: «Вся Белоруссия... в короткий срок была покрыта густой сетью тюрем, концентрационных лагерей, гетто. Это были настоящие фабрики смерти».

Немцы и полиция грабили и сжигали целые деревни, угоняли их жителей на работу в Германию. Но, несмотря на угрозы «новых хозяев» и смертельную

опасность, белорусы оказывали мужественное сопротивление врагу, активно сотрудничали с партизанами.

«... был знаменем на поле боя»

«В проводимых боях тов. Ребров проявлял исключительное мужество и героизм, увлекая за собой всех бойцов и командиров, был знаменем на поле боя. Среди личного состава отряда и местного населения пользуется большим авторитетом. Местное население крепко уважает ребровцев».

Это строки из приказа по 1-й Минской партизанской бригаде о награждении В. М. Реброва личным оружием. После объединения разрозненных отрядов в крупное партизанское соединение Ребров в качестве начальника штаба бригады блестяще провел 4 группы Наркомата внутренних дел СССР специальным рейдом в тылу врага. Успех операции всецело обеспечили его умелое ведение разведки и соблюдение строжайшей дисциплины. После этого марша В.М. Ребров назначается начальником бригадной разведки. А уже 12 февраля 1943 года Ребров был назначен командиром отряда имени Федора Юрченко, впоследствии ставшего передовым звеном 1-й Минской партизанской бригады.

Из наградного листа на Реброва В.М.: «В период командования отрядом у тов. Реброва не было случаев неправильного принятия решений».

Отчет о войне

Среди пожелтевших документов, переданных на хранение в музей, – отчет о боевых действиях партизанского отряда с 1942 по 1944 год. Свой доклад командир Ребров писал как рапорт к торжественному параду в Минске по случаю освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Под его командованием и при личном участии в более чем 40 боевых операциях отряд уничтожил 3 гарнизона противника, 4 волостных управы, 8 продовольственных и кормовых баз. В «рельсовой» войне и в других операциях партизаны отряда подорвали 17 мостов, 150 воинских эшелонов, 880 вагонов, цистерн с ГСМ, платформ с техникой и живой силой; уничтожили 153 автомашины, 24 танка и другую воинскую технику оккупантов. Командир отряда В. М. Ребров лично подбил немецкий самолет. За его голову каратели назначили награду в 10 000 рублей золотом. Разгромом гарнизонов, минированием дорог и боями из засад народными мстителями было убито 2839, ранено 2265, взято в плен 436 гитлеровцев.

Из боевой характеристики В.М. Реброва: «Дисциплинирован, исключительно предприимчив, в бою смел, находчив, инициативен, решителен, политически и тактически грамотен, обладает большими способностями в организационной командно-руководящей работе, которые умело применял в условиях партизанской жизни».

За боевые заслуги в партизанской борьбе с немецко-фашистскими захватчиками В. М. Ребров был награжден именным командирским оружием системы «Маузер», орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени и шестью медалями Союза ССР. В августе 1944 года его представили к званию Героя Советского Союза. Все документы, подтверждающие это, сохранились. Однако он не сумел поехать на вручение Звезды Героя в связи с тем, что продолжалась война, обстановка была сложной настолько, что ему было не до хлопот о собственных наградах, так как он был направлен на Дальний Восток для участия в боевых действиях против милитаристской Японии.

В.М. Ребров был скромен и щепетилен в вопросах, касающихся его самого, и не похлопотал о получении заслуженной награды и после окончания войны. При жизни награда не нашла героя... Но чтобы справедливость была восстановлена, сегодня это очень важно его детям и внукам.

Живая память

Частный случай свел меня с дочерью Владимира Михайловича Реброва – Светланой. Светлана Владимировна, узнав, что я работаю в краеведческом музее, скромно упомянула об отце, который в годы войны был командиром партизанского отряда в Белоруссии. Стало очень неловко от того, что за 60 послевоенных лет судьба уроженца города Ставрополя с удивительной военной биографией осталась не замеченной историками и краеведами, не отложилась в музейных фондах. Увидев мой интерес к судьбе отца, Светлана познакомила меня со своей мамой – Людмилой Николаевной Ребровой, красивой женщиной, сразу же расположившей к себе необыкновенной открытостью.

Замечательная семья свято хранит память о Владимире Михайловиче. Он был героем нескольких необыкновенных, по-домашнему теплых встреч, которые подарили мне эти замечательные люди. Для них он навсегда останется любимым и незабвенным мужем, отцом, дедом. «Володя всегда был строг и принципиален в вопросах воспитания, с детьми никогда не заигрывал, был необычайно требователен», – вспоминает Людмила Николаевна.

Слезы на глазах, комок в горле не дают говорить. Она до сих пор не может простить судьбе безвременную разлуку с Володей. Потом, немного помолчав, благодарит ее же, судьбу, за такой щедрый дар, каким была встреча с Владимиром Михайловичем Ребровым. Это была любовь с первого взгляда.

Статный молодой офицер, только что вернувшийся с фронта, подтянутый и немногословный. Она всю их совместную жизнь боялась его разочаровать, старалась во всем соответствовать мужу, который сам во всем старался достичь профессионализма. Людмила Николаевна благодарным взглядом окидывает

стены комнат. Владимир Михайлович еще в 1981 году своими руками сделал ремонт их новой квартиры, который я приняла за недавний евроремонт.

«Каждый должен выполнять свое дело до конца», – добивался он без снисхождения от своих любимых женщин: жены и 2-х дочерей.

Непререкаемый авторитет отца в семье заставлял домочадцев во всем следовать его примеру.

Прогремел салютами 61-й день Победы, Владимиру Михайловичу Реброву исполнилось бы сегодня 90 лет. Его нет с ними уже 23-й год. Но сколько бы лет ни отсчитывало время, для них оно непрошедшее.

В сердце Людмилы Николаевны, ее дочерей и внуков бьется живая память и вечная любовь.

Общие внуки

О внуках Владимира Михайловича хочется сказать отдельно.

В судьбе ветерана случались удивительные жизненные перекрестки. На одном из них дочь Реброва Ольга встретила Владимира, сына Героя Советского Союза, маршала авиации Владимира Александровича Судца. Это произошло еще до присвоения его имени Ставропольскому высшему авиационному училищу. Сегодня у сватов-фронтовиков подрастают общие внуки. Самый младший из них – Арсений, чтобы не оборвалась эта фамильная ветвь, носит фамилию Судец-Ребров. На родословном древе с мощными корнями тянутся к солнцу новые молодые ветви.



ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Бурков С.Б.

Ингушетия, филиал СевКавГТУ г. Назрань,
заместитель начальника НИСа

Историко-культурное наследие Ингушетии: вопросы хранения, сохранности и использования (музееведческий аспект)

1. Недвижимые объекты культурного наследия – памятники истории и культуры бытового и погребального характера: древние и средневековые поселения, городища, некрополи, башенные комплексы, храмы и святилища – содержат в себе значительный объем информации, овеянной в том числе и в предметах материальной и духовной культуры, найденных учеными в процессе их стационарного изучения и хранящихся в фондах ИГМК в качестве отдельных коллекций.

2. К таковым можно отнести материалы работ АЛ ЧИГУ (ППАЭ) 1987–1989 гг. на Келийском и Шоанском (С.Н. Савенко, Е.И. Нарожный), Эгикальском (Б.М. Хашегульгов) могильниках горной Ингушетии, Чернореченском (С.Б. Бурков) и Самашкинском (Е.И. Нарожный) могильниках плоскостной Чечни, а также результаты исследований Ингушской экспедиции ИА РАН в зоне строительства г. Магас в 1996 г. (А.Г. Атавин, В.Ю. Малашев, В.Е. Маслов и др.); коллекции древних предметов, сданные археологической группой (инспекцией по охране памятников) при МК РИ за 1995–1996 гг. и АЦ при МК РИ (2002-2004г.г.). Кроме того, в музее находятся предметы, собранные его сотрудниками в ходе пополнения фондов в 1995-1996г.г., а также закупленные у населения или переданные ими в дар, происходящие из различных районов республики.

3. Что касается учетных материалов, то передаточные описи имеются лишь на материалы, представленные в фонды ИГМК исследователями из г. Москвы, а также на случайные находки из Назрановского района Ингушетии и ряд предметов, сданных сотрудниками инспекции по охране памятников. Остальные коллекции и большинство случайных находок нуждаются в безотлагательной обработке и оформлении надлежащей документации.

4. Согласно нормам действующего законодательства, по окончании работ с вещными коллекциями они передаются на постоянное хранение в государственные хранилища, в первую очередь тех территорий, где были найдены. Теперь за их сохранность отвечают сотрудники музеев, однако попадание в их фонды является лишь первым этапом в последующей судьбе древних предметов.

5. В ходе принятия коллекций на постоянное хранение происходит их первичная обработка (составление приемо-передаточных актов и описей, вещевых карточек, распределение по категориям и фондам хранения и т. д.). Эти и другие действия должны обеспечивать подготовку предметов к длительному хранению, обеспечению режимов сохранности и возможностей их дальнейшего использования. Сохранность вещных коллекций обеспечивается, в том числе, режимом хранения (влажность, температура, стерильность), ограничением доступа, обеспечением авторского права составителя или передатчика предметов. Использование хранящихся в музеях памятников материальной и духовной культуры во многом определяется режимом их работы, а также техническими возможностями обеспечения доступа исследователей к предметам хранения.

6. В обеспечении сохранности значительную роль играют условия хранения. Особенно это касается легко портящихся предметов из ткани, кожи, дерева, остеологического и краниологического материалов, образцов древних злаков. В отношении вышеназванных факторов ИГМК им. Т. Мальсагова находится в очень сложном положении: не соблюдаются температурный и влажностный режимы, отсутствует стерильность, обработка тканей, кожи, дерева не производится, что приводит не только к постоянной порче экспонатов и их стремительному старению с последующей утратой, но и создает опасность заболеваний среди хранителей, до сих пор лишенных отдельного помещения для своей работы. Все фонды находятся в одном непригодном помещении, полноценная работа посетителей с хранящимися ценностями до сих пор невозможна.

7. В условиях, когда лицензирование музейной деятельности отменено, лишь государственные хранилища с их налаженной системой учета, контроля за сохранностью и использованием предметов в состоянии обеспечить приемлемый уровень их сохранности. Частные, ведомственные, школьные и иные музеи, краеведческие уголки, и прежде всего – граждане, являющиеся собственниками коллекций древних предметов, порой не знакомы даже с элементарными правилами и не обладают навыками учета, хранения, экспонирования и использования (эксплуатации) находящихся в их распоряжении предметов старины, не в состоянии сохранять в надлежащем виде движимые объекты культурного наследия. Поэтому все большее значение приобретает методиче-

ская и практическая помощь главных хранителей древности – государственных музеев краеведения. Проведение семинаров, лекций, практических занятий по научению основным принципам и приемам музейной деятельности в сочетании с полным учетом всех имеющихся частных коллекций, материалов негосударственных и школьных музеев, иных хранилищ и организация усилий в этом направлении региональных краеведов должны помочь решить сложные проблемы хранения, обеспечения сохранности и использования всех доступных нам предметов материальной культуры древней и современной нам эпох.

8. В перечне других проблем – отсутствие издаваемых перечней хранящихся древностей, каталогов предметов, пассивность хранителей в научной оценке и публикации материалов, отказ от апробированной практики передвижных, в том числе межрегиональных выставок, общая слабость и разобщенность краеведческого движения в национальных республиках Северного Кавказа. Финансовые проблемы и отсутствие специалистов – полевиков-археологов, этнографов, фольклористов не позволяют многим музеям вести активную экспедиционную деятельность. Кропотливая и ежедневная работа с населением по отбору и приобретению новых раритетов – важная составная часть работы по сохранению историко-культурного наследия.

Школьное учебное и внеклассное краеведение должно быть организовано, обеспечено необходимой научно-методической и справочной литературой, широко поддержано на административном уровне. Творческий союз работников музеев, краеведов, школьных и студенческих коллективов, использование музейно-архивных, поисковых и иных практик может и должно стать весомым дополнением в общем деле сохранения нашего общего национального достояния.



Зольникова Ю.Ф.
СГУ, доцент,
кандидат географических наук

Вклад научных обществ в изучение рекреационных ресурсов Северного Кавказа (конец XIX – начало XX в.)

Во второй половине XIX в. были созданы Кавказские медицинские, бальнеологические и горные общества, которые совместно с Русским географическим обществом стали заниматься медико-географическими исследованиями по изучению лечебных факторов Северного Кавказа. В истории развития отечественной бальнеологии и курортов такие общества сыграли большую роль. В конце XIX – начале XX вв. стали создаваться другие общественные и научные организации, деятельность которых была посвящена всестороннему изучению Кавказа, в т. ч. большое внимание уделялось и изучению рекреационных ресурсов, туристско-экскурсионных объектов.

Одно из первых наиболее значимых обществ на курортах России – Русское бальнеологическое общество (РБО) – было основано в 1863 г. в Пятигорске по инициативе С.А. Смирнова, для широкой и активной деятельности врачей при водах и формирования науки о водах – бальнеологии. Деятельность Русского бальнеологического общества связана с организацией и ростом курортной деятельности на курортах Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и Железноводск. В состав РБО входили врачи, геологи, химики, архитекторы и общественные деятели, которые вели различные исследования на Кавказских Минеральных Водах: изучали месторождения источников, предлагали способы рационального использования вод с лечебной целью. Русское бальнеологическое общество вложило большой вклад в развитие курортов Кавказских Минеральных Вод: были выработаны показания и противопоказания для каждого курорта, организовано издание «Путеводителя по курортам Кавказской группы» (1863), разработаны проекты административного устройства курортов и благоустройства вод. Общество принимало участие в бальнеологических съездах, издавало «Записки Русского бальнеологического общества». В 1894 г. Русским бальнеологическим обществом была обоснована технология и внедрены в практику розлив и рассылка «бутылочной» воды по всей стране (1). Важной заслугой РБО является то, что оно положило начало научному изучению влияния климата как лечебного фактора. Общество стремилось организовать метеорологические станции на всех курортах Кавказских Минеральных Вод.

Вся история Русского бальнеологического общества на Кавказских Минеральных Водах связана с научными исследованиями и организационными

мероприятиями, направленными на развитие курортов. РБО старалось поставить курорты региона Кавказских Минеральных Вод на должную высоту, научно обосновать применяемые методы лечения, постоянно заботясь об улучшении практической работы не только на Кавказских Минеральных Водах, но и в других курортах страны. Общество считало важной стороной своей деятельности установление связи с другими курортами России. Доклады, которые делали приезжавшие из разных регионов врачи, давали Обществу возможность ознакомиться с минеральными богатствами России и, по мере возможности, оказывать своими советами содействие развитию этих курортов. Почти 60-летняя работа Русского бальнеологического общества дает основание утверждать, что русская курортная наука родилась на Кавказских Минеральных Водах и оказала большое влияние на развитие других курортов (2). Русское бальнеологическое общество в течение многих десятилетий было ведущей научной организацией медицинской общественности на кавказских курортах.

В конце XIX – начале XX вв. на курортах Кавказских Минеральных Вод возникли другие бальнеологические общества, которые, в отличие от Русского бальнеологического общества, занимались отдельными проблемами бальнеологии. В частности, «Общество врачей, практикующих на Кавказских Минеральных Водах», возникшее в Ессентуках в 1902 г., объединило врачей из разных городов России, прибывавших на Кавказские Минеральные Воды в лечебный сезон, т. е. оно функционировало $\frac{1}{4}$ часть года. Члены Общества обменивались методиками применения вод. Общество врачей, практикующих на Кавказских Минеральных Водах, ставило своей целью изучать рекреационные ресурсы, лучше организовывать лечение, способствовать расцвету Кавказских курортов. На заседаниях Общества поднимались вопросы о проблемах Кавказских Минеральных Вод и проводились ходатайства об их решении перед администрацией (3). Таким образом, Общество вошло в круг русских медицинских обществ и боролось за интересы Кавказских Минеральных Вод, способствуя их процветанию.

Параллельно с работой бальнеологических обществ, вопросами изучения рекреационных ресурсов занимались и медицинские общества, в частности, Кавказское медицинское общество, основанное в 1864 г. Члены этого Общества приняли большое участие в развитии бальнеологии и изучении других видов рекреационных ресурсов. Кавказское медицинское общество принимало участие в развитии ессентукского курорта, в общих и частных вопросах по бальнеологии и климатологии, в организации лаборатории. Члены Кавказского медицинского общества делали предложения по улучшению применения вод, указывали на важную роль климатотерапии, высказывались пожелания, чтобы воды были более доступны бедному населению, указывалось на отсутствие

охраны источников (закон об охране источников вышел в 1886 г.), трудные пути сообщения (4).

В начале XX в. начали появляться местные медицинские общества. Одно из них – Кисловодское медицинское общество. На заседаниях этого Общества обсуждался широкий круг вопросов: работа Управления Вод, устройство зимнего лечения в Кисловодске. Больше всего Кисловодское медицинское общество интересовало вопрос о нарзане, его каптаже, дебите и качестве воды. В то время состояние источника вызывало серьезную тревогу – дебит уменьшался, снижалось содержание углекислоты. На совместных заседаниях врачей и гидрогеологов обсуждались вопросы об открытии новых источников минеральной воды для питьевого лечения, о доломитном нарзане и показаниях для лечения этой минеральной водой, об устройстве грязелечебницы в Кисловодске, организации солнечных ванн, терренкура, лечения астматиков.

Большой вклад в изучение рекреационных ресурсов, в развитие бальнеологии на Кавказских Минеральных Водах, в становлении отечественных курортов и курортной деятельности сыграли представители русской клинической медицины – петербургская и московская клинические школы, которые учли накопившийся опыт курортного лечения и методы бальнеотерапии, применяя их для клинических условий.

В изучение рекреационных ресурсов горных районов Северного Кавказа внесли вклад и созданные на рубеже XIX – XX вв. горные общества.

С 1890 г. начал функционировать Крымско-Кавказский горный клуб (до 1905 г. Крымский горный клуб), члены которого интересовались природными богатствами Кавказа. В своей работе Клуб большое внимание уделил разработке вопроса о пригодности отечественных курортов для лечебных целей и о способах развития курортной жизни на Кавказе (5, с. 9-46). Деятельность Крымско-Кавказского горного клуба за 25 лет существования отразилась в его «Записках».

В 1901 г. в Москве начало свою работу Русское горное общество (РГО), основателем которого стал альпинист А.К. фон Мекк. Задачи Общества заключались во всестороннем изучении гор и распространении сведений о них, знакомство с горной природой путем путешествий, экскурсий и восхождений. Создание общества диктовалось потребностью времени, массовым увлечением туризмом и альпинизмом в России на рубеже веков. Русские альпинисты стремились покорить вершины Кавказских гор, исследовать окрестности и склоны (6, с. 301-314). В результате работы РГО на Кавказе был создан первый высокогорный приют у подножия Казбека; подбирались проводники, которые оказывали помощь путешествующим по горам Кавказа.

Пропагандируя идеи горного туризма и альпинизма, РГО стало родоначальником подобных организаций на Кавказе.

В конце XIX – начале XX вв. район Кавказских Минеральных Вод стал центром, вокруг которого создалась заметная, имеющая большое культурное значение общественная организация – Кавказское горное общество в Пятигорске (КГО). Оно было основано в 1899 г., но приступило к работе лишь в 1902 г. (7, с. 4-14). В первую очередь, общество развернуло туристско-экскурсионную и альпинистскую деятельность. При содействии Кавказского горного общества, под руководством его членов экскурсанты ежегодно посещали вершины Пятигорья, знакомясь с окрестностями КМВ. Общество заботилось о поддержании и проведении тропинок и дорожек на вершины Бештау, стремилось к созданию высокогорных курортов на вершинах гор (8, с. 39-40). Численность туристов росла с каждым годом, в 1914 г. она составила 5000 человек. Постепенно расширялась и география экскурсий: они включали не только окрестности городов-курортов, а проходили по Военно-Грузинской, Военно-Осетинской дорогам, в Сванетию и др. Основное внимание уделялось ученическим экскурсиям, организация которых началась в 1905 г. Для учащейся молодежи составлялись маршруты, указывалась литература, высылались карты, путеводители; в Пятигорске, Кисловодске, Владикавказе предоставлялось жилье, давались опытные руководители (9, с. 155-162). В 1908 г. здание канцелярии КГО было переоборудовано в ученический приют (турбазу), откуда школьники и студенты совершали экскурсии на Машук и Бештау, по городам и окрестностям КМВ. В 1912 г. из 2787 участников экскурсий 2170 человек составляли учащиеся (7, с. 4-14).

Кроме работ по развитию туризма, важное значение имели и работы КГО по развитию альпинизма на Кавказе. Членами общества был устроен «Приют одиннадцати» на склоне Эльбруса. Работы общества сделали возможными массовые восхождения на эту самую высокую вершину Кавказа. Под руководством общества были совершены восхождения на Ушбу, Шхельду и многие другие труднодоступные вершины Кавказа; проложены туристские маршруты по Баксанскому ущелью, долинам рек Ардон и Терек, Кубани, Главному Кавказскому хребту. Многие из этих маршрутов вскоре приобрели широкую популярность.

Существенное значение имели работы КГО в области изучения и освоения новых лечебных местностей. Общество исследовало климато-бальнеологические и медицинские свойства и рекомендовало к использованию такие местности, как Теберда, Цейское ущелье и Тамисские сероводородные источники в Северной Осетии, Долина нарзанов и Верхнемалкинский горячий

углекисло-мышьяковистый источник в Кабардино-Балкарии, район Сочи, Мацесты и Хосты на Черноморском побережье.

С 1904 г. общество стало издавать «Ежегодник Кавказского Горного Общества в гор. Пятигорске». Таким образом, в результате своей деятельности КГО стало одновременно экскурсионным бюро, центром по приему ученических групп, клубом горных туристов и методическим центром по разработке маршрутов (10, с. 21-42).

В 1909 г. во Владикавказе был создан Горный клуб, просуществовавший три года. Члены клуба содействовали проезжавшим через Владикавказ экскурсантам в устройстве экскурсий по заранее разработанным маршрутам, в проведении консультаций. Для приема экскурсантов клубом было создано два приюта. Клуб разработал 21 маршрут однодневных, двухдневных и многодневных путешествий, а также проводил для хорошо подготовленных групп восхождения на Казбек и Эльбрус.

К русским исследователям присоединяются зарубежные ученые и альпинисты. В начале XX в. в ряде стран создаются Клубы любителей Кавказских гор, например, в Германии возник «Германский Кавказский клуб». Члены отдельных клубов совместно с русскими исследователями совершали первовосхождения в районе Теберда-Домбай.

В 1897 г. возникло Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) для изучения, исследования и описания Кубанской области во всех ее научных отношениях. Придавая большое значение экскурсиям и путешествиям в деле изучения края, правление ОЛИКО стремилось предоставить своим членам возможности посетить какие-либо любопытные в научном отношении уголки края, организовывались ученические экскурсии в горные местности: Горячий Ключ и Туапсе; в Карачай – верховья Кубани и притока ее Теберды; в долину Убина – г. Попай; в верховья Малой Лабы, на перевал Псеашха и Красную Поляну. Позднее экскурсии проводились через ст. Шапсугскую в Геленджик; в верховья Большой Лабы.

Экскурсии принесли большую пользу в деле ознакомления с горными местностями Кубанского края, они давали богатый материал для изучения.

В 1911 г. по инициативе Н.И. Воробьева в Петрограде было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа, цель которого заключалась во всестороннем изучении восточного побережья Черного моря в историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом отношении. Общество много сделало для изучения черноморского побережья и ознакомления широких кругов общества с естественными богатствами Черноморского побережья Кавказа (11). Оно всесторонне представляло отечественные Черноморские летние и зимние лечебные места для привлече-

ния на побережье большого числа дачников и туристов из числа отправляющихся ежегодно за границу.

Таким образом, в изучение рекреационных ресурсов Северного Кавказа большой вклад внесли региональные общества врачей, геологов и других специалистов, созданные во второй половине XIX в. Особенно большую роль в изучении бальнеологических ресурсов и развитии курортов играли бальнеологические и медицинские общества: Русское бальнеологическое общество (1863), Кавказское медицинское общество (1864), Общество врачей, практикующих на Кавказских Минеральных Водах (1902) и др., которые занимались медико-географическими исследованиями лечебных факторов Северного Кавказа и развитием городов-курортов (проекты благоустройства, путеводители, лаборатории и др.). Кроме таких обществ, на рубеже XIX–XX вв. появляются туристско-экскурсионные общества: Крымско-Кавказский горный клуб, Кавказское горное общество, Общество любителей изучения Кубанской области, которые большое внимание уделяли организациям экскурсий, путешествий, развитию альпинизма.

Использованная литература и источники:

1. Савощенко И.С. Роль Русского Бальнеологического Общества в развитии курортов Кавказских Минеральных Вод. – Ставрополь, 1958. – 175 с.
1. Кавказские Минеральные Воды / Под ред. И.С. Савощенко. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1960. – 278 с.
2. Отчет Общества врачей, практикующих на Кавказских Минеральных Водах в Ессентуках. – Пятигорск, 1903. – 56 с.
3. Исторический обзор деятельности Общества врачей, практикующих на Кавказских Минеральных Водах за десять лет, 1902 – 1911 гг. – М., 1912.
4. Смирнов В.И. Отчет о деятельности Крымско-Кавказского Горного Клуба за 25 лет своего существования (1890-1891 гг.)//Юбилейный сборник Крымско-Кавказского Горного Клуба. – Одесса, 1915.
5. Колесникова М.Е. Кавказское Горное общество//Ставропольский хронограф на 2002 год – Ставрополь, 2002.
6. Ларинцева А.Г. Кавказское горное общество в Пятигорске. Записки Пятигорского краеведческого общества на КМВ. Вып. 26: 90-летие общественного краеведения в Пятигорске. – Пятигорск, 1992.
7. Будрик В. Кавказское Горное Общество и его задачи на Бермамыте//Кавказские курорты. Иллюстрированный литературный популярно-научный и общественный журнал. – 15 февраля 1917 г.
8. Коваленко А.Н. Кавказское Горное общество: К 100-летию со времени основания//Ставроп. хронограф на 2001 год.– Ставрополь, 2001.
9. Обзор деятельности Кавказского горного общества за 1904-1907 гг.//Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. – Пятигорск, 1908. – №2.
10. Доброхотов Ф.П. и др. Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. – Петроград, 1916. – 527 с.

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Голикова Екатерина
г. Ставрополь, МОУ СОШ № 7,
учащаяся 10-го класса

Научный руководитель: **Отюцкий И.В.**

Татарское городище — археологический памятник Ставрополя

Целью моей работы является изучение истории существования древнего города и культуры народов, населявших Татарское городище на разных этапах развития.

Важной источниковой базой исследования по проблеме явились, прежде всего, экспонаты, фотографии археологических находок, представленных в СГМЗ им. Прозрителева и Праве. Также мною был проработан в СГКМ фонд № 79 «Минаева Татьяна Максимовна». В фонде содержатся биографические материалы об изучении археологии Северного Кавказа Минаевой Т.М., представлен перечень опубликованных работ Татьяны Максимовны, описан вклад ученой в исследование проблем археологии на территории края.

Ценным источником явились комментарии, консультации, пояснения, полученные в результате опросов ведущих археологов музея-заповедника Отюцкого И.В. и Галаевой В.Н. База изучения памятника пополнялась результатами исследования археологического объекта после экскурсий на место раскопок, организованных нашим руководителем Каменевой Г.Н.

Татарское городище является памятником масштабного значения. Это не только исторически интересный объект, но и прекрасный уголок природы. Попадая на его территорию, окунаешься в неизведанный мир прошлого. На его полянах и в лесах произрастает множество редких и прекрасных растений, обитают разные виды животных.

Татарское городище состояло из трех автономных частей, и функционировало с VIII в. до н. э. по X – XI вв. н. э.

История объекта делится на несколько периодов. Первый из них принадлежит кобанскому (VIII–VII вв. до н. э.), второй – скифскому (VII–IV вв. до н. э.), третий – сарматскому (III в. до н. э. – III в. н. э.) и последний, четвертый, – хазарскому (VIII–X вв. н. э.) времени. В IV веке н. э. из глубин Центральной Азии в Предкавказье ворвались гунны. С них начинается приход в регион различных народов тюркского происхождения. В это время жизнь на городище затухает и возобновляется лишь в VIII веке.

Предметы быта свидетельствуют о том, что городище населяли воины, скотоводы, охотники и ремесленники. В Цитадели размещалась знать. Наличие стерильных слоев между культурными слоями указывает на то, что люди пери-

одически оставляли территорию городища или сокращали жилые участки, а затем поселялись и расширяли селение вновь. Население Предкавказья, включая Татарское городище, было этнически неоднородным. Его основу составляли аланы и болгары. К сожалению, до сих пор ученые не знают, почему и как древняя крепость прекратила свое существование. Татарское городище не упоминается ни в древнерусских летописях, ни в трудах византийских, древнегреческих, готских и арабских авторов. Следов штурма крепости (обгорелых камней, фрагментов оружия и человеческих костей) археологи пока не обнаружили. Возможно, люди оставили ее из-за каких-то социальных проблем, болезней или по религиозным соображениям. Историкам еще предстоит разгадать эту и многие другие загадки Татарского городища.

Народы, чья культура и развитие связаны с историей Татарского городища, не навредили красоте этого удивительного уголка природы. Но, к сожалению, побывав на территории городища, я заметила, что оно, как и множество других объектов, подвергается загрязнению, вандализму. Шагнув за пределы охранной зоны музея-заповедника, попадаешь в привычный мир современного города. Жилые кварталы новой застройки вплотную подошли к территории Татарского городища.

Экскурсия по городищу настраивает на бережное отношение к памятнику прошлого и его природному комплексу.

Татарское городище изучается вот уже второй век. Раскопки и другие исследования на его территории проводились такими выдающимися археологами, как Прозрителев, Минаева. Они ведутся и до сих пор, ведь городище изучено лишь частично!

И в настоящее время раскопки на его территории проводили и проводят археологи и ученые других специальностей. Их имена: В.Н. Каминский, Н.А. Охонько, В.Ю. Малашев, В.И. Ушкал и А.А. Кудрявцев, палеонтолог А.К. Швырева, ученые естественно-географического факультета Ставропольского университета В.В. Савельева, Б.Л. Годзевич, В.А. Шальнев, Ю.А. Дударь, А.А. Кондратьева, М.Ф. Тертышников, А.А. Лиховид и другие.



Дорохина Анастасия,

**Драчева Анастасия,
Каракашева Кристина**
ученицы 9 «Б» класса МОУ СОШ № 11
с. Татарка,

научный руководитель **Андрющенко Т.Н.**

Мой любимый экспонат (инсценированное сообщение)

Коллекция русской народной вышивки в музее – одна из самых значительных, в нее входят 52 предмета основного фонда. Одни из них отличаются крайней простотой формы, другие, наоборот, – сложным построением, но все вместе они образуют группу «родственных» мотивов, входящих в единые прототипы. Большое количество вариантов вышивок, богатство и разнообразие мотивов орнамента и его композиционных решений дают в руки исследователя коллекции бесценный материал для понимания путей развития русского орнамента.

Ведущая:

Есть в музее экспонаты, к которым у меня отношение особенное. При виде их переполняют чувства восхищения и сопричастности к появлению народно-прикладного искусства. Сразу вспоминается знойное лето 2001 г. и мое участие в поисковой экспедиции. Эти полотенца из домотканого холста, декорированы вышивкой начала XX века. Передали их в дар музею жительницы улицы Горной – Надежда Ивановна Протасенко и Ольга Владимировна Тарасова.

Удивительное совпадение, но именно эта улица расположена над скалами и ведет в лес, к Татарскому городищу, словно связывает воедино историю трех тысячелетий.

По материалам археологических раскопок известны вышивки скифов. В эпоху первобытной культуры впервые появился стежок, шов на одеждах из шкур животных. Далее каменное, костяное шило было заменено костяной иглой, затем бронзовой и позже стальной.

Русская народная вышивка имеет давнее историческое прошлое, связанное с древнеславянской культурой. В старину «строчить письмо» значило вышивать строкой. Мы с вами сейчас заглянем в горницу начала XX века и послушаем вышивальщиц, они-то нам и объяснят назначение этих полотенец.

Девушка I:

Издавна женщина является главной хранительницей обрядов, которые обеспечивают благо семье. За вышивку мы садимся после того, как выткали холсты и управились с пряжей, когда дни стали долгими и светлыми.

Во время ожидания прилета птиц, которые на своих крыльях принесут «тепло летечка», а с ним и добрый урожай.

В пору грядущего воскресения природы, если вышить по серебристой холстине огненно-красные узоры, то они будут нести благотворную силу добра, оберегая семью от сглаза и порчи.

Девушка II:

Посмотри-ка, Настенька, у меня ладно получаются узоры? Мне осталось вышить еще 10 рушников, – и будет их 40 – столько, сколько нужно для приданого девушке. Я вышила большое, нарядное «рукобитное» – жениху в знак согласия на брак; для свадебного поезда. Полотенце для свадебного чина, когда нас поставят рядом и свяжут руки.

Тебе понравились мои одежды: рубахи и передники? Маменька говорила, что в первый год после замужества они должны быть особенно нарядными и красивыми.

Девушка I:

А я закончила вышивать скатерть, простыню с нарядным краем и подзор на кровать. Наволочки получились особенно яркими. Готово полотенце с петухами на божницу, для праздников украшать дом. 10 полотенец для родильных и крестильных обрядов и ритуальное, для покойника, длиной в 7 метров. Готовы полотенца для поминовения и для подарка в церковь.

Расскажи, Аленушка, про свой рушник, который ты только что закончила.

Девушка II:

Это полотенце получилось знатное. Холст я выткала из хлопчатобумажной нити на ткацком станке на 4-х ремизах. Край украсила орнаментом, последовательность которого обозначает мою молитву на урожай. Назначение полотенца – ритуальное. На нем я понесу рождественскую кутью в храм Божий. Об этом говорят мои елочки. Ромб – это солнечный круг, а ромб с крестом и человеческие фигурки – «девы» с поднятыми руками, символизируют плодородие и женское начало в природе.

Девушка I:

Я закончила полотенце для посиделок, игрищ на масленицу, после длительных холодов люди празднуют, танцуют. На льняной холстине вышила сюжеты праздника: на одной стороне танцуют мужчина и женщина под балалайку. Музыкант сидит под деревом. Сверху надпись: «Делу время, потехе час». С другой стороны рушника пляшут 2 пары. Сверху надпись: «Пляшите, братцы!»

По краю украсила зубчатым краем в технике «филейка», а полосы из листьев винограда связала крючком. Такие наряды носили на родине наших прадедов – крестьян-однодворцев с Полтавской губернии.

Ведущая:

В вышивках раскрывается глубокое чувство нравственности и внутренней красоты народа, его создавшего. Творцы узоров были неразрывно связаны с природой родного края, со своей землей-кормилицей, и образы русской народной вышивки как бы сконцентрировали в себе смысл трудовой народной жизни. Идею высокую и благородную – растить урожай, чтобы не перевелся род человеческий, чтобы жил он на земле так долго, сколько будет светить солнце.

Слово «красный» в древнерусском языке связано с представлением об огне и свете. Понималось оно как «благовидный» и «прекрасный». От понятия света оно перешло к обозначению цвета, сохранив то же значение, что и белый свет. В народе верили, что красный цвет обладает чудесными свойствами, и связывали его с плодородием.

Использованная литература и источники:

1. Бакушинская А.В. Исследования и статьи. М., 1970.
2. Белеслеева Л.И., Крестьянинова Л.Ф. Современное народное искусство. М., 1975.
3. Большая Советская Энциклопедия, т.9. с. 533-540.
4. Некрасова М. А. Современное народное искусство. Л., 1980.
5. Некрасова М.А. Народное искусство России. М., 1983.
6. Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1990.
7. Федюшкина И.С. Вышивка. М., 1994.



Документальные коллекции в ученическом музее МОУ СОШ № 1 г. Ставрополя и характер их хранения

Я являюсь студенткой СевКавГТУ и обучаюсь на гуманитарном факультете по специальности «Социо-культурный сервис и туризм». С целью усовершенствования своих знаний по дисциплине «Основы музейного дела» я решила обратиться к теме документальных коллекций школьных музеев. Музей МОУ СОШ № 1 я выбрала потому, что окончила эту школу 2 года назад, и считаю, что музей именно этой школы достоин особого внимания.

В ученическом музее МОУ СОШ № 1 г. Ставрополя представлены 2 экспозиции: «Великая Отечественная война» и «История школы».

Для рассмотрения избрана экспозиция, посвященная истории школы № 1. Предметы в этой коллекции имеют комплексный характер, т. к. основой собрания является документирование исторического развития школы.

Основными компонентами этой коллекции являются фотографии и документы на бумаге: грамоты, аттестаты, благодарственные письма, почтовые письма (в частности, письма, адресованные выпускниками школы к сегодняшним учащимся МОУ СОШ № 1), дипломы, а также газетные вырезки, имеющие историческое значение для музея и школы и т.п. В музее имеются и некоторые предметы быта выпускников МОУ СОШ № 1: канцелярские принадлежности, учебники и т. д.

Темой моего выступления является рассмотрение документальных коллекций. Документальные материалы музея играют значительную роль в развитии и обучении молодого поколения учащихся МОУ СОШ № 1. Практически все фотографии, документы могут использоваться и используются на уроках истории, тематических вечерах, праздниках, которые имеют непосредственное отношение к школе.

Фотографии – это один из самых важных источников информации ушедшего времени. Никакой другой предмет из документальной коллекции не может образно воссоздать какой-то момент прошлого.

Предметы такого рода требуют к себе тщательного и скрупулезного отношения. Они должны находиться в определенных световых и температурных режимах: оптимальная температура для хранения черно-белых фотографий – до +12 градусов, при влажности 40–50 %; оптимальная температура для хранения цветных фотографий – до +5 градусов, при влажности 40–50 %; необходим

низкий световой режим, т. е. надо избегать попадания прямых солнечных лучей.

Но также существует проблема реставрации испорченных фотографий. В этом случае на помощь приходят цифровые технологии. За счет этого можно не только восстановить фотографии, но и придать цвет старым черно-белым фотографиям.

Основной документальной базой являются экспонаты на бумажной основе. Именно эти предметы обычно подвергаются тщательному изучению, что в свою очередь требует определенных правил хранения.

Бумага – это такой материал, который моментально «реагирует» на воздействие окружающей среды и, конечно, времени, т. о. необходимо соблюдение следующих правил хранения: подходящая температура – +17–19 градусов, при влажности 50–55 %; оптимальный низкий световой режим.

Исследуя вопрос хранения и использования документальной коллекции школы № 1, необходимо отметить то, что соблюдаются все условия правильного хранения и использования.

Все ранее перечисленные предметы хранятся в фонде музея МОУ СОШ № 1. Помимо световых и температурных режимов, соблюдается биологический режим, который препятствует возникновению плесени, насекомых, грызунов.

Для учета музейных предметов предусмотрены учетные документы: журнал учета, систематический каталог, книга поступлений и журнал хранителя.

Мы, студенты, изучающие деятельность музея МОУ СОШ № 1, хотели бы посоветовать привлекать как можно больше учащихся школы в помощь музею и для саморазвития. Помимо этого, хотели бы выступить с предложением о сотрудничестве школьного музея со студентами – будущими специалистами социально-культурного сервиса на волонтерской основе. Студенты могут оказать поддержку в организации мероприятий по повышению эффективности использования документальных коллекций. В частности, организации взаимодействия между школьными музеями, коллекции которых посвящены истории Великой Отечественной войны и истории школы. Это позволило бы реализовать современную модель наставничества, которая рекомендована Международным Советом Музеев.

Хачатурян Илья,
ученик 8 «В» класса
МОУ СОШ № 28 г. Ставрополя
им. Героя Советского Союза
генерал-лейтенанта инженерных
войск Д.М. Карбышева,

научный руководитель **Облогина Н.В.**

История музея Боевой Славы МОУ СОШ № 28 г. Ставрополя

Происхождение и развитие музеев связано с общественными потребностями в собирании, сохранении и изучении объектов природы, памятников материальной и духовной культуры – документальных свидетельств, необходимых для исследования процессов, явлений, фактов исторического развития природы и общества, а так же для пропаганды научных знаний, удовлетворения познавательных, культурных, эстетических потребностей общества.

Воспитание детей и молодежи в современном российском обществе осуществляется в условиях политического реформирования. Социально-экономические инновации периода становления российской государственности вызвали расслоение общества, ценностную переориентацию в молодежной среде.

Деятельность школьных музеев способствует формированию патриотизма в ходе практической деятельности. Школьный музей помогает воспитывать в учащихся исследовательскую активность, способствует развитию творческого мышления, прививает навыки самостоятельного приобретения знаний.

Уже 2 года я являюсь членом музейного совета. Мне близки и понятны основные задачи работы музея в нашей школе, всегда с интересом слежу за новыми открытиями и находками. Поэтому я решил воссоздать историю создания Музея Боевой Славы МОУ СОШ №28. Достижение цели творческой работы осуществлялось путем сбора и анализа литературы о музейном деле, деятельности школьных музеев; проведения анкетирования школьников; интервью с учителями - ветеранами школы, выпускниками школы; описания опыта создания и деятельности Музея Боевой Славы МОУ СОШ № 28 г. Ставрополя.

История возникновения музея

В 1963 г. на окраине г. Ставрополя была построена школа № 28. Учитывая психологические особенности ребят, было решено организовать воспитание на примере ярких личностей. Ребята в каждом классе выбрали героя и стали

собирать о нем материал. В ходе этой работы учащимся приходилось общаться с интересными людьми, работать в библиотеках, писать запросы.

В микрорайоне проживало много ветеранов Великой Отечественной войны. Ребята организовали тимуровское движение, а на каждом доме, где проживал ветеран - прикрепили красную звезду. Традиционными стали поездки и походы по местам боев, из которых дети привозили интересные материалы, а потом оформляли альбомы, уголки.

Вскоре старшая пионервожатая выдвинула идею: бороться за право носить школьной пионерской дружине имя Героя Советского Союза Д.М. Карбышева. Во все концы полетели письма, была установлена связь с центральным всесоюзным штабом карбышевцев, с дочерью Д.М. Карбышева – полковником в отставке Е.Д. Карбышевой, в 1972 г. впервые делегация представляла школу на VI Всесоюзном слете карбышевцев. В 1970 г. на средства, заработанные учащимися, во дворе школы был поставлен памятник дружинному герою.

Выезжая на экскурсии в п. Домбай и г. Теберда, юные карбышевцы посещали места жестоких боев, узнавали историю освобождения Северного Кавказа. В школу часто приглашали участников Великой Отечественной войны. Ребята ездили на экскурсии в города Москву, Киев, Ленинград, Севастополь и т. д. и жили, как правило, в школах, там знакомились с историей этих легендарных городов. С началом активного участия в карбышевском движении география поездок расширилась. Ребята побывали в школах гг. Курган, Калинин, Новосибирск, Гродно, Волгоград. Из этих поездок, экспедиций в школу поступал интересный материал, который нужно было сохранить и использовать в учебно-воспитательном процессе.

В 1975 г. на базе имеющегося материала был создан зал Боевой Славы. Этому предшествовал целый год кропотливой работы. Создали штаб, в который вошли учителя, учащиеся. Обсуждали эскизы зала, стендов, консультировались у сотрудников музея. И вот в канун Дня Победы состоялось торжественное открытие.

Зал носил в основном ритуальный характер. В нем проводились все торжественные мероприятия: пионерские сборы дружины, прием в пионеры, встречи с почетными гостями, комсомольские собрания.

Именно в 1975 г. в школе под руководством учителя истории Темновой Р.И. начал свою деятельность клуб «Искатель». В клубе собираются ребята, увлеченные историей родного края. Постепенно именно клуб при зале Боевой Славы стал центром патриотического воспитания в школе. Узнавая что-то новое, ребята шли в классы с сообщениями, начинали проводить первые экскурсии.

И вот после одной из поездок на заседании клуба выдвинули предложение: «А почему бы и в нашей школе не создать музей?». С этой идеей отправились к директору школы Облогиной В.И. Идея ей понравилась, и началась разработка проекта.

Обратились в городские органы образования с просьбой разрешить на базе школы создание музея. Ознакомились с «Положением о школьном музее», в котором было сказано, что школьный музей может быть открыт при наличии постоянного актива учащихся и «фонда подлинных материалов, соответствующих профилю музея, а также необходимых помещений и оборудования, обеспечивающих хранение и показ собранных коллекций». Решили вопрос о помещении и оборудовании с помощью шефских предприятий. Следующим этапом был отбор материала, этот процесс осуществлялся вместе с сотрудником музея им. Праве Феоктистовой Л.А. При этом учитывались следующие критерии: профиль музея, его основная тема; подлинность, уникальность памятника; возможность использования в учебно-воспитательном процессе.

Был объявлен конкурс эскизов композиции музея. Руководил оформлением музея Облогин В.П. Экспозицию стремились оформить грамотно и в соответствии с основными требованиями современной музейной эстетики. Но задача состояла не в том, чтобы сделать школьный музей похожим на государственный, главное – чтобы ребята, работающие в музее, приобщились к настоящему труду. Поэтому к оформлению экспозиции музея активно подключались учащиеся. И вот в 1978 году, ко Дню Победы, музей распахнул свои двери для первых посетителей – ветеранов Великой Отечественной войны.

Большое внимание уделялось не только идейно-содержательной стороне экспозиций, но и проблемам ее художественного оформления. Гости, побывавшие в музее, отмечают эмоциональность и художественную выразительность экспозиции. В 1980 г. музей был паспортизирован.

Основные направления деятельности музея

Деятельность музея осуществляется на основе «Положения о музее Боевой Славы». Положение было разработано совместно советом музея и педагогическим коллективом.

Музей Боевой Славы является тематическим систематизированным собранием подлинных материалов и документов по следующим разделам:

- Д. М. Карбышев. Его жизнь и деятельность. Сопратники.
- Концентрационные лагеря. Узники лагерей.
- История карбышевского движения.
- Учителя школы – участники ВОВ.
- Наши земляки – участники ВОВ.
- Воины-интернационалисты.

- 97-я Полтавская гвардейская краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия.

- Из истории г. Ставрополя.

- Оборона Кавказа.

- Из истории инженерных войск России.

- Саперы-ставропольцы.

Музей имеет один экспозиционный зал, площадью 50,4 кв. м, оборудованный стендами, витринами. Временные и постоянные фонды хранятся в шкафах.

Для организации работы при музее создается совет музея из учащихся школы. В совет музея входят ежегодно от 30 до 40 человек. В начале учебного года совет музея составляет план работы. Он является координатором всей работы по военно-патриотическому воспитанию в школе, осуществляющейся в соответствии с Федеральной программой. Совет музея представляет собой разновозрастной отряд. В него входят ребята с 5 по 11 класс. Обязанности распределяются с учетом возрастных особенностей, интересов ребят и опыта работы.

Совет музея проводит работу по таким направлениям деятельности: организует сбор материалов и документов для пополнения фондов музея; осуществляет поисковую работу по всем направлениям деятельности музея; обеспечивает сохранность музейных материалов и документов, ведет инвентарную книгу музея; проводит экскурсии по экспозиции музея, беседы, лекции; сотрудничество с другими музеями и общественными организациями (краевым комитетом ветеранов войны и военной службы, «Клубом фронтовых друзей», клубом «Фронтовичка», карбышевцами страны); организует встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, интересными людьми, выпускниками школы; проводит линейки, митинги, вечера, конференции, уроки мужества, конкурсы, праздники и другие мероприятия, посвященные участникам Великой Отечественной войны, памяти Д.М. Карбышева, дням воинской Славы России, знаменательным датам в истории города; создает и обновляет экспозиции, стационарные и передвижные выставки; помогает учащимся в написании рефератов, подготовке докладов, выступлений по истории Родины, г. Ставрополя; организует тимуровскую работу в микрорайоне школы; следит за состоянием памятников Д.М. Карбышеву во дворе школы и мемориала на Ташлянском кладбище; поддерживает связь с военными частями, базирующимися на территории города, а также с теми местами, где служили ветераны-активисты музея Боевой Славы.

При музее существует уже сложившийся актив ветеранов. К большому нашему сожалению, они уходят от нас. Мы помним о них. У нас есть память об их добрых, неравнодушных сердцах. Но мы находим новых друзей, которые

приходят к нам на какое-то мероприятие и часто становятся уже членами нашего коллектива.

Роль музея в жизни школы

Особенность школьного музея, влияющая на характер его экспозиции, заключается в однородности его аудитории. Учащиеся на протяжении всего обучения в школе тесно связаны с музеем. При этом возникают определенные трудности. Вряд ли школьнику все 10 лет будет интересно видеть в музее одни и те же экспонаты. Посетитель требует постоянного обновления школьной экспозиции (15). Поэтому в нашем музее мы используем разнообразные приемы обновления экспозиции: введение новых дополнительных экспозиционных комплексов и разделов; частичная рээкспозиция отдельных разделов, замена некоторых экспонатов новыми; организация выставок.

Еще мы используем в музее фрагменты открытой экспозиции. Ребята могут потрогать вещи, поддержать их в руках (медали, каски, форму сапера, которую можно померить).

Большое место в экспозиционной деятельности музея занимает выставочная работа. Как правило, выставки тематические. Выбор темы обусловлен либо изучаемым материалом, либо мероприятием, которое готовится в школе. Пример темы проводившейся выставки: «Российские награды».

В практике нашей школы сложились следующие виды классной и внеклассной работы в музее: учебная экскурсия в музей; урок-экскурсия в музей; использование музейных предметов учащимися в качестве учебных пособий на уроке; демонстрация музейных предметов во время беседы учителя; подготовка докладов и сообщений учащимися для уроков по заданию учителя на основе их самостоятельной работы в музее; занятия кружков, обществ; проведение учебно-практических конференций.

Регулярно в музее проводятся уроки истории, обществоведения, литературы. Используя творческий подход, в музее проводят комплексные уроки: музыки и изобразительного искусства, иностранного языка, русского языка.

Например, проходит встреча с ветераном ВОВ Иващенко Л.В., а затем ребята пишут сочинение «Письмо ветерану». В этой обстановке учитель достигает не только учебной цели – учит вычлнять основную мысль рассказа, составить план сочинения и т. д. Воспитательное воздействие такого урока усиливается эмоциональной атмосферой, условиями, в которых проводится урок.

Для широкого использования музея в школе разработана система уроков и экскурсий с учетом возраста и учебных программ. Так, малышам рассказывают о детстве Д.М. Карбышева, есть экскурсия «Д.М. Карбышев в русско-японской войне», «Д.М. Карбышев в первой мировой войне», «300 лет на службе Отечества (об истории инженерных войск)» и т. д.

Музей является центром патриотического воспитания в школе. Здесь проводятся торжественные линейки, уроки мужества, классные часы, конференции, интеллектуальные марафоны, викторины, литературно-музыкальные вечера, тематические мероприятия. Например, традиционным стал интеллектуальный марафон по истории инженерных войск в январе, встречи с теми, кто освобождал Северный Кавказ, прием в юные карбышевцы в октябре – в день рождения героя, в сентябре – встречи с интересными людьми, жителями города Ставрополя.

Ребята нашей школы никогда не забывали о ветеранах Великой Отечественной войны, особенно живущих рядом с нами. Регулярно уточняют списки ветеранов, поздравляют с праздниками, оказывают реальную помощь. Общаясь с ветеранами, ребята стараются пополнить фонды нашего музея, создают более полную картину тех героических лет.

Многолетняя дружба связывает учащихся нашей школы с Краевым комитетом ветеранов войны и военной службы, клубом «Фронтовичка» Октябрьского района, клубом «Фронтowych друзей».

История оживает ярче, воспринимается более осознанно, если затрагивает что-то личное. Поэтому в работе нашего музея мы максимально стараемся использовать краеведческий материал.

На основе авторской анкеты мной проведен опрос учащихся 5–11-х классов нашей школы, который показал, что 98 % учащихся знают о работе школьного музея, а 72 % – принимают участие в его работе в разных формах. Ребята оценили значимость школьного музея и внесли предложения по его развитию. Общение учащихся с музейными предметами активизирует их восприятие, вызывает ощущение причастности к прошлому, к истории. Работая в музее, учащиеся открывают новое для себя из того, что уже известно многим, и иногда делают открытия, имеющие научно-практическое значение. В практическом общении закрепляются основы нравственного поведения.

Многолетняя деятельность школьного музея свидетельствует, что для всех ребят работа при музее Боевой Славы не проходит даром. Несколько поколений микрорайона Ташлы прошли через школьный музей, много замечательных людей побывало в нем. Об этом говорят записи выпускников в книге почетных гостей. Многим это помогло определить свой дальнейший жизненный путь, осознать, что такое истинный патриотизм.

Отзывы гостей о деятельности наших ребят хранятся в книге отзывов музея. Есть здесь отзывы Е.Д. Карбышевой – дочери Дмитрия Михайловича; Ю.П. Дорофеева – заслуженного деятеля науки РФ, почетного профессора Военно-инженерной академии, доктора военных наук, генерал-майора; Н.И. Николаевича – заместителя председателя «Движения юных карбышевцев», докто-

ра военных наук; А.Л. Черногорова – губернатора Ставропольского края; многих известных людей и выпускников школы.

Школьный музей - это живой организм. Он может развиваться только при условии хорошо поставленной работы, в результате которой собирается материал музейного значения. Пока ребята ведут поиск, музей будет живым, интересным делом.

Использованная литература и источники

1. Аксельрод В.И. Актуальные проблемы патриотического воспитания учащихся // Проблемы детско-юношеского туризма. М., 2003. - с. 10-14.
2. Бондаренко А., Сидельников М. Мы – карбышевцы, мы – выстоим! // Красная звезда. № 61 (23362). - 03.04.2001.
3. Володин О. Музей в школе. Каким ему быть? // Народное образование. 1988. №4.
4. Внеклассная работа по истории: Краеведение. М., 1975.
5. Воспитание гражданина и патриота. Ставрополь, 1999.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» – Вестник образования № 19, октябрь 2005г.
7. Дергунов В.А. К истокам гражданственности. Казань, 2003. с. 10-14.
8. Джаманкулова А. Не бумажный патриотизм // <http://www.ng/kz>
9. Зубайраев А.Л. Патриотическое воспитание: духовная сфера, опыт // Советская педагогика. 1990. № 5.
10. Изучение материалов Великой Отечественной войны в средней школе. Из опыта работы военно-патриотическому воспитанию на материалах краеведения. М., 1973.
11. Историко-культурное наследие Ставрополя в патриотическом воспитании молодежи: материалы Краевой научно-практической конференции (9 декабря 2005г.) – Ставрополь, 2006.
12. Крейн А.З. Рождение музея. М., 1969.
13. Крейн А.З. Жизнь музея. М., 1979.
14. Музеи боевой и трудовой славы // <http://www.edc.samara.ru>
15. Музей и современность. Проблемы координации научной и научно-просветительной работы. М., вып. II, 1976.
16. Музей и современность. Вопросы экспозиционной работы краеведческих музеев. М., вып. 1979.
17. Огризко З.А., Элькин Г.Ю. Школьные музеи. М., 1972. Основы советского музееведения. М., 1955.
18. Основы экскурсионного дела в музеях. М., 1976, вып. 1; М., 1977, вып. 2.
19. Патриотическое воспитание на уроках литературы и внеклассной работе М.: Просвещение, 1985.
20. Тенденции развития детских организаций и объединений в третьем тысячелетии: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Челябинск, 16-19 апреля 2003г.) – Челябинск, 2003.
21. Хореев А. Аплодисменты мужеству // Семья военнослужащего. № 2. 08.2000.

Цюпа Анна
учащаяся 11 класса МОУ лицея № 5 г. Ставрополя,

научный руководитель: **Борай В.А.**

Калмыки: становление общества, культура, быт, традиции

Степные просторы Северного Кавказа с давних времен привлекали многочисленные народы. Особое значение имели кавказские степи для кочевников, т. к. эти земли представляли для них ценность в качестве пастбищ. Кавказ еще с глубокой древности был известен разнообразием своего населения.

Расселение и экономическая жизнь калмыков

Одним из народов, появившихся в Предкавказье, были калмыки. История калмыцкого народа более или менее ясно обрисовывается только с 1227 года, после смерти знаменитого завоевателя Чингисхана, который объединял под своей властью монгольские племена. Долгое время перед приходом на просторы Предкавказья они кочевали в Китае. С низвержением монгольской династии в Китае для поддержания своей независимости три монгольских племени – Чорос, Хойт и Хошот, кочевавшие на границах Азиатской России, образовали союз. К ним присоединилось еще племя Торгоут. Союз этот получил название Дербен-Ойрат (Союз четырех племен).

В результате внутренней борьбы в ойратском союзе часть племен во главе с их вождями перекочевала в пределы Сибири. Одним из этих племен были торгоуты, выведенные из Зюнгарию их тайшею (главой) Хо-Урлюком. В 1621 году они расположились по берегам Оби, Иртыша и Тобола. Здесь их стали теснить Кириз-Кайсаки, назвавшие их калма (калмалык по-тюркски значит отделившиеся, отсталые). Во главе ушедших калмыков стоял Хо-Урлюк, который, узнав о просторах юго-восточной России, перекочевал в эти места. В 1630 году он захватил все пространство между Уралом и Волгой до Самары.

Русское правительство решило воспользоваться переселившимися калмыками с целью укрепления южных границ России. Но амбиции Хо-Урлюка шли вразрез с планами русских властей, он мечтал восстановить независимое ханство. Присоединив к своему войску татар, он напал на Астрахань и разграбил ее. Но в 1655 году его сын Шукур-Дайчин через послов принес клятву верности русскому правительству и обещал ему помощь в борьбе против крымцев, азовцев и других народов.

С 1672 года во главе этого многочисленного народа стал тайша Аюк, который оказывал значительную помощь русским властям, в частности, прини-

мал участие в походе Петра I к устью Терека. Он правил калмыками 50 лет. Далай-лама пожаловал его титулом хана. В 1710 году калмыки остались на землях Войска Донского и административно их подчинили его управлению. Но в 1771 году калмыки решили покинуть пределы России.

Во время их ухода во главе народа встал Убаши. Уход этот был связан с попытками русских властей привлечь калмыков к оседлости. В Китай пришло незначительное их число. Китайское правительство не оправдало возлагаемых на него надежд калмыков. Их расселили по владениям и заставили заниматься земледелием. В пределах России осталось около 13 тысяч кибиток.

Со времени их прихода на Кавказ они стали играть значительную роль в истории народов, населявших этот район. Российские власти долгое время фактически не вмешивались в образ жизни калмыков.

Основным занятием калмыков 1-й половины XIX века было скотоводство, поэтому скот являлся основным богатством кочевого хозяйства. Они разводили овец, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. Жизнь калмыка полностью зависела от состояния скотоводческого хозяйства. Жилище, пищу, одежду – все это давало кочевое хозяйство. В натуральное хозяйство кочевника, благодаря близости русского населения, стали проникать денежные отношения. Из центральных губерний в улусы весной съезжались купцы. Особой популярностью на торгах пользовались овцы. Калмыки посещали ярмарки Саратовской, Астраханской губерний, Кавказской области и земли Войска Донского.

Следовательно, единственной отраслью хозяйства было кочевое скотоводство. Стада служили обеспечением нормальной жизнедеятельности кочевников. Скот давал им одежду, пищу. Хлеб чаще всего покупали в ближайших русских городах и селениях.

Интересно определялась состоятельность калмыков: «Когда калмык имеет от 500 до 5 и 10 тысяч овец, от 100 до 2 тысяч лошадей, от 100 до 500 голов рогатого скота и от 25 до 100 верблюдов – он богат; безбеден – когда есть от 50 до 150 овец, от 10 до 50 лошадей, от 10 до 100 голов рогатого скота и от 5 до 15 верблюдов; и, наконец, самый ограниченный – если у него не более 20 овец, две или три лошади и голов пять рогатого скота». Калмыки, вообще не имевшие скота, оставляли кочевую жизнь. Их называли байгуши. Из-за отсутствия скота – единственного источника пропитания – они вынуждены были становиться наемными рабочими. Они нанимались в рыбопромышленные ватаги. На ватагах и мореходных судах калмыки употреблялись исключительно как рабочие (музуры). Их труд также использовался в работе при добыче соли из озер, и они нанимались на суда, но не для ловли рыбы и боя тюленя, а гребцами.

Земля, по которой кочевали калмыки, принадлежала государству. Границы их кочевий долгое время не были определены русскими властями. Но 27 сентября 1800 года последовал Высочайший указ императора Павла I, который гласил, что владельцам Малого и Большого улуса с их народом, кочующим в Астраханской губернии, пожалованы во владение все земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью, словом, все те земли, на которых до ухода за границу кочевали калмыки.

Как видно из данных, приведенных выше, ни границы, ни состав пожалованных калмыкам во владение земель не были определены. Этот документ не имел должных юридических последствий, т. к. калмыки не получили межевых документов, закрепляющих их владельческие права на землю.

Калмыки, которые находились на территории Войска Донского, самовольно ушли в Астраханскую губернию. Как видно из рескрипта военного губернатора Кнорринга, по причине «беспорядка, вкоренившегося в правлении войска Донского». Павел I не усмотрел в их уходе ничего страшного. Самое главное – чтобы они оставались подданными России. Русские власти приложили ряд усилий, для того чтобы вернуть ушедших калмыков, но силовые методы применены не были. Пожелавшие остаться калмыки были причислены к Малому Дербету. Кнорринг предложил командировать их на кордон против Киргиз-Кайсаков. С Дона в Астраханскую губернию перекочевало 1570 кибиток. Эта проблема разрешилась мирным путем. Но затем возникает ситуация с указом Павла I от 27 сентября 1800 года. Как уже отмечалось, этот документ четко не определял владельческих прав на землю. При осуществлении этого указа возникли некоторые затруднения. Причины сложностей выполнения этого закона отмечал князь Цицианов в указе от 12-го июня 1803 года. Он сообщал, что многие из тех земель, которые раньше занимали калмыки, заселены ногайцами и туркменами, а также на них находятся поселения государственных и помещичьих крестьян.

К тому же бывшая территория калмыцких кочевий входила в состав земли Войска Донского и принадлежала Саратовской губернии. В дальнейшем четких распоряжений императора не последовало. Калмыки численностью до 13 тысяч кибиток кочевали зимой и летом, начиная от Царицына, по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и по мочагам и частично на луговой стороне Волги, т. к. туда часто совершали набеги казахи. Таким образом, вся эта обширная степная полоса с помощью калмыков ожила и заселилась.

Ведя кочевой образ жизни, мало кто из калмыков стремился к оседлости. Но и среди них встречались редкие случаи обзаведения земледельческим графством.

Всего же в степях Предкавказья было около 25 тысяч кибиток кочующих калмыков. Правительство предпринимало попытки внушить кочевникам преимущества выгод жизни постоянной перед кочевой, не подавая никакого вида принуждения.

В дальнейшей своей политике правительство предприняло ряд законодательных мер с целью привлечения, в частности, калмыков к оседлому образу жизни. В 1846 году вышла «Инструкция о заселении дорог, пролегающих через калмыцкие степи». Этот Указ основывался на предложениях, сделанных князем Цициановым еще в 1806 году. До 1846 года они не подлежали рассмотрению.

Из данной Инструкции видно, что заселение должно было быть произведено на следующих основаниях: 1) По протяжению показанных на плане дорог через калмыцкие земли учредить 44 станицы. 2) Поселения калмыков произвести по добровольному их согласию. 3) Для поселения калмыков отвести к станицам потребное число земли по 30 десятин на душу и 1/5 часть в запас.

Калмыцкая привилегированная верхушка общества получала в случае оседлого поселения от 200 до 1500 десятин земли, в зависимости от сословного положения. Правительство не ограничивалось только льготным наделением земель, также местные власти должны были выдавать денежные пособия на обустройство земледельческого хозяйства.

С изданием закона 1846 года калмыки Большедербетовского улуса оказались в совершенно особых условиях землепользования, в отличие от своих соплеменников Астраханской губернии. Астраханские калмыки по-прежнему оставались кочевниками, пользовались землями сообща, по-улусно, ставропольские же калмыки выразили желание устроиться оседло и получили душевые наделы. Значительную роль в обустройстве землевладельческого хозяйства сыграла близость с русским населением. Оно имело большое значение для обмена сельскохозяйственным опытом.

Особенности общественного строя

Весь калмыцкий народ делился на три главных рода, которые делились на девять улусов. Улусы были разделены на аймаки, т. е. участки зайсангов. Самым мелким административным делением были хотоны, состоящие из нескольких кибиток. Калмыки сохранили родовое деление своего общества со времен Монгольской империи. Калмыцкое общество делилось на три рода: 1) Торгоуты; 2) Дербеты; 3) Хошоуты.

Торгоуты делились на шесть улусов: Икицохуровский, Яндыковский, Харахусовский, Эрдени-Кичиковский, Багацохуровский, Эркетеневский. Род Дербетов получил свое название от монгольского слова «дербюн», что означает четыре, т.к. составляли 1/4 часть монгольского войска. Название рода Хошоутов происходит от слова «хош», что означает стан или лагерь, т.к. они являлись

очень воинственным народом. В XIX веке род дербетов был разделен на два улуса: Большедербетовский и Малодербетовский. Фактически астраханские калмыки составляли Малодербетовский улус, кочевали раздельно с 1785 года. Род Хошоутов образовал Хошоутовский улус.

В улусы объединялись люди, ведущие свое происхождение от одного родоначальника. Улус, как было отмечено выше, делился на аймаки и хотоны.

Хотон – кочевой поселок, состоящий из близких родственников. В хотоне было от 15 до 20 кибиток, а иногда и меньше. Аймак представлял группу из нескольких хотонов или союз родственных между собой семей разных ветвей, получившихся в результате дробления древних родов. Величина аймаков была различна. Иногда аймак был не намного больше хотона, а иногда в нем было больше 100 и даже до 200 кибиток.

К середине XIX века произошел упадок в скотоводческом хозяйстве кочевников, который исследователи связывали с природными катаклизмами и социальным расслоением. Ухудшение климата и ряд других факторов привели к обеднению части калмыцкого общества. Беднейшие слои населения, лишенные единственного источника существования – скота, становятся байгушами (бедняками). Чтобы выжить в такой ситуации, они вынуждены были оставлять кочевой образ жизни и становиться наемными рабочими, труд которых использовался в рыбных промыслах и других видах трудовой деятельности.

Традиционные обряды

У каждого народа существуют свои традиции, обряды, национальные костюмы, в общем, все то, что и делает его особенным, точно так же они присутствуют и в культуре калмыков. Обратимся к некоторым, наиболее важным из них.

Свадьба

В источниках нет точных указаний, с какого возраста предписывалось женить сына (по некоторым данным, в 18–19 лет). Что касается девушек, то в законах 1640 г. говорится: «Следует брать в жены девиц, имеющих более четырнадцати лет; о меньшем возрасте должны засвидетельствовать дэмчеи и шуленги. Кто нарушит это постановление, дочь того взять и отдать замуж без скота (т. е. без выкупа)». На практике не всегда придерживались этого установления. В середине XVIII в. Джап, Гецулева дочь, была выдана замуж в 10 лет, прожила с мужем 5 лет, потом ее забрал зайсанг их аймака и держал при себе в качестве наложницы, а женившись официально на другой, содержал ее в «холопстве», во время которого она «блудно» прижила с посторонним мужчиной сына.

Свадьба была ярким событием в жизни не только для двух роднившихся семей, но и для их близких, для хотонов, где они проживали.

Подготовка. Прежде чем засватать девушку из чужого дальнего хотона, родители жениха посылали туда «разведчика». Он должен был познакомиться с родителями девушки, разузнать исподволь, в каком состоянии их хозяйство, каков авторитет этой семьи в хотоне. А самое главное – он во что бы то ни стало должен был, увидев девушку, постараться в результате собственных наблюдений определить ее характер: груба она или вежлива, угрюма или жизнерадостна, трудолюбива или ленива. В кармане у такого «разведчика» был припасен сухой «орешек» – помет козленка, который он, улучив момент, незаметно подкладывал в наперсток, висящий на жердочке решетки возле постели девушки. Через несколько дней хитрец непременно находил повод снова побывать в этой же кибитке и проверить, пользовалась ли девушка наперстком. Если в наперстке ничего не было – значит девушка пользовалась им, что-то шила, значит, она мастерица...

Впервые же «разведчик» в кибитку родителей девушки попадает как бы случайно, дескать, ищет он отбившегося от табуна коня: «Не видели ли, люди добрые?». Потом такой гость просится на ночлег, а утром, проснувшись на рассвете, притворяется еще спящим и потихоньку наблюдает за девушкой. Если она встанет раньше всех и, быстро приведя себя в порядок, сбегает за водой, а потом поможет матери подоить корову и управиться по хозяйству, значит она трудолюбива, да к тому же уважает родителей. А если девушка к тому же вежлива, умеет находчиво и умно ответить на несколько вопросов, заданных ей как бы между прочим «разведчиком», то, можно сказать, что вопрос о сватовстве уже решен. Если же девушка встает позже матери, ходит сонная и неприбранная, позевывает и ни к чему не прикладывает рук – о сватовстве не может быть и речи.

Со свадьбой у калмыков прежде всего были связаны значительные материальные расходы. К этому событию готовились тщательно и достаточно долго – приготовление порой тянулось до года, а то и до двух лет. За это время обе стороны обговаривали, кто и что будет готовить для молодой семьи: родители жениха готовили остов кибитки со всеми войлочными покрытиями и различными к ней приспособлениями, родители невесты – необходимую для дома обстановку: кровати, сундуки, шкапулки, всевозможную утварь, ковры, узорные ширдыки, постельные принадлежности, красивую тесьму, которая опоясывает кибитку снаружи.

Когда приготовления заканчивались, начиналась свадьба (хюрм), состоящая из трех главных торжественных церемоний:

Церемония первая – первый приезд жениха в кибитку родителей невесты. О нем заранее оповещали родителей два верховых молодца, прибывавших с аракой и лакомствами для детей.

К этому дню обе стороны готовились усердно: родители отправляли жениха в гости не с пустыми руками – жарили борцоки, покупали конфеты и пряники, варили тушу барана. Оповещали заранее участников поездки. Посылали родным невесты плитку калмыцкого чая и два мускатных ореха, а также белый платок с завязанными в одном из его уголков серебряными и медными монетами (в знак единства) и немного кумыса (в знак благодарности). Наконец жених и его друзья (не менее десятка мужчин) отправлялись в путь верхом на лошадях. Их сопровождала подвода, груженная подарками.

Поездку возглавлял старший из близких родственников жениха, хорошо знающий свадебный обряд, а также соответствующие пословицы, поговорки, прибаутки, свадебные песни. Группа останавливалась, не доезжая хотона невесты, и высылала верхового предупредить родителей девушки о приближении хюрм. Когда посланец возвращался, группа продолжала путь: впереди 2–3 наездника во главе со старшим, за ними подвода с гостинцами, следом – верховые с женихом. Въезжали в хотон по ходу солнца. Встречали их мужчины – родственники девушки: придирчиво проверив наличие всех предметов, полагающихся согласно свадебному обряду, приглашали гостей в кибитку.

Отсутствие какого-либо одного полагающегося по обычаю предмета влекло за собой отсрочку свадьбы. По правой стороне кибитки рассаживались мужчины во главе со старшим, по левой – женщины, возглавляемые старшей по возрасту; на почетном месте садились старики. Молодежь вместе с невестой собиралась в другой кибитке.

По обычаю, прибывшие сначала спрашивались о здоровье и благополучии всех членов семьи и родственников невесты, расспрашивали о хозяйстве, беседовали о погоде. Только после этого начиналось угощение. Молодые женщины набивали старшим трубки, разносили чай в пиалах, молодые мужчины подавали привезенные мясо и араку. Старики произносили благопожелания: «Пусть молодые построят кибитку на возвышенности, пусть будет привязь для скота на травянистой земле, да пусть живут в зеленой долине без войн, без всяческих бедствий!...».

Вечером родители невесты варили, в свою очередь, тушу барана, да не одну, и веселье продолжалось: танцевали, пели, шутили... Жених при этом соблюдал общепринятые правила приличия: вел себя степенно и скромно, воздерживался от спиртных напитков.

После долгих просьб и увещаний гостей родители разрешали невесте показаться присутствующим. Та входила в сопровождении двух своих подруг, потупив взгляд и опустив голову, стараясь не привлекать к себе внимания. Ее приветствовали стоя, а старший высказывал невесте благопожелание. Гости просили ее подать старшему пиалу с чаем, набить трубку табаком, спеть и

станцевать. Невеста исполняла пожелания гостей, которые бурно ее благодарили и одаривали деньгами, а когда она пускалась в пляс, монеты бросали ей и под ноги.

Затем начиналась самая ответственная часть хюрм, от которой зависела вся судьба свадьбы. Все вдруг упиралось в то, насколько старший знал фольклор. Подавая ему мясо, в тарелку подкладывали двадцать пятый позвонок барана. Съев мясо и добравшись до позвонка, старший должен был рассказать все девять легенд. Если он что-либо забывал или путал, позор падал на его хотон. Хозяин дома мог из-за опростоволосившегося старшего отказаться выдать свою дочь замуж или оштрафовать родственников жениха, обязав дополнительно ко всем оговоренным подаркам добавить еще и оседланного коня.

Но вот старший с честью выходил из положения, и ему подавали лопаточную кость. Теперь он по приметам лопатки должен был определить характер хозяина да еще сказать, какая предстоит зима, просторны ли овечьи базы, широка ли у хозяина тропа для скота, наварист ли шулюм в его котле. Если старший угадывал верно, его награждали и считали, что нашли для дочери хороших и мудрых новых родных. Так пировали до рассвета. Пир продолжался и на следующий день: гостей со стороны жениха по очереди приглашали к себе все родственники невесты, угощая кто чем может. Но вот второй день истекал, и гости, произнеся прощальные тосты и поблагодарив за гостеприимство, уезжали.

Церемония вторая – это второй визит. В состав женской группы визитеров входила опытная в таких делах женщина и одна из молодых снох жениха (чаще всего – жена старшего брата). Они везли с собой сладости, две туши баранов (вареную и сырую), борцоки, ситец. В кибитке родителей невесты происходил раскрой привезенных тканей, потом там же шили свадебный полог, наволочки, одежду (эмскюл) для родителей невесты.

Прием гостей происходил в том же установившемся порядке, что и при первом приезде. Вечеринка, которая устраивалась по окончании работы, сопровождалась шутивными разговорами, играми. Когда гости возвращались домой, им вручали всякие подарки. Чем богаче были родители, тем дороже подарки они преподносили.

Церемония третья – увоз невесты. Этот день назначался заранее.

Оговаривались предварительно и время пребывания в хотоне родителей невесты, и время дня, когда невесту предполагалось вывести из родительского дома, и цвет ее одежды, и год рождения мужчины, который первым прикоснется к ней рукой, и масть лошади, на которой увезут девушку из родного дома. Обо всех этих тонкостях родителей невесты оповещали верховые, которые,

возвращаясь с ответом, увозили с собой принадлежности, приготовленные для кибитки молодых.

Родители жениха ставили для молодой семьи белую кибитку, а родственники, близкие и знакомые дарили все, что могли. Готовились подарки и для родных невесты.

Родители невесты собирали на семейный совет родных и близких, чтобы решить вопрос о приготовлении приданого и подарков для родных жениха. Количество и качество приданого зависело от материального положения семьи. Следует отметить, что обычно родители готовили приданое для дочери еще с ее раннего возраста.

В период предсвадебной подготовки в хотоне невесты проводились вечеринки для юношей и девушек. На этих вечеринках исполнялись различные танцы и обрядовые песни, которых у калмыцкого народа множество. Такие вечеринки тянулись вплоть до самой свадьбы, так как почти каждый день невесту приглашали поочередно и родственники, и близкие, одаривая ее и угощая подруг и родных.

Девушка, в свою очередь, одаривала своих друзей: девушкам дарила платки, юношам – расшитые кисеты и кошельки.

В день свадьбы в обоих хотонах все без исключения – от детей до стариков – надевали лучшие свои одежды для участия в празднестве. Приглашались лучшие домристки, за которыми порой специально посылали коней в соседние хотоны. На свадьбу шли все – и приглашенные, и неприглашенные, как говорится, «На свадьбу даже череп катится». И каждый, кто приходил, должен был остаться довольным.

И вот в хотон невесты отправлялись гости (не менее двадцати человек, в основном – мужчины). Они везли условленное количество мяса, вина, лакомств. Родители невесты уже были готовы к приему гостей. Празднество проводилось в том же порядке, что и предыдущее. Только на этот раз гости приезжали днем, до заката солнца, и оставались на всю ночь, стараясь не заснуть, чтобы не проспять то время на заре, когда еще чуть видны кожные узоры на ладони и когда надо будет увозить невесту. За невестой посылали самых ловких, хорошо поющих, прекрасно танцующих и сметливых парней. И это потому, что в хотоне невесты они могли в любой момент подвергнуться всяческим испытаниям: как они танцуют и как поют, как разгадывают всевозможные загадки, головоломки... Двустороннее состязание в искусстве умного диалога, ловкости, памяти. Молодые люди и с той и с другой стороны одевались нарядно, их кони тоже были украшены. Естественно, что девушки исподтишка наблюдали за парнями.

Веселье продолжалось всю ночь, а на заре гости пытались побыстрее увезти невесту, что у них зачастую не сразу получалось: подруги невесты и молодые парни из ее хотона старались как можно дольше задержать их, пряча вещи невесты.

Гости выносили приданое, укладывали на подводу, а в это время их осыпали ударами плетей и ташмаков (бичей) сгрудившиеся вокруг женщины и молодежь. Затем заходил в кибитку тот из мужчин, который должен был первым прикоснуться рукой к невесте. Собравшиеся мешали ему это сделать, нанося порой совсем нешуточные удары. Тут же происходило прощание матери с дочерью. Мать подавала дочери чашку с молоком или кумысом (чигяном) и, целуя, напутствовала дочь. Но вот назначенный заранее мужчина все же касался руки девушки, выскакивал из кибитки, прыгал на коня и ждал, усевшись позади седла, приготовленного для невесты. После этого в кибитку заходили друзья жениха и, преодолевая сопротивление окружающих, брали невесту и усаживали в седло. Они вывозили ее за хотон, где была приготовлена оседланная лошадь, ожидали запряженные верблюды и конные подводы, и передавали невесту родным жениха, которые сопровождали ее к новому дому. В числе сопровождающих непременно присутствовала молодая сноха или родственница отца жениха. Завершив этот обряд, представители стороны жениха с радостью выезжали вместе с невестой домой. Их сопровождали несколько парней на празднично украшенных верховых лошадях – представители со стороны невесты. Когда до дома жениха оставалось 5–6 километров, обе стороны прищипывали коней и пускались вскачь.

И своих, и гостей встречал весь хотон: в нарядных одеждах выходили и старые, и молодые.

Одна из самых красивых девушек хотона выступала вперед и махала над головой платком, в одном из уголков которого были завязаны серебряные и медные монеты. Каждый из скачущих старался прийти первым и изо всех сил торопил коня. Встречающие непрерывно подбадривали всадников, крича и улюлюкая. И тот, кто долетал на своем коне первым, на скаку выхватывал платок из рук красивой девушки – это был приз за победу в скачках в честь невесты.

Потом молодые женщины и девушки со стороны жениха встречали невесту – снимали ее с коня (или телеги) и вели по ходу солнца в специально поставленную для молодых кибитку. Двое верховых везли впереди них голубой полог. В кибитку вносили приданое невесты, вводили и усаживали будущую хозяйку за полог, где ее окружали девушки. Справа от двери садились женщины, слева – мужчины, все в порядке старшинства. Начинался свадебный пир в хотоне жениха.

Во второй половине дня исполнялись обряды по приему невесты в родительский дом мужа: поклонение молодой снохи очагу его родных, бурханам, золотому солнцу – источнику света и тепла, духу предков. Большая берцовая кость с альчиком, положенная перед девушкой, символизировала пожелание ей сына, который будет играть в альчики.

И, наконец, отдавался поклон отцу и матери, во время которого сопровождавшие невесту мужчины забрасывали их кусочками курдючного сала из полной чаши. После обрядовых поклонов сопровождавшие невесту гости спрашивали, согласны ли родители принять невесту.

Едва молодая переступала порог кибитки, начинался шуточный обряд перетягивания бараньей шкуры: гости тянули за один конец из кибитки, родные жениха – за другой, вовнутрь кибитки. Когда шкура разрывалась (не без помощи ножа, конечно) на две части, наружную ее половину перебрасывали через кибитку в направлении севера, а ту половину, которая оставалась внутри кибитки, клали с правой стороны кибитки.

Переступив порог своего нового дома, молодая хозяйка бросала в огонь очага кусочек сала и кизяк. Все присутствующие при этом желали молодым счастья, здоровья, наследников и т. п. Молодую снова сажали за полог с молодыми девушками – ведь она до сих пор еще в девичьей одежде.

После захода солнца молодежь продолжала веселиться, перейдя в другую кибитку. А в кибитке родителей оставались одни старшие. Они продолжали пировать, звучали шутки, народные песни, не затихали словесные состязания, в которых каждый старался проявить свою находчивость и мудрость.

Две пожилых женщины шли к невесте в кибитку новобрачных. Здесь они расплетали ее девичью косу (отныне она будет носить две косы с шиверлыками), надевали на молодую женскую одежду. Затем женщины приводили в кибитку жениха. Молодые оставались наедине.

Утром невесту приглашали в кибитку свекра и свекрови. Здесь она варила чай и первую пиалу подносила свекру. Тот произносил благопожелание и давал невестке новое имя, а пиалу возвращал ей, но уже с деньгами. Родные невесты одаривали родителей жениха привезенными подарками.

Несколько дней длился свадебный пир. Прощаясь, родители жениха преподносили, в свою очередь, подарки всем гостям, сопровождавшим невесту, ни для кого не делая исключения. На этом свадебная церемония заканчивалась.

В брачных обычаях, особенно при выборе невесты, ощущались отголоски (если не более) экзогамии. Запрещалось брать в жены не только сравнительно близких, но и весьма дальних родственниц по отцовской линии; проще обстояло дело при счете по материнской линии. Калмыки, за редкими исключениями, никогда не брали жен из своего объединения: т. е. торгутские женились на дер-

бетских и хошутских калмычках, дербетские – на торгутских и хошутских и т. д. Постоянные брачные контакты между названными домами приводили к тому, что, по нашим понятиям, вступающие в брак могли оказаться близкими родственниками.

Случались отклонения от принятых норм женитьбы или замужества. Известен один случай, когда торгутский нойон был женат на своей близкой родственнице по отцовской линии. Сын хана Аюки от последней жены, джунгарки Дармы-Балы, взял в жены дочь Дондук-Омбо, т. е. в данном случае дядя был женат на дочери своего племянника. Женились, в первую очередь простолюдины, чаще всего по распоряжению своих зайсангов и нойонов, на пленных женщинах различной национальности, на купленных девушках и т. п. Встречаются случаи, которые трудно объяснить однозначно. От второй половины XVII в. дошло известие о Мергене Мунжуеве и некоей Истинчейке, живших в своем улусе «блудным воровством» и бежавших к юртовским татарам под Астрахань. Кто знает, быть может, за этим скрывается драма влюбленных, не надеявшихся соединиться в законном браке из-за жестоких обычаев, когда согласия молодых не спрашивали, а все решали родители или владельцы.

Практиковались похищения девушек (чаще всего с их согласия) для последующей женитьбы на них. В 1765 г. «незаконнорожденный» брат торгутского нойона Бамбара (Бамба) Логи увез дочь дербетского нойона Сампил-Норбо (сын Лабан-Дондука) Ани, что не вызвало никаких жалоб и действий со стороны ее родственников (отца ее уже не было в живых). Наводивший по этому случаю справки переводчик Я. Самсонов докладывал по начальству: «Да и они, калмыки, как знатные, так и подлые (простые), все объявляют, что у них такое обыкновение издревле состоит, что холостые люди как владельцы, так и подлые, в жены себе девок увозят, чего де для и он, Логи, ее, Аню, увез, чтоб ему на ней жениться».

Многоженство не возбранялось и регулировалось более всего имущественным положением и хозяйственно-домашними потребностями. Калмыки, как правило, имели несколько жен, причем можно было после смерти отца жениться на мачехах и на женах умерших старших и младших братьев. Большинство таких супружеств диктовалось чисто материальными соображениями: новоявленные мужья таким способом прибирали к своим рукам улусы умерших родственников. Правда, такой способ приобретения новых подвластных был возможен лишь в том случае, если у вдовы не было взрослых сыновей или же они были малолетними, а, значит, временно недееспособными.

Разводы не были редкостью в калмыцком обществе ХУП–ХУШ вв. и могли вызываться различными причинами: от бездетности или длительной болезни одного из супругов до тривиального «не сошлись характерами». Инициация

тива, судя по свидетельствам, чаще всего исходила от мужей и реже от жен. Некоторые супруги расставались со своей половиной без всяких видимых причин и объяснений. Были случаи, когда жены насильно разлучались с мужьями; короче говоря, встречались различные, порой курьезные, порой драматические ситуации.

Что касается семейной жизни калмыков, то от середины и второй половины XVIII в. осталось много свидетельств о длительных, порой очень ожесточенных столкновениях между знатными супругами.

В длительной ссоре находились, например, хошоутский нойон Тукчи с женой Эсенью, дербетский Галдан-Церен с Оджей, Замьян с Данарой (Дан-Араши), причем во всех случаях обе стороны шли на довольно решительные действия. Так, Галдан-Церен зайсангов, поддерживающих Оджу, бил плетьюми, зашивал руки в мокрые кожи (при высыхании они больно стягивали тело), жег огнем животы и т. д., а жену ставкой отвел вдаль и оставил без пропитания, так что последняя вынуждена была просить 30 баранов на питание у икицохуровского нойона Маши. Жены же Тукчи и Замьяна устраивали нападения на своих мужей, а Замьян на короткое время даже был посажен под домашний арест.

Вполне понятно, что родственники подобных жен не могли хранить стоическое безразличие, тем более, что некоторые из них происходили из более знатных семей. Например, Дакара была сестрой хана Дондук-Даши, Оджа – его дочерью, а Эсен – внучкой Доржи Назарова. Как бы там ни было, родственники с обеих сторон так или иначе бывали втянуты в улаживание семейных ссор что, в конечном счете приводило к натянутым отношениям уже между целыми улусами, а это не могло не волновать и представителей царской администрации.

Н.Г. Спицын в донесении Коллегии иностранных дел от 23 ноября 1747 г., характеризуя семейные отношения нойонов, сообщал, что «ныне вошло у них в обычай, что от многих знатных владельцев жены своевольно отходят и выходят в замужество за других, за кого пожелают», и испрашивал инструкций на этот счет.

Рождение ребенка

Рождение ребенка – великое таинство, которое издавна окружало большое количество суеверий и предрассудков, однако в калмыцком обществе все было несколько иначе. Дети считались некоей рабочей силой, которая в будущем должна обеспечить достойную старость родителям.

Рождение мальчика, а тем более первенца, встречалось в любой калмыцкой семье с радостью (как-никак это будущий кормилец); правда, если рождалась девочка, то это событие тоже не считалось особой трагедией. Более того, если она была первенцем или же родилась после долгого ожидания детей, то соблюдались все церемонии, производимые при рождении младенца мужского

пола: снятие шапки с отца и требование символического «выкупа», прием поздравляющих и их угощение, дарение монет со стороны гостей и т. п. В будущем, надеялись родители, она удачно выйдет замуж за хорошего работника и станет обеспечивать дальнейшее существование родителей.

Если природа уготовила всем людям одинаковое начало жизненного пути, одинаковый первый шаг, то сразу же вслед за этим пути расходились соответственно сословной принадлежности, имущественному положению родителей, а порой и простого везения, стечения обстоятельств. Жизнь того времени не баловала благосклонностью представителей трудовых масс, протекала она незаметно и буднично, не привлекала внимания царской администрации (кроме чрезвычайных обстоятельств), потому и очень слабо отражена в источниках, чего нельзя сказать о представителях калмыцких феодалов, особенно знати.

Обычно научившийся ходить ребенок простолюдинов был чаще всего предоставлен самому себе, подвергаясь минимально необходимому контролю, и проводил время в детских забавах, приглядываясь к действиям взрослых. «Босоногое» детство кончалось рано, и в 7–10 лет мальчик, уже отлично сидевший на лошади, начинал помогать в пастьбе скота и прочих мужских работах, а девочка становилась помощницей матери в домашнем хозяйстве.

В источниках нет конкретных свидетельств о специальном обучении детей калмыков грамоте и прочим школьным премудростям, но подобное вполне вероятно, так как большинство взрослых калмыков, известных в XVIII–XIX вв., обладали определенной грамотностью, умели читать.

Большой научный интерес представляют и другие особенности культуры и традиций калмыков.

Использованная литература и источники:

1. Батмаев М.М. Калмыки в ХУП–ХУШ веках. Элиста, 1993.
2. Дормидонтов Р.В. На просторах Калмыкии. Элиста, 1985.
3. Мукаева О.Д. Этнопедагогика калмыков: история, современность. Части 2, 3. Элиста, 2003.

